

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Гринченко, В.
//

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ,

собранные въ Черниговской и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ.

Выпускъ 1.

Разсказы, сказки, преданія, пословицы, загадки и пр.

Б. Д. Гринченко.

ЧЕРНИГОВЪ.
Типографія Губернскаго Земства.
1895.

GR203
U5H73
v.1

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Печатаемые здѣсь этнографическіе матеріалы представляютъ собою изложенные прозою народные рассказы, легенды, преданія, сказки и проч. Часть ихъ записана въ разное время (отъ 1878 до 1893 г. включительно) лично нами или, по нашимъ указаніямъ и подъ нашимъ руководствомъ, нѣкоторыми учениками тѣхъ школъ, гдѣ намъ приходилось быть учителемъ,—особенно гг. М. М. Нечипоренкомъ и И. Д. Шоломѣмъ; затѣмъ остальная часть матеріаловъ была доставлена г-жею М. Н. Гринченко и гг. В. Т. Андріевскимъ, А. А. Гарнѣ, М. А. Дикаревымъ, І. К. Журавскимъ, А. А. Русовымъ, М. В. Рклицкимъ, П. Н. Солониною, В. Ф. Степаненко и П. Я. Череватенко; кромѣ того, въ имѣвшихся въ нашемъ распоряженіи рукописяхъ покойнаго Трофима А. Зиньковского (род. въ 1861, умеръ въ 1891 г.) мы нашли записанные имъ народные пѣсни и рассказы,—послѣдніе мы присоединили къ своему собранію; наконецъ, мы воспользовались нѣ-

II.

которыми записями покойнаго М. С. Гаврилова. При каждомъ № указано гдѣ (исключеніе представляютъ только записи Т. А. Зиньковского) и кѣмъ онъ записанъ; если записыватель не обозначенъ, то запись принадлежитъ намъ.

Почти весь помѣщаемый здѣсь матеріалъ есть достояніемъ *обще-народнымъ* въ томъ смыслѣ, что эти рассказы, сказки и пр. могутъ быть рассказаны каждымъ крестьяниномъ; хотя и есть нѣкоторые изъ нихъ, носящіе личный характеръ (напр. № 51), — однако личное здѣсь только форма, а мнѣнія о фактахъ, составляющихъ содержаніе подобныхъ рассказовъ, общераспространены въ народной массѣ.

Что касается систематизаціи помѣщаемаго здѣсь матеріала, то мы взяли для него тѣ рубрики, которыя приняты были книгою «Малорусскіе народныя преданія и рассказы» (Кіевъ, 1876), и желающаго поясненія ихъ прямо отсылаемъ къ предисловію въ этой книгѣ; здѣсь-же только замѣтимъ, что мы нѣсколько измѣнили заглавія нѣкоторыхъ рубрикъ, примѣнительно къ имѣвшемуся у насъ матеріалу.

Читатель встрѣтитъ здѣсь какъ совершенно новые рассказы, сказки и проч.; такъ и варианты рассказовъ уже бывшихъ въ печати. Изъ имѣвшихся въ нашемъ распоряженіи вариантовъ мы выбрали только тѣ, которые, давая новыя черты, подробности и пр., представляли тѣмъ самымъ интересъ и рядомъ съ напечатанными уже раньше вариантами. Насколько могли, мы отмѣтили подъ соотвѣтствующими номерами тѣ изъ напечатанныхъ

III.

уже народныхъ произведеній, которыя или представляютъ собою варианты печатаемыхъ здѣсь, или имѣютъ съ ними близкую связь; такія указанія сдѣланы нами только по слѣдующимъ, имѣвшимся въ нашемъ распоряженіи, изданіямъ:

1. *Чубинскій*. Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, снаряженной ИМПЕРАТОРСКИМЪ русскимъ географическимъ обществомъ. Спб. 1872—1878. 7 томовъ.

2. *Дикаревъ*. Воронежскій этнографическій сборникъ. Изд. Воронежскаго губернскаго статическаго комитета. Воронежъ. 1891.

3. *Ефименко*. Сборникъ малороссійскихъ заклинаній. Изданіе ИМПЕРАТОРСКАГО общества исторіи и древностей Россійскихъ М. 1874.

4. *Комаровъ*. Нова збирка народнихъ малоруськихъ приказокъ, прислів'ївъ, помовокъ, загадокъ и заговлянь. Одесса. 1890.

5. *Манжура*. Сказки, пословицы и тому под. Х. 1890.

6. *Маркевичъ*. Обычай, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ. Кіевъ. 1860.

7. *Номис*. Українські приказки, прислів'я і таке инше. Спб. 1864.

8. *Рудченко*. Народныя южнорусскія сказки. 2 вып. К. 1869—1870.

9. *Сементовскій*. Малорусскія загадки. Спб. 1872.

10. *Шейковский*. Быть подолянъ. 2 вып. Кіевъ. 1859—1860.

11. *Малорусскіе* народные преданія и рассказы. К. 1876.

IV.

12. *Дешко*. Народныя пѣсни, пословицы и поговорки Угорской Руси. (Записки ИМПЕРАТОРСКАГО русскаго географическаго общества. По отдѣленію этнографіи. Томъ первый. Спб. 1867) и «Пословицы и поговорки Галицкой и Угорской Руси. (Тамъ-же, томъ второй. Спб. 1862).

13. *Кулишъ*. Записки о южной Руси. Спб. 1856—1857. 2 тома.

Остальныхъ изданій, въ которыхъ помѣщены прозаическія малорусскія народныя произведенія, мы не имѣли возможности достать, почему и не дѣлаемъ нигдѣ на нихъ указаній. Извиненіемъ въ этомъ недостаткѣ нашей работы могутъ намъ служить затрудненія, съ которыми сопряжено добываніе спеціальныхъ книгъ въ неуниверситетскомъ городѣ.

Заканчиваемъ это коротенькое предисловіе выраженіемъ нашей глубокой благодарности всѣмъ лицамъ, оказавшимъ намъ содѣйствіе доставленіемъ матеріаловъ.

Б. Гринченко.

Черниговъ.
1894. IX. 17.

I.

ПРЕДСТАВЛЕНІЯ И РАЗСКАЗЫ О ЯВЛЕНІЯХЪ ПРИРОДЫ И ИЗОбРѢТЕНІЯХЪ.

---

1. ЗИРКЫ.

Бачыте, онде симъ великихъ зирокъ укупѣ? То звецця *Визъ*: ото чотыри зиркы—колицата, а оти тры, що наче простяглыся, то вія. Бачыте, онъ билия середньоїи зиркы ще ё маленька зирочка. Вона звецця *Собачкою*. Стари люде кажутъ, що вона все прысуваецця до тіейи середньоїи зиркы, а якъ уже зовсимъ дійде до нейи, то шось тамъ перегрызе, а тоди вже й буде страшный судъ. Та вже мабуť скоро воно й буде, бо бачыте, якъ уже близьенько.

(Записала М. Н. Гринченко въ Харьковской губ.).

Манжура, «Сказки», стр. 148-я, «Небо».

См. № 18. Витѣрь. П. III.

См. № 23. Рыбалкы.

См. № 28. Орихы та хлибъ.

См. № 19. Дощъ.

См. № 20. Градъ.

---

2. ПЕСЫГОЛОВЦИ.

Болюсь на свити було такъ, що багато було, кажутъ, людодивъ, або песыголовцивъ. У нихъ не такъ, якъ у

насъ, двое очей, а въ йихъ було одно здорове-здорове, бильше, нижъ у вола, и то середъ лоба. Воны часто захвачувалы билыхъ людей, одговувалы йихъ волоськымы орихамы и ризалы тила: якъ не йде кровъ то його зовсимъ ризалы и йилы; а якъ ще йде, то годувалы дали, покы оджыріе.

Отъ и попався до йихъ одынъ изъ руськыхъ людей,—воны його поставылы соби лакеемъ. И такъ винъ йимъ полюбывся, що воны його й не ризалы, а все вывырялы, чы винъ не тикатыме додому. А винъ не знавъ куды й дорога и не думавъ тикать. Винъ йимъ готовывъ йисты полозы, зъ гадюкы шматкы. Воны йому велилы, щобъ винъ йихъ не йивъ. «А то»,—кажутъ,—«якъ йистымешъ, то вьрешъ!»—Отъ винъ такы довго й терпивъ, а дали й каже: «все 'дно умру: одна смерть! не буду мучыцца у йихъ!» И съ того времени зачавъ йисты крыхиткы съ тыхъ полозивъ, а не вмиравъ. Винъ усе ти крыхты йивъ и йивъ и ставъ уже знать, де яка трава и одъ чого вона и узнавъ, куды дорога додому и що його ридни жыви. Отъ винъ и надумавъ тикать. Зобрався, наготовывъ усього у дорогу и рушивъ. Иде винъ и йде,—колы таке болото, шо ни пролизты, ни пройты, передъ нымъ простылаецця,—бильше, нижъ на пивъ версты. Винъ узявъ нарвавъ ситныку, обмотався увесь и сякъ-такъ перелизъ черезъ тее болото. Песыголовцы кынулысь за нымъ, а винъ уже на тимъ боци. Крычать йому: «вернысь!»—«Ни вже»,—каже,—«не вернусь!»—«Ну, ошморгни хоть будякъ!»—«Не хочу!»—«Ну, оглянься назадъ!»—Винъ оглянувся назадъ и забувъ половыну того, що знавъ. Прыйшовъ винъ до дому,—колы його ридни вси жыви и таки ради йому. Винъ рвавъ травы, котри не позабувавъ одъ чого, и личывъ людей до своейи смерти, а якъ умеръ, то вси по йому дуже плакалы.

(С. Нижняя Сыроватка Сумск. у. Запис. И. Шоломій въ 1885 г.).

3. КОМАРИ.

Дарма, бачте, що комари яка никчемна тварючка, а й нимъ досадно стало, що якъ укусыть комарь чоловика, то той розитре його,—та мовъ не було комаря й на свити. Досадно йимъ стало,—отъ воны й пишлы до Бога та й кажуть: «за що ты, Господы, обидывъ насъ? бо якъ укусыть комарь чоловика, то чоловикъ роздаве його, та мовъ не було комаря й на свити; дай, Боже, такъ, щобъ чоловикъ не розитеръ нашихъ кистокъ, а щобъ воны валялысь по свиту и щобъ чумаки одбывалы объ ихъ оси».—А хто вы таки?—пытае Богъ.—«Мы святого Петра пивчи».—Ну, прыйдять-же на Риздво та заспивайте мини!—«Э, Господы! якъ прыйде Спасъ,—половыны не стане насъ!»—Такъ хай-же вамъ такъ и буде!—

(С. Нижняя Сыроватка Сумскаго у. Харьк. губ. Отъ жинки записаль М. Нечипоренко въ 1886 г.).

Манжура, «Сказки», стр. 147-я, «Комаръ».

---

4. КОМАРИ. (ВОРОЖКА).

Ажъ, кажуть, шукавъ чоловикъ воливъ. Пишовъ винъ, по лисахъ—ходывъ-ходывъ, ходывъ-ходывъ,—день, другый, третій, може й тыждень—нема! А дали узавъ та й пишовъ до ворожки. Вона заразъ роскынула на картахъ и каже йому: «пиды»,—каже,—«ранкомъ до лису та глянь угору,—то стоятыме червоный стовпъ,—туды и йды». Выйшовъ винъ ранкомъ, дывыця —стовпъ червоный: винъ и пишовъ. А воны (воны) булы зъ налыгачемъ: замоталысь у купцахъ та й стоять. Такъ комаривъ така сыла налетила, и почалы воны пыты зъ ихъ кровь. Пылы, пылы—ажъ червони одъ кровы поробылыся,—якъ пиднялысь стовпомъ—такъ якъ жаръ горять. То ти вже воны тилькы—тилькы що жыви булы.

(С. Великая Даниловка Харьк. у., отъ диды Ивана Ковалева).

---

5. Ж А В Ы.

Де жабивъ багато, то въ тому куци картопли ябъ на-
чынено. Що грибнешъ картоплю (на городи), то й жаба.

(Харьковского у. с. Хорошевъ, отъ жинки въ 1882 г.).

6. ГАДЮКЫ ПИДЪ ЧЕСНОГО ХРЕСТА.

Пойихавъ ото я саме пидъ Чесного Хреста у лисъ дрова
рубаты. Узавъ хлеба шматочокъ, а воды такы не бравъ:
була тамъ у лиси копанка (покійный батюшка усе було що-
году вычыща ййи). Сивъ я пидъ возомъ, изивъ той хлѣбъ,
напився воды та й сыджу, ажъ дывлюся, а йихъ (гадюкъ)
суне ажъ пѣять — се, бачъ, передни; дали ще, дывлюсь, ли-
зуть. Отъ я узавъ сокрыру, сыджу та й рубаю йимъ головы;
воны лизуть, а я рубаю. Рубавъ-рубавъ, — ажъ руки забо-
лилы, — а воны все лизуть. Дали взявъ, перескочывъ просто
черезъ йихъ та до шкапы: чы не вкусылы ййи? Ни, дывлюсь,
туды не лизуть, а все прозь мій визъ. Почавъ я ждаты.
Ждавъ-ждавъ, а воны лизуть та й лизуть смужкою — такъ,
ябъ отъ комашня або салдаты йдуть. А вже часъ и дрова
рубаты. Треба було минни самотужкы визъ тягты; перетягъ,
запригъ шкапу — дывлюсь, и воны вже перестали лизты.
Почавъ я рубаты дрова, а йихъ пидъ кожнымъ купцемъ такъ
и е штуку дви або тры. А ти, цо головы поодрубувавъ,
(штукъ зъ дванацять, а мо й бильшь буде) лежать соби
та ворущаця. То я узавъ та й перейихавъ на друге мисто
рубаты дрова.

— Буды-жъ це воны лизлы?

— Та се жъ воны пидъ Чесного Хреста у мисто зби-
рающця у свойи скоты.

(Село Великая Даниловка Харьковскаго у. Записано отъ рыбалки, дѣда
Мыкиты Бабки въ 1878 г.).

См. «Млр. пред.», стр. 11, № 32.

7. ГАДЮКА ЗЪ ЗОЛОТЫМЫ РОГАМЫ.

Хто буває часто въ лисѣ въ такому, де е близько вода, де е лозы, то тамъ йому приходяцца бачыть багато гадюкъ простыхъ, що у нихъ на голови немае золотыхъ ригъ; а есть таки гадюкы, що мають ихъ: у котрой гадюкы бувають воны бильши, а у котрыхъ меньши. У котрой гадюкы бильши рогы,—у тейи царський чынъ, якъ звецца; а у тейи—меньшый царьского.

Хто побаче гадюку зъ золотыми рогами и зна якъ добути ти рогы,—кладе червоный поясъ суковный (теперь таки поясы вывелись, не носыть ихто, хыба де ридко побачышь) або суконну червону стьожку, куды вона лизе,—упередъ (вона не зверта у другый бикъ або назадъ, а лизе все прямо). Вона долизе до пояса або до стьожкы и зашне пыцать по маленьку, потимъ дужче, потимъ ище дужче, и якъ хто близько стойить, то вона такъ пыцать, що його ажъ заглуше: ий не хочецца жъ скидаты, а никуды дияця. И покы пыцать-пыцать,—и кладе ихъ на поясъ або на стьожку.

Такыхъ гадюкъ приходяцца багато бачыть у сентябри мисяци 14 чысла, якъ воны лизуть у свій барлигъ на зиму. Передъ веде та гадюка, що мае золоти рогы. Люды назнарошкы ходять у сей день уранци у лисъ и такъ роблять, якъ сказано. Хто си гадючи золоти рогы мае, у того буде багато грошей, буде, якъ сказано, щасливый. И тийи рогы бережуть якъ ока и никому не продають.

(С. Нижняя Сыроватка Сумск. у. Запис. И. Шоломій въ 1885 г.).

«Млр. пред.», стр. 11, № 32).

8. ГАДЮКА.

Довелось и мини бачыты такую гадюку, що я николи такойи й не бачыла. Пишла я въ лисъ по ягоды, выйшла

на поляночку, — дывлюсь, — лежыть гадюка, та така товстюча, што я кажу-жъ, николай й не бачыла, та била, якъ оця чашка, а роги на передз такя здорови. Такъ я подывылась-подывылась та й пишла, побоялась ййи быты: може вона царыця ййихня. Кажуть люде, якъ зустринешъ таку гадюку, то простелы поясъ або што небудь шыроке та скажы: «Гадынка-матинко! скинь минн хочъ рижечокъ!» — такъ вона й сгыне. То ото, колы хочете, буде тому чоловикови щастя.

(Зміевскій у. Харьковск. губ. въ 1881 г.).

«Млр. пред.», стр. 11, № 32.

9. ДВИ СЫНЫЦИ ТА ОРЕЛЪ.

Дви сыныци здумалы зъ орломъ быцця: «то, што одынъ-одынъ, а насъ якъ два, то два!» — Орелъ одну вхватывъ и задавывъ, а одна зосталась и каже: «а што? то такы шо одынъ, то одынъ, а насъ шо два, то два!» — Яка умна!

(Изъ бумагъ Т. А. Зиньковского).

10. ЗОЗУЛЯ.

Зозуля на Петра мандрыкою вдавыцця — хрыпко стане куваты.

(С. Семеновка (Чунышына) Константиногр. у. Полт. губ. въ 1883 г.).

11. СОЛОВЕЙКО.

Соловейко щебече, покы жыто почне колосъ выкыдаты, а тоди вже його не чуты.

(Тамъ-же).

См. № 37. Подушкы.

См. № 29. Курчата.

12. КАЖАНЪ.

Кажанъ—це мыша, що свяченого ухопыть, то въ нейи крыла выростутъ.

(Полтавская губ. Константиноградскій у., село Семеновка (Чунышына) въ 1883 г.).

Чубинскій, «Труды», т. I, вып. 1, стр. 55-я: «Мышь обыкновенная и летучая».

См. № 24. Вовкы.

См. № 18. Витеръ I.

См. № 19. Дошъ III.

См. № 21. Завирюха.

13. ЧЕРЕЗЪ ЩО СОБАКА СЪ КИШКОЮ ГРЫЗУЦЦЯ.

— Який у васъ, пане, кить биленький.

— Се винъ теперь биленький, бо на двори тепло, а якъ на двори холодно, то винъ съ печи й не вылазе, усе сыдыть у печи,—черезъ те завше бува у сажи.

— Ну, а скажить минни, пане, черезъ що боты грызуцця съ собаками и черезъ що вони не живутъ лагідно?

— Се не завше такъ буває, щобъ собака съ кишкою грызлася; отъ у мене була собачка, шо вона николи не грызлась ись сією кишкою, а тилькы гралась.

— Може панськи й не грызуцця, а мужыцьки безъ сього не можуть—собака съ кишкою завше грызецця, а одъ якого часу?—ось, послушайте!

То комысь хлибъ родывъ, а дали хлиба того не стало. Ну, люде й собаки прямо пропадають зъ голоду. Одна собака й пишла до Бога—просыть хлиба. Богъ давъ йй усякойи пашни потришки, давъ йй и роспыску, а въ нйй сказано: «шо буде хазайинъ йисты, щобъ те й тоби дававъ».—

Прийшла собака до дому, дала хазяйинові той хлібъ. Чоловикъ посіявъ усе шо було,—воно вродило.—Хазяйинъ самъ йистъ и собаки тежъ дае. Ходыть собака по надвирью й мокне; ну, прыходе собака до кота й говоре: «на, брате коте, тоби отсю запысочку: ты въ хати, въ сухому, сыдышъ, то й запысочка никола не помокне».—Сыдивъ китъ у хати, а якъ на двори похолоднишало, и китъ улизъ у пичъ. Жинка затопыла у печи, а китъ выскочывъ звидты и забувъ узять съ собою съ печи роспысочку.

Хазяйинъ варе соби йисты и съ того часу не дае собаки йисти того, шо й самъ йистъ, а дае—высивкы, помыйи... Та собака баче, шо вже мужыкъ не дае йій того йисты, шо й самъ йистъ, прийшла до кота та й пыта: «А де та,—говорыть,—запысочка, шо я тоби давъ?»—«Я»—каже китъ,—«сыдивъ у печи, грився, жинка топыла, я выскочывъ и запысочку тамъ забувъ, а вона й згорила у печи».—Тоди собаки зачалы котывъ рваты й никола вони не мырапця.

(Изъ бумагъ Т. А. Зиньковского).

«Малор. нар. преданія и рассказы», стр. 197, № 44. «И собакамъ надобенъ паспортъ».—Чубинскій. Труды. I, в. 1-й, стр. 53. «Собака».

14. КОРОВА.

Корова очень чувствительна къ дурному глазу,—вотъ отчего въ селахъ нельзя обзавестись хорошими коровами, а въ городѣ можно,—тамъ меньше людей съ дурнымъ глазомъ. Съ коровой вообще надо обходиться вѣжливо, ласково и почтительно. На Пасху съ ней христосуются, даютъ святости, твердое вымя мажутъ четверговымъ яичкомъ, подкуриваютъ смирной и пр. Бросая корову донть, даютъ ей хлѣба-соли—«одходного», какъ работнику при расчетѣ.

(М. В. Рклицкій. Новгородсѣверскій уѣздъ Черниг. губ.).

См. № 31. Дійкы у коровы.

15. КОВАЛЬ И ЧОРТЪ.

Якъ чоловикъ хотивъ щось куваты, та не знавъ ще, бачъ, що треба туды й писку. Отъ, нѣпрятель и прыходыть до його.

— Що ты робышь?

— Та, бачъ,—кую.

Чортъ и дума соби: «Ну, нехай-же! вже винъ безъ писку не зробыть!» Та й пишовъ.

Отъ, той кувавъ, кувавъ, а писку, бачъ, не кладе: не знае,—ніякъ не зробыть! Узявъ та й покынувъ.

Отъ, *той* упъять прыходе.

— А що, зробывъ?

— А то жъ—ни!

— Э! та ты мабуть писку кыдавъ?—каже чортъ.

А той чоловикъ тоди соби: «Эге! пидожды жъ!...» — Та якъ пишовъ *той*, винъ и почавъ зновъ робыты и писку вже кыда,—та й зробывъ.

Отакъ навчывсь ковалюваты, а то не вины.

(Записано въ с. Великая Даниловка Харьковскаго у. отъ дѣда Ивана Ковалева).

---

16. С К Л О.

Везлы разъ чумаки селитру у грудкахъ и довелось йинь ночуваты на такому мѣсти, що скрызъ самый писокъ. Сталы варыты вечерю. Одынъ чумакъ знявъ съ своего воза двѣ грудкы селитры и положывъ на писку, наклавъ мижъ йихъ багаття, а зверху поставывъ казанокъ. Повечерявшы, полягалы спаты. Уранци чумакъ хотивъ покласты свою селитру на визъ, колы бачыть, ажъ тамъ, де було багаття, лежыть щось зовсимъ не таке, якъ селитра. Винъ тоди давай гукаты:

«хлопци, хлопци! гляньте, що воно таке *стекло?*» Підійшли други чумаки и стали роздывляцця. А дали й догадались, що якъ селитра й писокъ дуже розигрились одъ жару, то зъ нихъ и зробилось те, що нихъ такъ здывувало. «Такъ хай же воно й звецця стекло!» — сказавъ той чумаць, що першый побачывъ. Съ того часу й навчылыся робыты скло, а по-переду не вмижы.

(Записала М. Н. Гринченко въ Харьковской губ.).

---

17. ПРО ТЮТЮНЬ.

Якъ розгнивався Богъ на чортивъ, то почавъ ихъ изъ неба скидаты. Якъ пхнувъ одного чорта, такъ винъ летивъ-летивъ та й настромився у Рудычевимъ гайи, що идъ Вертіевкою, на суховерхого дуба. Высивъ той чортъ тамъ доты, ажъ покы почала зъ його порохня сыпацця. Якъ падала та порохня на землю, такъ съ тіейн порохни и почала росты розсада тютюнова. Люде почалы йийн брать та курыть и нюхаты и у себе порозводылы.

Записано А. А. Гарнье въ Черниговскомъ у. въ 1894 г. отъ козака
Ивана Антоновича Лазаря (75 лѣтъ).

II.

ПРИМѢТЫ И ПОВѢРЬЯ

---

18. ВИТЕРЪ.

I.

Бишка на мишокъ дерецця—на витеръ.

(Константиногр. Полт. губ. въ 1883 г.)

II.

Зоря погорила дуже—на витеръ.

(Х. Бутивка Зміевск. у. Харьк. губ. въ 1881 г.)

III.

Нельзя бросать въ огонь зеленыхъ листьевъ дуба: подыметса вѣтеръ.

(М. В. Рклицкій. Новгородеѣверскій уѣздъ Черниг. губ.)

---

19. Д О Щ Ъ.

I.

Якъ молодыгъ гострый та черево видквасывъ, то мисяць буде дощовый.

(Зміевской у. Харьк. губ.)

II.

Мисяць дощовый буде, бо якъ народився, то рижкы у нызъ спустывъ; а якъ такый, що такъ и позавывае рижкы угору, то не буде дощу.

(Х. Бутивка Зміевск. у. Харьк. губ. въ 1881 г.)

III.

Якъ собака пасецця — дощъ буде.

(Сл. Семеновка (Чунышино) Константиноградскаго уѣзда Полт. губ. въ 1883 г.)

IV.

Якъ сонце заходыть за стину (=за хмары), то буде дощъ на другый день, а якъ заходе чисто, то не буде.

(Х. Бутивка Зміевск. у. Харьк. губ. въ 1881 г.)

V.

Чтобы вызвать во время засухи дождь, обливаютъ водою пастуховъ, такъ какъ пастухи, чтобы не испортилась отъ дождей ихъ одежда, собираютъ дождевую воду въ горшокъ и держать ее подъ печью. Въ 1892 г. въ окружномъ судѣ судили крестьянъ дер. Фаевки за то, что они, съ цѣлью вызвать дождь, бросили въ болото крестъ, взятый ими съ могилы, въ которой былъ похороненъ по христіански «вислый человекъ».

Вызываютъ дождь еще такъ: дѣвчата и парубки ночью напашутъ на себѣ улицу, рвутъ съ огорода овощи и сажаютъ ихъ въ свѣжія борозды, приглашая дождь полить посаженное.

(М. В. Рклицкій. Новгородѣверскій у. Черниг. губ.)

20. Г Р А Д Ъ.

I.

Оце сьогодня градъ ишовъ, то выкинулы рогачъ. Треба ще було кочергу й лопату (ту, що хлѣбъ у пичъ сажакть), та викозы було. Якъ выкинуты, то ничого не побъе.

(С. Великая Даниловка Харьковскаго у.).

Чубинскій, «Труды», т. I, вып. 1, стр. 29.

II.

См. № 38. Тжаніе (волки, жито, гроза и градъ).

---

21. ЗАВИРЮХА.

Собака козы качаецця зимою, то буде завирюха.

(С. Великая Даниловка Харьков. у.).

---

22. М И С Я Ц Ъ.

Не можно показувати пальцемъ на мисяць, бо палець усхне, а козы вже покажешъ, то прыкусы палець.

(Харьковск. губ. Записала М. Н. Гринченко).

---

23. РЫВАЛКИ.

У придесенскихъ жителей съ рѣкой Десной связаны слѣдующіе повѣрья и обряды. День 17 марта (Алексѣя) празднуется съ особымъ почтеніемъ. Въ этотъ день рывалки «зачинають» плести сѣти; если Алексѣй приходится въ среду или пятницу, то будетъ весь годъ мало рыбы. Къ этому

дню обыкновенно вскрывается Десна, которая стоит обыкновенно или 17 или 21 недѣлю. Замерзаетъ и вскрывается Десна только тогда, когда получить утопленника (жертва). При вскрытіи въ Десну бросаютъ хлѣбъ-соль—«проводины». По вскрытіи, пока не войдетъ въ берега, Десна «гуляетъ» 12 разъ. Это состоитъ въ томъ, что въ тихую погоду по ней до самаго дна ходятъ большія волны; въ такое время ѣздить по ней не сѣдуешь.

(М. В. Рилицкій. Новгородсѣверскій уѣздъ, Черниг. губ.).

24. В О В Ъ Ы.

I.

У Велькій Даныливици (Харьков. у.) на довгому дрючку становлють бѣля хаты колесо: дрючокъ стойти, а колесо згоры наштрыкнута, «щобъ звирь обходывъ».

II.

См. № 38. Тканіе (волки, жито, гроза и градъ).

25. В Ы Ш Н И.

I.

Колы на Катерины (24-го ноября) наризаты гилочокъ зъ вышні та поставыты ихъ у води на покути, такъ воны росцвѣтуть икъ новому году, колы буде на нихъ урожай, а колы ни, то не росцвѣтуть.

(С. Великая Даниловка Харьк. у. Отъ старой живки Палажки Ковалевой).

II.

Вышли на Катерины дивчата рижуть боси до схиць сонця. Кожна намичає свою гилочку, чымъ небудь перевязуючы, и становляють у воду въ глечыку. Чья зацвите,—та дивка замижъ пида скоро. А якъ шо стари люде, то загадують, чья зацвите, той жытыме рибъ, а чья всхне—той умре.

(Богодуховскій у. Харьковской губ. Записала М. Н. Гринченко).

---

26. ХОЗЯЙСКІЯ ПРИМЪТЫ.

1. На Христю (Св. мученицы Христини—13-го марта) сѣють разсаду.

2. Въ страстной четвергъ холощаютъ животныхъ.

3. Въ ночь на Юрія (23 апрѣля) не выгоняють лошадей пасти на почъ.

4. На самого Юрія стригутъ лошадямъ гривы и хвосты, чтобъ лучше росли.

(Записалъ П. Н. Солонина въ Черниговск. губ.).

---

27. С И Н О.

Якъ деркачь которого году задере попередъ перепилкы, то сиво буде дороге.

(Записалъ М. С. Гавриловъ въ Черниговск. губ.).

---

28. СКОТЫНА.

Якъ купышь скотыну, то наберы у ротъ горилкы да й спорсны, то скоть не буде быты.

(Записалъ М. С. Гавриловъ въ Черниговск. губ.).

---

29. КВОЧКА.

I.

Пидъ курку треба подкладаты есець не до пары: або одынадцатеро, або трынадцатеро.

(Записалъ М. С. Гавриловъ въ Черниговск. губ.).

II.

Квочку пидсыпаты годыцца увечери, якъ сонце зайде, съ картуза або съ шапки. Яець пидсыпаты не до пары: сымнадцатеро або девятнадцатеро.

(Записала М. Н. Гринченко въ с. Исаковой Славяносербскаго уѣзда Екатериносл. губ.).

---

30. ЗУБЫ У СКОТЫНЫ.

Якъ падають у скотыны зубы, то найды зубъ ййи да заховай. А якъ продасы скотыну, то возьмы тульки ййи да прысмалы зубъ, то хочъ бы куды продавъ, дакъ прыбжыть.

(Записалъ М. С. Гавриловъ въ Черниговск. губ.).

---

31. ПОСѢВЪ.

Передъ посѣвомъ сѣятель читаетъ: «во имя отца..... въ добрый часъ!», а посѣявши, говоритъ: «уроды, Боже, на трудящего, на ледащего, на просящего, на брадящего и на всякую долю!».

(М. В. Рклицкій. Новгородсѣверскій у. Черниг. губ.).

32. ОРИХЫ ТА ХЛИВЪ.

Це вже завсиды: якъ орихы вродють, такъ хливъ не вроде.

(С. Великая Даниловка Харьковского у.).

---

33. КУРЧАТА.

Це вже я запримытила, що тоди, якъ жыто красуецця,—
нпколы гарныхъ курчатъ не выводыця: треба або ранишъ,
або пизвишъ.

(Село Великая Даниловка Харьковского у. отъ старей жинки Палажки
Ковалевой).

---

34. ПЪЯТНЫЦЯ. ПОНЕДИЛОКЪ.

У пъятпыцю не можна сажы трусыты.

(Сл. Семеновка (Чунышыно) Константиноградскаго уѣзда Полт. губ.
въ 1883 г.).

У понедилокъ не можно лугу спускаты.

(Записала М. Н. Гринченко въ с. Исаковой Славяносербскаго уѣзда
Екат. губ.).

---

35. ЗОЛИННЯ.

Якъ золышъ, такъ треба личыты окрошы, щобъ не вы-
лыты до пары. Треба вылыты симъ або девъять, або оды-
надцять окропивъ.—Якъ золышъ полотно, то треба сыпаты
въ жлукто пшоно, щобъ жовте полотно було.

(Записала М. Н. Гринченко тамъ-же).

---

36. ДІЙКИ У КОРОВЫ.

Якъ молоко на огонь збѣжыть, то дѣйки у коровы поперепающа.

(Константиногр. у. Полт. губ. с. Семеновка (Чунышына) въ 1883 г.).

---

37. МОЛОКО И МЕДЪ.

Если весною первыя бабочки будутъ бѣлаго цвѣта, то годъ будетъ молочный, а есая желтаго, то хорошій годъ на медъ (пчелу).

(Записаль П. Н. Солонина въ Черниговск. губ.).

---

38. ТКАНІЕ (ВОЛКИ, ЖИТО, ГРОЗА И ГРАДЪ).

Внезапные и упорные набѣги на деревню волковъ объясняютъ тѣмъ, что кто-нибудь изъ жителей принесъ изъ другого села ниты или цѣвки отъ кросенъ. Ищутъ по селу виновника дѣйствія и жестоко съ нимъ справляются. Изъ дому въ домъ ниты можно переносить только до заката солнца, — иначе подохнетъ скотина.

Нельзя ткать и бѣлить полотна во время цвѣтѣнія жита, чтобъ не навлечь на хлѣбъ грозы и града. Повѣрье это до того сильно у народа, что сельская полиція у ослушниковъ рѣжетъ основу.

(М. В. Рклицкій. Новгородсѣверскій уѣздъ Черниг. губ.).

---

39. ШВАЧКА.

Чтобъ у швачки не потѣли руки, нужно, чтобы она тайкомъ взяла нищаго за торбу.

(Записаль П. Н. Солонина въ Чернигов. губ.).

---

40. НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫЙ.

При крещеніи незаконнорожденнаго, куму не худо под-
вязаться обротью: будутъ водиться кони.

(М. В. Рклицкій. Новгородсѣверскій уѣздъ Черниг. губ.).

41. ЗЛОДІЙСТВО.

Кажуть, що якъ умре маленька дивчинка та три дни
полежить у ями, такъ тоди одбопай та одрижъ у ней руку,
обійды трьчи кругъ хаты, то хочъ усе повытягай съ хаты,—
не почують.

(С. Великая Даниловка Харьковскаго уѣзда).

Чубянский, «Труды», т. I, вып. 1, стр. 96. »Относительно воровства».

«Малор. преданія», стр. 67, № 5: «О мертвой рукѣ и о свѣчѣ изъ чело-
вѣчьяго жиру».

42. ПОЖАРЪ.

Болы дытына згорыть на пужари, то це погано: кажуть
люде, що ще горитыме.

(С. Великая Даниловка Харьковск. у.).

43. ВОЛОССЯ.

I.

Жинкамъ у середу та въ п'ятницю не треба чесаццй,
бо волосся (що пада) розлитаецця по дванадцяты дворахъ и
съ того робыцца волосъ.—А въ дивчатъ, кажуть, коса не
ростыме.

(С. Великая Даниловка Харьков. у.).

II.

У недилю й у п'ятницю жинкамъ грихъ чесаця, бо квочкы гребтымуця у грядкахъ; а дивчатамъ у педилю грихъ.

(С. Исакова Славяносербск. у. Екатеринослав. губ.).

III.

Дивчатамъ не треба шапокъ надиваты: волосся не ростыме.

(С. Великая Даниловка Харьков. у.).

IV.

Не слѣдуетъ замужней женщинѣ до солнца и по закатѣ солнца чесать волосы, такъ какъ въ темнотѣ можно ихъ растерять, послѣдствіемъ чего отъ наговора появится болѣзнь на рукахъ и ногахъ— «волосняницы».

(Записано М. В. Рклицкиѣ въ Новгородѣвер. уѣздѣ Черниговск. губ.).

V.

Оце сьгодня дощъ ишовъ, такъ я й одкрыла голову, щобъ коса росла, бо, кажуть, видъ дощу лучче ростыме.

(Отъ дивчины Докін Ковалевон въ с. Великая Даниловка Харьк. у.).

---

44. ПОДУШКИ (ГОЛОВНАЯ ВОЛЬ).

Изъ перьевъ и пуха дикихъ утокъ не слѣдуетъ дѣлать подушекъ: будетъ болѣть голова, да и пухъ весь выльзеть изъ подушки.

(М. В. Рклицкій. Новгородѣверскій у. Черниг. губ.).

---

45. С О Н Ъ.

Колы ябый поганый сонъ сныцца у недняю, покы ще съ церкви не выйшлы, то грихъ тому буде, кому сонъ прыснвся.

(С. Великая Даниловка Харьковск. у.).

---

46. Г И С Т Ъ.

Пивень на порози спива—гистъ буде.

(Х. Бутивка Змиевск. у. Харьк. губ. въ 1881 г.).

Чубинскій, «Труды», т. I., вып. 1, стр. 58: «Курица».

---

47. МАТЫ Й ДОЧКА.

Ложка за обидомъ у жпикы пада—маты дочку згадуе.
(Село Семеновка (Чунышья) Константиноградскій у., Полтавской губ.
въ 1883 г.).

---

48. ЗАМУЖЕСТВО СО ВДОВЦОМЪ.

Если женщина выйдетъ за вдовца, у котораго грудной ребенокъ отъ первой жены, то вышедшая замужъ должна не-своевременно умереть.

(М. В. Рклицкій. Новгородъверскій у. Черниг. губ.).

---

49. ЛЕЖАЧЫЙ.

Перестунать черезъ лежачого грихъ: умре. Треба на-впабы переступыты.

(Изъ бумагъ Т. А. Зиньковского).

---

50. МОЛЕБЕНЬ НА „ОВИДНЫКА“.

Этотъ молебенъ отправляется по заказу. Но при этомъ ставится непремѣнный условіемъ, чтобы, выѣстъ съ преда-ніемъ обидчика анафемъ, обиженный въ то-же время согла-сился принять на себя грѣхъ своего врага.

(Записалъ Н. Н. Солонина въ Полуботкахъ, Масаняхъ и пр. Черниг. у.).

51. СМЕРТЬ.

Смерть начинаетъ свое дѣло съ ногъ, такъ какъ прежде всего ноги теряютъ чувствительность («за палець возьми—не чуе, а дыше»), потомъ хватаетъ за руки, за голову, поретъ животъ, гдѣ спитъ душа, и даетъ ей изъ пляшки зелья. Выпивши зелья, душа вылетаетъ и садится на образахъ. Теперь она смѣется надъ тѣломъ, что оно сдѣлалось мерт-вымъ. «А развѣ тѣло виновато? ему только нужна одежда, а нить и ѣсти не тѣло, а душа бажаетъ». Послѣ похоронъ тѣла душа остается въ хатѣ шесть недѣль; для нея все это время стоитъ вода и лежатъ паляницы; черезъ шесть недѣль душа идетъ по мытарствамъ. Въ гробъ покойнику кладутъ шапку, ногти, чтобъ удобнѣе взбираться на тотъ свѣтъ, иногда и водку. Ребенку кладутъ бубликъ. Если занимаютъ часть чу-жой могилы, то кладутъ въ гробъ копейку «откупного»; крес-ты на могилахъ, если не управились поставить въ день по-гребенія, ставятъ на проводы или въ чистый четвергъ. Ро-дичей поминать въ три родительскія субботы (Дмитріевскую, Бузьмо-Демьяновскую и Михайловскую); во всѣ эти субботы, а также въ день смерти родича пекутъ блины, чтобъ доста-вить удовольствіе душѣ умершаго. Блинъ держатъ подольше на сковородѣ; въ блинномъ парѣ и витаетъ душа—«парится».

Въ дни поминовенія родичей нельзя мять пеньки, прясть и чесать шерсти, чтобъ кострицей не засорить глазъ покойникамъ.

(М. В. Ркляцкій. Новгородсѣверскій уѣздъ Черниговской губ.).

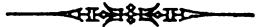
---

52. СТРАШНЫЙ СУДЪ.

Если обрисуешь ногти, то треба ихъ усе въ пазуху выдаты, бо якъ прыйдеця на страшному суди на скляну гору до Бога лизты, то й злизешъ черезъ те.

(С. Великая Даниловка Харьк. у.).

Чубинскій, «Труды», т. I., вып. 1, стр. 87-я. «Ногти».

III.

ЗНАХАРСТВО, ЗАГОВОРЫ И ПРОЧ.

53. ХВОРОВЫ.

На срътеніе, когда встрѣчается лѣто съ зимой, на стекающей съ крыши снѣговой водѣ надо замѣсить коржъ и давать отъ хворобъ людямъ и скоту.

(М. В. Рклицкій. Новгородсѣверскій уѣздъ Черниг. губ.).

54. СГЛАЗЪ.

Крестьяне убѣждены въ губительномъ дѣйствіи нехорошаго глаза. Люди съ дурнымъ глазомъ появляются главнымъ образомъ оттого, что ихъ въ дѣтствѣ дважды припускали къ груди.

Желаніемъ оградить себя и свое хозяйство отъ дурного глаза объясняется строго соблюдаемое въ народѣ повѣрье— не давать ничего изъ дому на сторону въ важные почему-либо дни (на заговѣны, во время вывозки навоза, день, когда телится корова и во время сѣвбы хлѣба).

Отъ сглазу труть испорченнаго солью, а также прибѣгаютъ къ отговорамъ.

(М. В. Рклицкій. Новгородсѣверскій у. Чернигов. губ.).

55. ХОЛЕРА.

Въ одномъ изъ селъ до сихъ поръ празднуется день, именусмый «холерка» въ память оставленія въ этотъ день холерой означеннаго села. Въ 1893 г. въ пораженныхъ холерою селахъ, еще задолго до появленія ея, на дубовыхъ листьяхъ, на которыхъ сажаютъ въ печь хлѣбъ, появились откуда-то маленькія и тонко отдѣланныя изображенія змѣекъ и ящерицъ, такъ что листъ этотъ перестали употреблять въ дѣло. Во время сильнаго развитія холеры вдовы и дивчата, одѣвшись по праздничному, ходили по селу щедровать, бѣкъ будто подъ новый годъ; на защедрованныя деньги навимали молебень и ставили свѣчу. Одного покойника положили въ гробъ ницъ, «щобъ сюды не ворочався», а другому хотѣли сковать руки («заковать холеру») и только состраданіе къ покойнику, боязнь, чтобы онъ на томъ свѣтѣ не ходилъ въ наручняхъ, удержало народъ отъ этой мѣры. Чтобы холера не вошла въ село, дорогу передъ селомъ заставляли «заставомъ» (доска отъ мельничной плузы); существуетъ также повѣріе, что холера идетъ противъ воды медленнѣе, чѣмъ за водой.

(М. В. Рклицкій. Новгородсѣверскій уѣздъ Черниг. губ.).

56. ПРОПАСНЫЦЯ.

I.

Кожну весну, якъ тилкы побачышъ комахню уперше,— треба ййи найистысь, и шиколы не буде пропасныци. Я якъ тилкы ййи вбачу,—заразь у ротъ,—и шиколы цього лыха не бува.

(С. Великая Даниловка, чоловѣкъ Павло Тыщенко).

II.

Отъ лихорадки: 1) Мизинецъ лѣвой руки обернуть пленкой отъ сырого яйца и носить такъ до тѣхъ поръ, пока лихорадка не кипеть. 2) Настой полыни въ водкѣ. 3) Вывести больного на зарѣ «къ могилкамъ» (на кладбище), заставить трижды плюнуть и затѣмъ бѣжать безъ оглядки.

(Записаль П. Н. Солонина въ Черниговской губ.).

---

57. ДЫТЫНА.

I.

(Все, заключающееся въ этой главѣ, записано П. Н. Соловинымъ въ Черниговской губ. (*).

А. Роды. 1. Чтобы вызвать усиленные потуги, роженицѣ напихиваютъ въ ротъ ея волосы, которые, производя тошноту, усиливаютъ этимъ потуги.

2. Для того-же женщину, готовящуюся родить, водятъ на перекрестокъ съ особыми приговорами.

3. Для поднятія живота употребляютъ настой травы «поднимокъ», цвѣты которой похожи на ландышъ, но только *желтаго* цвѣта.

4. Для облегченія страданій при родахъ слѣдуетъ переступить черезъ три порога.

Для того-же отворяютъ въ церкви царскія врата.

5. Для облегченія родовъ, вѣшаютъ роженицу за ноги внизъ головой, или просто стараются «вытрясти» ребенка.

6. О томъ, какого пола будетъ новорожденный, судятъ по формѣ и объему живота беременной женщины: если жи-

---

(*) Не желая разровнять систематически записанный матеріалъ, мы помѣстили здѣсь и примѣты, которыя должны-бы находиться собственно во II отдѣлѣ.

вотъ выпячивается впередъ, то будетъ мальчикъ, а если толщина его распространяется въ ширь, въ бедра, то будетъ дѣвочка.

Еще есть относительно этого примѣта: если у родившагося ребенка имѣется сзади головы косичка, то слѣдующее дитя будетъ дѣвочка.

Если беременная женщина подастъ правую руку, то у нея родится сынъ, а если лѣвую, то дочь.

7. Беременной женщинѣ не слѣдуетъ ни въ чемъ отказывать; иначе у того, кто отказывается, мыши могутъ что-нибудь съѣсть или испортить.

В. Ребенокъ. 1. Каждый, входящій въ домъ, гдѣ находится только что родившійся ребенокъ, долженъ, вмѣсто обыкновеннаго привѣтствія, произнести: «Христосъ воскресъ!» — хотя бы роды пришли вовсе не на Свѣтлую недѣлю.

2. Отъ кровотеченія изъ пупка у новорожденнаго прикладывать къ пупку распаренную изюмину, выбравъ изъ нея косточки.

3. Отъ болѣзненнаго потягиванія ребенка: при купаніи перелить воду черезъ коромысло.

4. До году не слѣдуетъ дитя подоясывать.

5. Появленіе соплей служить признакомъ зарождающагося пониманія у ребенка.

6. Не слѣдуетъ, при купаніи, класть дитя ногами къ *восходу* солнца.

7. Не слѣдуетъ качать пустую люльку: дитя спать не будетъ.

8. До году, не слѣдуетъ выворачивать дѣтскихъ рубашекъ, а также, при стиркѣ, не годится ихъ бить прачемъ.

9. Если новорожденное дитя не беретъ груди, то мать или кормилица должна помазать предварительно соски свои собственною слюною.

10. Не слѣдуетъ мальчикамъ давать имена по календарю *назадъ*.

11. «Не годыця дѣтя зваты жабою: тры дни писзя того росты не буде». (Нянька Орына).

12. Не слѣдуетъ позволять дѣтяти смотрѣться въ зеркало: будетъ спать неспокойно. (Отъ нея-же).

13. Если у дѣтяти темечко маленькое,—значить дѣтя скоро начнетъ говорить, и самое темечко скоро заростетъ волосами. (Отъ нея-же).

14. *Отъ мочеченія изъ глазъ у ребенка «цыркать» женскимъ молокомъ въ глазъ.*

15. Вошь на головѣ ребенка способна произвести *рвоту или икоту*.

16. *Отъ дурного глаза.* 1. Положить дѣтя на порогъ и трижды переступить черезъ него. 2. Умыть святой водой. 3. Лизнуть лобъ, щеки и подбородокъ дѣтяти или умыть помоями или вытереть мокрой пеленкой.—4. Набрать въ ротъ воды тому, кто сглазилъ, и передать черезъ ротъ ребенку, котораго сглазили.

17. *Отъ грыжи.* 1. Тертый бұрякъ или морковь, процѣдивъ, прикладывать къ больному мѣсту.—2. Разрубленную вдоль тѣла мышъ прикладывать къ больному мѣсту.

18. *Отъ рѣзы въ животъ.* 2. Прикладывать на тряпкѣ деготь къ животу.—2. Купить съ трехъ столиковъ галуны (квасцовъ), по кусочку съ cadaго, и катать его на животъ ребенка, а потомъ бросить въ огонь. (Старуха Орына изъ Пѣвцовъ).

19. *Отъ сухотки.* 1. Купать дѣтя въ золѣ, взятой отъ соломённой «стрѣхи»,— «щобъ стриха съ стрихою була».—2. Давать ѣсть хлѣбъ, испеченный на дубовомъ листу и взятый непременно изъ трехъ хатъ.

20. *Отъ бессонницы и крика.* 1. Когда дитя не спитъ долго по ночамъ, то несутъ его въ курятникъ, подъ нашествъ, («пидъ сидало») и приговариваютъ:

«На-те вамъ ночныци,
Оддайте намъ сонныци!»

2. Намоченную въ водѣ тряпку кладутъ на темя ребенка. 3. Поятъ его настоемъ маковыхъ головокъ или «дрі-якой» (?—родъ травы), или нефтью. 4. Кладутъ „васылки“ отъ иконы подъ изголовье ребенка. 5. Заставляютъ дитя по-смотреть въ мазницу или голенище сапога.

21. *Отъ испуга.* 1. Если ребенокъ испугался какого-нибудь животного, то необходимо отрѣзать волосъ отъ этого животного и подкурить имъ ребенка. 2. Разорвать на дитяти рубашку. 3. Когда дитя испугается, то ему мать кричитъ на ухо: *такой-то* (имя рекъ)... (три раза).

22. *Отъ дѣтскихъ припадковъ.* (Отъ „родимчика“, или „дѣтскаго“). 1. Необходимо положить дитя на порогъ и затѣмъ матери три раза черезъ него переступить и сказать:

Якъ родыла,
Такъ и одходила...»

2. Настой травы, называемой „перелякъ“ (растетъ на лугу; цвѣты лиловые, шапочками).

23. *Для облегченія прорѣзыванія зубовъ.* Когда у ребенка начинаютъ рѣзаться зубы, то отецъ, для облегченія этого важнаго процесса, долженъ мизинцемъ правой руки обвести по деснамъ ребенка,—и зубы будутъ рѣзаться легко и свободно. Мать-же ни въ какомъ случаѣ не должна смотреть на прорѣзывающіеся зубы своего дитяти.

24. *Отъ поноса.* 1. Настой розовыхъ чашечекъ (обыкновенной розы). 2. Кисель или настой изъ черники. 3. Посадить дитя на то мѣсто, гдѣ лежалъ только что вынутый

изъ печи горячій хлѣбъ. (Орина—изъ Пѣвцовъ). 4) Выпить смѣсь изъ ложки золы (какой?), рюмки уксусу и рюмки деревяннаго масла (оливы).—(Кущика).

25. *Отъ запора.* Смазыванье бобковой мазью всего живота или около пупка.

26. *Отъ задержаніе мочи.* 1. Огуречное молоко (изъ сѣмянъ огурцовъ). 2. Блекотное масло (смазывать ниже пупка). 3. Наложить на отверстіе мочеиспускательнаго канала у мальчика или дѣвочки пленку отъ сыраго яйца.

27. *Отъ непроизвольнаго истеченія мочи, преимущественно по ночамъ.* 1. Просить трижды прощенія у раскаленной кочерги. 2. Войти въ церковь и публично, при народѣ, поцаловать замокъ церковный. 3. Заставляютъ по утрамъ, въ продолженіе 9 дней, дитя мочиться въ «пятникъ»—углубленіе, гдѣ вращается стержень воротъ. 4. Посыпаютъ замоченное мѣсто макомъ, который потомъ заставляютъ съѣсть.

28. *Отъ вѣтровъ (спазмъ).* Смазыванье живота теплымъ деревяннымъ масломъ.

29. *Отъ кашля.* 1. Настой лука съ сахаромъ (безъ воды). 2. Нашатырь въ водѣ съ сахаромъ и съ настоемъ льнянаго сѣмени—на стаканъ воды—по десертной ложкѣ черезъ 2 часа.

30. *Отъ смонотеченія.* 1. Поцаловать матери ребенка своего черезъ окошко. 2. Найти въ печеномъ хлѣбѣ нѣсколько зеренъ и, зашивъ ихъ въ мѣшочекъ, повѣсить его на шеѣ ребенка.

31. *Чтобы дѣти не умирали,* народомъ совѣтуются слѣдующія средства: а) совѣтъ у знахаря; б) взять въ кумы перваго встрѣтившагося на улицѣ; в) взять въ кумы роднаго брата и сестру; г) закупить, т. е. какъ будто продать дитя кому нибудь за деньги.

II.

Щобъ не зглазылы, трычи лыжуть дытыву, якъ кры-
чыть, и втырають сорочкою. А якъ не спыть, то положуть
на мишку головою якъ порогу и переступають трычи черезъ
нейи; або пидъ куры носють. А якъ злякаецця, то нади-
вають сорочку задомъ напередъ.

(Отъ живкы изъ с. Печенѣговъ Волчанск. у. Харьк. губ., въ 1880 г.).

Чубинскій, «Труды», т. I, вып. 1., стр. 141. «Крикливці».

«Малор. преданія», стр. 28, № 13. «Отъ крикливцівъ».

III.

Хилаго и слабаго ребенка продѣвають трижды черезъ
разсцепленный молніей дубъ.

(М. В. Рклицкій. Новгородсѣверскій уѣздъ Черниговской губ.).

IV.

Купована маты. Се ось якъ дуже лежышь, то пры-
ходьтъ вона (живка яка) та й купуе тебе—чы за дви, чы
за тры тамъ копійкы купыть, то й одужаешъ. Отъ и купо-
вана маты.

(С. Великая Даниловка Харьк. у., дивчына Явдоха Ковалева).

---

58. ОТРУТА.

Моему батькови случилось. Я, каже, парубкомъ бувъ,
а вона дивкою. Пишлы дивчата по грыцыкы на доли та по
шавъяны А юпки безрукави булы,—дошъ ихъ и помочывъ,—
воны й порозвишувалы ихъ, щобъ высохлы. А мы, звисно
парубкы,—та по карманахъ. Я въ одынъ шурхнувъ та въ
другый—нема, а до Ганны полизъ—вузлыкъ. Розъязавъ—

перець. Взявъ я того перцю трохи та й усыпавъ у калытку. Коли такъ днівъ черезъ скільки погнавъ воливъ, дощъ його й помочывъ. Коли дывлюсь, щось ворущыця у калытця. Туды — ажъ тамъ жабынята. Я тоди до нейи: «Ганно, це-жъ я съ твого вузлыка взявъ. Кого-жъ це ты думала впоштувати пымъ? Отъ пиду до ратуши та й розкажу!» — Такъ вона мени покланялась, попросила мене. Та цю Ганну разъ такы и въ волосты парылы: свекра, чы що, хотѣла отруйиты,—гадюку у скрыни знайшлы. Такъ отъ батько вже довирывся, хочъ люде й кажуть, що нема.

— А то отъ тутъ-же дядька нашего отруйила. Въ гостяхъ булы,—вона й пиднесла чарку. А винъ уже мабуть знавъ та й каже:— «Ой якъ бы мене, скурва бабо, не отруила?» Ну, було-бъ йому вылыты ту горилку,—такъ ни! Выпывъ. Такъ зъ йимъ таке зробылося!... И йты не можна було,—на вози на подушкахъ везлы, такъ шкура на йому й репалася. Та до дида повезлы, такъ той и каже: «Ну, добре, що поспишылы, а то-бъ лыхо було!»

— А мій дидъ такъ съ того и вмеръ. Якъ колысь у насъ, то не було ще витрякивъ, а товклы пшоно дома. Отъ, невестка, значить, у кумы въ гостяхъ була та й не стовкла пшона, а на другой день празныкъ бувъ, Стригения, а йисты ничего було. Отъ, дидъ и сердыця: «гуляты—гуляла, а пшона не натовкла!» — Бабуся, бачъ, недужа (ну, а моя маты ще тоди невеличка була). Такъ лае ййи, а вона росердылась та якъ ухватить решето проса и побигла товкыты. Товче та все щось выкыда, все щось выкыда, а дали й каже: «ага, отъ вы мене лаєте, а я вамъ на лыхо жабу стовкла». — «Та то, дурна, ты соби, а не мени, на лыхо», — каже дидъ. Мы й не оханулыся, такъ и покынулы те пшоно,—було-бъ выбрать ту жабу. А йисты все-жъ боймося, а дидъ сердыц-

ця: «Отъ, чортъ зна що выгадують! И въ води ти жабы плавають, и пѣмо, а ничого не бува. Варить кашу!» — Отъ, бабуся парыла, парыла те пшоно, а дали й наварыла каши крутойи та молошнойи. — Отъ, — каже, — гыдко йисты намъ ту кашу, а дидъ йистъ та й йистъ та на васъ ще грумичае, що не йимо. А вона, невестка, такой уже гнивъ положила, що й обидаты не увійшла, бо ййи упъять такы за це пшово полаялы. Отъ, пообидалы, а дидови такъ погано та моторешно зробылося. А въ васъ собака такой бувъ, що було якъ почуе, що вовкы выють, то побижыть туды, то днивъ тры бига та вернеця увесь забовтаний та въ репъяхахъ — «А ну дайте Билкови каш!» — каже дидъ. — Одколупалы грудку, дали Билкови, а винъ понюхавъ та такъ и завывъ. — «Ну колы вже», — каже, — «цей собака не йистъ, то буде лыхо». — А дядько коней пасъ. Дидъ и посыла хлопця до його: «нехай пиде на дихтярню» — у бору дьоготь робылы — «та нехай Грыцько дасть дьохтю первачку — самого чыстого». — Прынесли того дьохтю, — мы й почалы пыты. Мы-жъ гыдуемо, а дидъ такъ и пѣе, такъ и пѣе. Такъ ни — занедажавъ та и вмеръ съ того. Жывить у його такой великый зробылся. Вмеръ винъ уже тоди, якъ плоскони бралы, тоди все передъ жывамы плоскони бралы. Сыдивъ винъ на прысьпи, а дали й каже бабуся — у хати воны булы: — «Отъ слухай, стара, якъ у мене въ животи жабы закрюкалы». — А воны такъ якъ у болоти закрюкалы. Такъ винъ скоро и вмеръ, — а те вже Боже якъ тяжко вмирало, все довго такъ былося въ животи — та велике таке! Такъ тоди люде й кажуть невестци: «Се твій уже грихъ.» — Такъ вона ничого й не сказала, пишла. Звисно, вона може й не хотила, такъ що-жъ!

— А то Йвана, кажуть, черепахою отруено. Такъ вона, черепаха, отака тамъ у його выросла велика, що тилы отъ-

отъ не зирвеця. Такъ вивъ и вмеръ съ того. Такъ хотилы
було выняты ту черепаху, та батько не схотивъ: «нехай
уже»,—каже,—«що йому дано та съ тымъ и поховають!»

(Изъ разговора двухъ женщинъ изъ с. Хорошева Харьковскаго уѣзда,
въ 1882 г.).

Чубинскій, »Труды«, т. I, вып. 1, стр. 136-я, «Данна».

---

59. МЫШКЫ ЗРЫВАТЫ.

— Поперекъ болыть. Якъ мышкы зирвешъ, то воно й
пособыця. Мышкы зрываты—це якъ поперекъ болыть, то
ляжешъ ныць, а бабка бере рукамы за шкуру на спыни та й
сипа. Отъ и мышкы зрываты.

(Х. Бутивка Зміевск. у. Харьк. губ. въ 1881 г.).

---

60. СПЫНА.

Спыну пидпирають, якъ первый гримъ загремыть, щобъ
вова не болила.

(Харьковская губ.).

---

61. ОДЪ ИКАВБЫ.

Икавко, икавко! иды до воды, бого схочешъ напады—
хочъ вола, хочъ цыганське дытя. (Трычи).

(Харьковская губ.).

---

62. З У В Ы.

Отъ зубной боли надо, увидѣвъ новый мѣсяць, прочи-
тать не сходя съ мѣста, трижды «Отче нашъ», взять изъ

подъ правой пятаки земли и потереть ею зубы, или подержаться за желѣзо, произнося извѣстный заговоръ.

(М. В. Рклицкий. Новгородсѣверскій уѣздъ Черниговской губ.).

Чубинскій, «Труды», т. I, вып. 1, стр. 124—126-я. «Боль зубовъ».

Ефименко, «Сборникъ мал. закл.» №№ 10—25.

---

63. ЛИШАЙ.

I.

Отъ лишая надо помочить пораженное мѣсто помоями; мѣшая помой, говорить: «лышаю-лышаю! я свынямъ мишаю».

(М. В. Рклицкий. Новгородсѣверскій у. Черниг. губ.).

II.

Мазать мазью изъ очищеннаго дегтя съ свѣжимъ яичнымъ бѣлкомъ.

(Записалъ П. Н. Солонина въ Черниговск. губ.).

---

64. ЧЫРЯКЪ.

Чырякъ одъ того буває, що наступышь босою ногою на те мисце, де черевата жинка ступала.

(Константиноградскій у. Полтавской губ. въ 1883 г.).

---

65. ОЖОГА.

Ростерты колосокъ жыта руками тоди, якъ воно красуецця, й злызаты його языкомъ, то вже опосли можно цю руку що-разу лызаты, якъ ожога нападе,—й проходить.

(С. Великая Даниловка Харьковск. у., Палажка Ковалева)

---

66. О Ч И.

Якъ иде градъ, то його збирають и протырають йимъ
трычи до схиць сонця очи,—одъ сього воны цилый годъ не
будуть болины. Або зъ граду воду топлять и промывають
сыєю водою, щобъ не болины. Тежъ и росою роблять.

(С. Великая Даниловка Харьк. у.).

---

67. ПЕРЕЛОМЪ КОСТИ.

Даютъ внутрь мѣдь въ опилкахъ, мокая въ нихъ хлѣбъ,
который и ѣдятъ. Способствуетъ сращенію кости.

(Записалъ П. Н. Солонина отъ Антона Петрушевца пзъ Кіенки Чер-
ниговскаго у.).

---

68. ОТЪ ПОДВОЖНЫХЪ ЖИРОВЫХЪ НАРЫВОВЪ.

Прикладываютъ къ больному мѣсту золу осиновой коры.

(Записалъ П. Н. Солонина въ Черниговск. г.).

---

69. ЗИЛЛЯ.

Тее зилля ползительне, которе не чуе пивнячого гласу.
Т. е. растеть отъ села такъ далеко, что кривъ пѣтуховъ до
того мѣста не достигаетъ).

(Записалъ П. Н. Солонина отъ Андрея Гриненка изъ Жоввинки Чер-
ниговской губ.).

---

70. ПОПЕШТЬ (ЭПИДЕМІЯ) НА СКОТЪ.

Для отвращенія эпидеміи на скотъ, собирають по хатамъ
нитки, вытыкають въ одну ночь полотенце, черезъ которое

за селомъ утромъ и прогоняють весь скоть. Тутъ-же служатъ молебень, а полотенце сжигается.

(М. В. Рклицкій. Новгородсѣверскій уѣздъ).

---

71. ВЫМЯ У КОРОВЫ.

Якъ вымя у коровы стане тверде,—давляютъ свяченымъ брусомъ.

(Константиногр. у. въ 1883 г.).

См № 14. Корова.

---

72. ДОПРОСЪ.

Идя на допросъ къ слѣдователю, взять маку-текуна и входя говорить: «на гадинѣ ѣду, змѣей погоняю» и, незамѣтно рассыпавъ макъ, продолжать: «какъ зеренъ маковыхъ не собрать, такъ словъ моихъ не понять».

(М. В. Рклицкій. Новгородсѣверскій уѣздъ Черниговской губ.).

Чубинскій, «Труды», т. I, вып. 1, стр. 95-я: «Къ суду».

IV.

ВѢРОВАНІЯ И РАЗСКАЗЫ О СВЕРХЪЕСТЕСТВЕН- НЫХЪ СУЩЕСТВАХЪ.

---

73. НЕ ОДДАВШЫ ЧОРТАМЪ ДУШУ ВАГАТЫЙ НЕ ВУДЕШЪ.

Мы, каже, мололы у млыни,—отъ, дывымося,—щось коло мисточка загрузло—гійка, гійка—ніякъ не вытягне! А мы й кажемъ:

— Ну, ходимъ,—шо воно за чортъ?

Прыходымъ, колы везуть люде тачку зъ здоровеннымъ ящыкомъ на двоухъ колесахъ и повнясинькый грошей, самого серебра.

— Поможить,—каже,—добри люде, намъ вытаскаты ящыкъ, ніякъ не вытягнемъ. Мы вамъ,—каже,—дамо по прыгирщи грошей.

— Давай!

Помоглы вытаскаты,—воны намъ усыпалы въ шапку по прыгирщи серебра. Мы таки ради, прыйшлы въ млынъ до вогню, дывымся. Ёлы воно вугилля! Бодай тебе чорты

взялы! Дывысь,—давалы гроши, а зробылось вугилля! А мирошныкъ каже:

— Шо тамъ?

— Але оттаке й таке!

Еге! вы думалы, то люде везлы гроши? То чорты везлы нашому хазяйинову Отто, якъ бы вы, 'ддалы чортамъ свойи души такъ, якъ нашъ панъ-отець, то й у васъ булы бъ гроши, а не вугилля. Мени,—каже,—хазяинъ велыть тежъ орудуваты чортамы, щобъ скорищъ мололы.

Мы й напалысь на його.

— А ну скомандуй!

— А купыте пивкварты?

— Купымо!

Тугъ збоку недалеко й шынокъ.—Пишлы, выпылы. Идемъ изъ шынку, а воно (млынъ) тилько—тилько шо двыжеця. Винъ пидійшовъ до лотокивъ та й каже:

— А що це? Хыба такъ мелють? А не хочете,—каже,—потягты вазадъ? А нуте-га, попробуйте, якъ воно: чы лекше буде тягты проты воды, нижъ за водою?

Дывымся. пишлы колеса проты воды—тилько скрыпъ, скрыпъ, скрыпъ...

— Ну глядять-же,—каже,—валяй та добре!

Якъ же воно зажарыло, такъ чорты його батька зна—ну прямо жъ страшно и въ млыни сыдаты! Отъ воно шо!
(Изъ бумагъ Т. А. Зиньковского. Записано въ 1883 г. въ Киевской губ.).

74. ЧОРТЫ—СЛУГЫ.

А то йдутъ удвохъ у темну ничъ зъ шынку на гору, а воно душъ дваццать тягнуть на гору таку тачку червинцивъ повнисиньку и ниякъ не вытягнуть. Пидійшлы й кажуть:

— Що це вы, добри люде?

— Та веземъ оттому проклятому шевцеви гроши. Во-

зымъ, возымъ, а нѣкъ не настачымъ,—де винъ ихъ дива—чорты його батька зна! Поможить пожалуста!

Воны помогли вытягты на гору та й пишли слидкомъ прослidyты, куды повезуть. «Прямо,—кажуть;—и повезлы до шевця въ двиръ—ше покійного шевця Та,—кажуть,—до двора блызько не можно й лидйты: стукотнява, грюкотнява—ти дубъ товчуть, ти гроши носятъ, бряжчатъ. Прямо,—кажуть,—циле пекло!»—Коло його й люде боялыся селыця,—такъ самъ соби й живъ за слободою.

(Изъ бумагъ Т. А. Зиньковского. Записано въ 1883 г. въ Киевской губ.).

---

75. ОВДУРЕННЫЙ ЧОРТЬ.

Якъ одынъ чоловикъ продався чортовн та й каже:

— Тоди мене вызьмешъ, якъ на деревн усе лыстя осыплещя.

— Добре!—каже чортъ.

Прыходыть винъ зимою по того чоловика.

— Е,—каже той,—дывысь-же: ще лыстя не пообпадало.

А воно, значыть, хочъ и пожовкло, а де-не-де ще держыцца. Той чортяка—ничого робыты—пишовъ одъ чоловика й прыходыть на другу зиму—и тоди такъ саме. Та такъ винъ ходывъ-ходывъ та вже бачыть, що ничого не вдіе, та й кынувъ.

(С. Великая Даниловка Харьк. у., записано отъ стараго чоловѣка Ивана Ковалева въ 1879 г.).

---

76. СКРЫПАЛЬ.

Ишовъ скрипаль по мосту, саме коло дуба, та й дума: «що якъ бы я бувъ найлуччимъ скрипалемъ у свити,—

у се бѣ отдавъ, що тилькы въ мене є». Боги це выскакує чортъ изъ дуба, що стоявъ коло мосту, та й пытає:

— А чого тобі треба?

— Та хочу — каже — бути найлуччимъ скрипалемъ у свити.

— А що ты за це дасы? — пыта чортъ.

— Усе що хочешъ дамъ! — каже скрипаль.

— А душу дасы?

— Дамъ?

— Ну, такъ-же шобъ давъ на той годъ у цю пору — сказавъ чортъ та й сховавсь уп'ять у дуба:

Якъ пишовъ тоди скрипаль по селахъ, грає та й грає, — ниhto надъ його вже не загра. Назбиравъ винъ багато грошей а тутъ годъ скинчывся, та й иде до своего дому черезъ той мистъ, що колысь то йшовъ, рикъ тому назадъ. Боги выскакує зъ дуба чортъ та й каже:

— Здоровъ, скрипалю!

— Здоровъ, чорте!

— Ну, давай душу!

А скрипаль трисъ объ дуба скрипку та й давъ чортови душу съ скрипки. Почухавъ нечистый потылицю, скрывывся та й пострыбавъ, пидобгавшы хвистъ, пидъ греблю.

(С. Нижняя Сыроватка Сумскаго уѣзда въ 1885 г.).

---

77. ЧОРТЪ, ДО МЕДУ ЛАСЫЙ.

А то було въ одного чоловіка багато уликивъ и въ дядькивъ його було багато. То оце хтось все въ ночи забере та й забере зъ найбильшого вулика увесь медъ. Отъ винъ терпивъ-терпивъ та й пишовъ до дядькивъ и каже про це. Вони йому й кажуть:

— О бачъ! давно прыйшовъ-бы, то мы-бъ тоби сказали що робыть. Пиды-жъ ты, сплеты постилъ зъ лозы пивтора аршыны завдовшкы и пиваршыны завшыршкы, поставъ коло найбильшого вулика, а самъ сховайсь тамъ та й сыды. Та якъ прыйде та стане прымирать, то ты вдарь кійкомъ та й крычы: «не попавъ!»

Той такъ и зробывъ. Коло це прыходыть вночи чортъ— та такой здоровый та страшный. Побачывъ той постилъ та ставъ прымирать та й каже:

— Оце я велыкий, а е ще бильши люды. Оце такъ!

А той чоловикъ якъ опоре його кійкомъ та якъ крыкне:

— Не попавъ!

Той чортъ черезъ тынъ та навтикача, та лаецця:

— Оце сучый сынъ! не по́павъ, та якъ болыть, а що-жъ, якъ-бы попавъ!

Та съ того часу й не ставъ ходыть.

(Сувскаго уѣзда Харьковской губ. с. Нижняя Сыроватка, отъ хлопця въ 1884 г.).

78. ЧОРТА ОКРОПОМЪ ОВЛЫТО.

Жывъ одынъ чоловикъ на свити. Винъ усяке зло робывъ людямъ, кравъ, обворожувавъ людей, и бывало такъ, що занастыть чоловика на весь ви́къ. Отъ, прыходыть йому кинець ви́ку. Винъ дуже захворивъ и прыказавъ своему сынову:

— Гляды-жъ, якъ я вмиру, ты возьми на пичъ хомутъ и видтпя дывыся кризь його, шо мени буде.

Винъ померъ, той хлопецъ узявъ хомутъ и дывыця кризь його на печи. Дывыця й бачыть, шо якъ тилькы його умеръ батько, його чорты заразыть тиломъ ухватили и

повеслы кудысь, а одынь чортъ, похожый на його батька, лигъ на лави и лежыть мовъ мертвый. Той хлопецъ гукнувъ на матирь:

— Грійте окропу,—я мыщця буду!

Маты нагрила такого горячого, що аж-аж-ажъ! Винъ узявъ у руки ганчирку, взявъ той чавунъ зъ окропомъ та якъ лынѣ на чорта,—той схопывся та й побигъ,—никого осталось ховать, и труна осталась, и усе, не треба теперъ ни попа, ничего.

(Записано въ с. Нижняя Сыроватка Сумскаго уѣздъ Харьковск. губ. въ 1885 г. отъ хлопця.)

Сравн. Рудченка «Народныя южнорусскія сказки», выпускъ 1-й, № 37.
«Чортъ у чоловічомъ толуби».

79. ГРОШОЛЮВЪ.

Одынь чоловікъ живъ дуже багато и назбиравъ багато грошей, и у його бувъ одынь сынъ и жинка. Винъ якъ умиравъ, то до його прыйшовъ сынъ и його жинка и просятъ у його грошей; йому жалко. Якъ вони одійшли, то до його приступылы чорты и кажуть:

— Ты ихъ поковтай.

Винъ и поковтавъ, а сынови та жинци не отдавъ. Тоди якъ умеръ, прыйшовъ чытать до його дякъ и чытавъ усю ничъ. Такъ якъ опивночи поросходылись уси, а дякъ чытавъ. Чорты прыйшли, узялы його за ноги, якъ трухнуть, а гроши й посыпалысь; тоди чорты и кажуть на дяка:

— Чтець, возьми деньги!

Тоди той дякъ забравъ гроши та швыдче додому и од-
нисъ. Якъ поховалы того багача, такъ його жинка та сынъ

на церкву воду возылы та глыну мислы, бо у тымъ сели церква стройилась И такъ воны тымъ и воспыталысь.

(Х. Троецкій Словяносербскаго у. Екатеринос. губ., отъ хлопца Якова Емченка въ 1888 г.).

См. № 15. Коваль и чортъ.

---

80. ЛISOBYIEЪ.

Жывъ у лиси такый богъ лисовый, и було тры браты— два розумныхъ, а третій дурный Пишовъ одынь братъ до того бога найматися. Винъ и каже:

— Коны впасешъ мени оцього бычка, то дамъ тоби пидришитку грошей. Та тилкы щобъ прынишь мени того, що цей бычокъ йишь и пье.

Отъ, той братъ якъ ишовъ пасты, выгнавъ бычка, а винъ якъ кынеця, такъ и поплывъ черезъ ричку. Той сидыть и плаче, коны увечери прыплыва зновъ бычокъ. Той наймытъ набравъ у глечычокъ воды й травы и прынишь до бога. А той давъ бычкови, бычокъ не йишь. Винъ убывъ того брата и колодою наверхнувъ. Такъ и зъ другимъ братомъ було. Тоди пишовъ дурень. Такъ винъ, якъ поплывъ бычокъ, очепирывъ йому за хвистъ и поплывъ зъ йимъ. Быкъ прыплывъ, коны церква стойить и винъ, той бычокъ, зробывсь попомъ, ставъ службу, булкъ йишты и выно пыть. Той дурень набравъ у глечыкъ вына и булкъ, очепирывъ зновъ за хвистъ, переплывъ ричку и прынишь до лисового бога. То той тоди давъ йому лидришитку грошей, показавъ пидъ колоду и каже:

— А оце бачышь, де твои браты?

(С. Нижняя Сыроватка Сумскаго уѣзда Харьк. губ. отъ хлопца Игнатія Шоломія въ 1884 г.).

---

81. РУСАЛКЫ.

На русалчынъ великдень (четверть на зеленыхъ святахъ) не треба ни йиздыты въ лисъ, ни купатыся, бо русалкы залоскочуть. Це ще въ старовину було: одынъ чоловикъ йихавъ лисомъ,—такъ його трохи не залоскотали. «Та все» — каже, — «таки невелички та кучеряви дівчатка».

(С. Великая Даниловка Харьковск. у.).

Чубинскій, «Труды», т. I., вып. 1, стр. 207: «Русалки».

82. ПРО ВОВКУЛАКИВЪ.

Годивъ за тридцать тому назадъ у мого дида Кошелівци (*) робылы комору. Дидъ тоди живъ надъ полемъ. Майстри посадали свидать. На городи бигало козеня; а вовкъ ябось підкрався, ухватывъ и побигъ; тутъ кинулысь доганять, да куды тамъ доженешъ! А одынъ майстеръ каже:

— Не доганяйте, то вже йому Богъ показавъ; уже Богъ якъ покаже, що йому злисты, дакъ йому вже тее, що думае злисты, буде показувать красне. Я й самъ бувъ вовкулакою.

Тутъ наши люде стали пытать:

— Роскажить, якъ було!

— Да отъ же якъ. Я любывъ дивку; да такъ прийшлося, що взявъ другую. У неділю я пишовъ изъ жинкою до церкви; жинка пишла попереду, а я трохи подождавъ да й соби пишовъ; треба було йти брузъ тоейи дивкы двиръ, що я любывъ, да не взявъ.

(*) Верківка въ 12 верстахъ отъ Нѣжина; Кошелевка въ 10 вер. отъ Верківки. Кошелевцы — плотники и пильщики.

Тилько що я поривнявся зъ дворомъ, дивка тая выбигла да й каже:

— На тоби ленту, що ты мени купывъ!

Да й кинула на мене, а сама засміялась да й побигла. Тутъ я ставъ миныця и вже не пишовъ до церкви, а пишовъ изъ села, да тамъ за селомъ нидь клунею лигъ да й лежу; а вже въ мене и шкура вовча выросла. Отъ, приходять тры вовкы да й кажуть мени:

— Чы ты будешъ намъ служитъ? А не хочешъ, дакъ мы тебе ззимо.

— Ни, буду вже лучше вамъ служитъ.

— Ну, добре,—кажуть вовкы,—иды за нами.

Я пишовъ. Идемъ,—гусы насущця; отъ вовкы кажуть:

— Дывысь, котора гуска тсби показуецця красна, ту й ловы.

Я вловывъ, давъ йимъ. Воны кажуть:

— Йижъ же й ты!

Довго я не хотивъ йисты сырого м'яса; да вже якъ привыкъ, тоди вже й не розбировъ. Такъ я йимъ прослужывъ симъ годъ. Наставъ срокъ, дакъ воны мене й одпустылы до дому. Я прыйшовъ, да у хливи й лигъ. Батько уранци прыйшовъ до хлива, одчынывъ двери да якъ закрычить, побачывшы мене:

— Вовкъ! вовкъ!—да скорише двери зачынывъ. Люде збиглысь. Тутъ я бачу, що не перелывкы, давай лизты на тынъ, щобъ утекты, да якось зачепывся за ломаку, прорвавъ вовчу шкуру да й вылизъ изъ шкуры. Одчынылы воны двери, дывлюцця—я стою. Маты тоди якъ заголосыть:

— Иванъ!... Иване, сыночку мій, де ты скытався?

Я давай и соби плакать. Мене повелы въ хату, роздяглы, дамы билу сорочку, штаны и посадылы йисты. Доб-

рый мени показався хлибъ послѣ сырого мѣсяса; а вѣны все мене пытаются:

— Роскажи-бо намъ, де ты бувъ?

Я хочу сказать йимъ слово, дакъ вовкомъ и зареву. Диты крычать, бояцца; дакъ я вже и мовчу.

Цилий тыждень я все ревивъ вовкомъ; а у неділю я пішовъ уранці на двір, саме до церкви благовистило; я увійшовъ у хату да й кажу батькови:

— Уже, тату, до церкви благовистять.

Наши вси зрадили, що я гомоню; батько пішовъ до попа, дакъ мене висповідали и причастили. Одъ того дня я вже й ставъ говорити.

Оттакее-то! щобъ воно до мене й не ворочалось!

(Записала отъ своей бабы Анна Сахонькова, дѣвочка 13 лѣтъ, въ м. Веркиевѣ, Нѣжинск. уѣзда. Съ согласія лица, напечатавшаго этотъ разсказъ въ № VI «Кіевской страны» за 1894 г., перепечатаваемъ его отсюда).

V.

РАЗСКАЗЫ О МЕРТВЕЦАХЪ.

83. ПРО ВДОВУ, ЩО ВНОЧИ ПРЯЛА.

Еге, кажутъ стари люде, що не треба ничого довго вночи робыть пры мисяцєви, а то, бачте, одна вдова пряде та й пряде вночи, колы це прыйшло шось пидъ викно та й каже:

Теретынъ, теретынъ!
На тоби жмутъ веретинъ
Та напряды вси!

Удова взяла та скоришъ по тры ниткы на кожне веретено й намотує; воно прыйшло та й каже:

— Ну, напрядла?

— Напрядла!

— Ну, такъ давай! та гляды, билшъ довго не сыды, а то погано буде!

Потимъ узяло веретена й пишло.

(С. Нижняя Сыроватка Сумск. у. Отъ дивчины записалъ М. М. Нечипоренко).

84. ЯКЪ НЫЧЫПІРЪ ДИЛЫВЪ ВАРЕНЫКЪ.

Бувъ собі такой богомальный чоловікъ Нычпырѣ; щобъ не проспаты утрени, то винъ лягавъ бия церквы: якъ ударять у дзвинѣ, отъ винъ и прокынеця.

Передъ якимсь великымъ празныкомъ Нычпырѣ, узавшы у карманъ вареныкы, и пишовъ пидъ церкву ночувать. Снявъ ото та й йистъ вареныкы; йивъ, йивъ та такъ зъ вареныкомъ у роти й заснувъ. Коля це чуе: бовъ, бовъ—дзвонють; винъ схватывся та мерщій у церкву,—коля тамъ повво мерцывъ. Якъ напали воны його:

— Дилы та й дилы вареныкѣ!

Дума Нычпырѣ: «якъ стану дилыть,—не стане усимъ, бытымуть мене». Отъ и каже:

— Такъ ходить же на могылы; кожный сяде на свойй, отъ я й буду дилыть!

Пишлы ото воны на могылы,—коженъ на свою. Нычпырѣ и каже:

— Ни, не такъ! сидайте молоди до молодыхъ, а стари до старыхъ!

Посилы мерци: стари до старыхъ, а молоди до молодыхъ. Нычпырѣ и каже:

— Е ни, ище не такъ! сидайте такъ, щобъ умисци булы ти, що въ одынъ годъ умирали.

Покры посадалы, а пивень: кукурику! Мерци—шарахъ у ямы! Остався Нычпырѣ зъ вареныкомъ.

(С. Нижняя Сыроватка Сумск. у. Записалъ М. М. Нечипоренко).

85. НЕВОЯЗЬКИЙ ПОЛКОВНЫКЪ.

Въ одномъ городи бувъ полковныкъ, такой, що зроду не бачывъ страху. Отъ, винъ узавъ съ собою дещыка и

пойхавъ страху шукать. Йихалы воны, йихалы и прыйихалы до слободы, а вже бувъ вечеръ. Отъ полковныкъ и каже:

— Давай останемось ночувать на гробахъ.

А той денщыкъ и каже:

— Ни, я боюсь, лучше пойду въ слободу.

А той и каже:

— Ну йидь, а я останусь тутъ ночувать.

Ото денщыкъ пойхавъ у слободу, а полковныкъ остався ночувать на гробахъ. Тоди полковныкъ узавъ сидло, положывъ на гробокъ и лигъ на йому. Лежавъ-лежавъ и все не слыть, а слуха, що буде. Отъ, такъ якъ у глупу ничъ, вылизъ мертвецъ изъ гроба та й пишовъ у слободу. А полковныкъ и каже:

— Ну добре, итымешъ ты назадъ, я тебе піймаю!

Ого пился того винъ заснувъ. Трохы згодомъ слуха, — скрыпъ двери (?), колы це йде той мертвецъ. Тоди винъ запалывъ трубку, сыдыть и куре. Пидійшовъ мертвецъ до гроба та й каже:

— Ты хто такый? вылазь видциль!

А винъ и каже:

— А ты хто такый? де ты ходывъ?

А винъ и каже:

— Вылазь, а то задущу!

— Скажы, де ты ходывъ, такъ вылизу.

Ото винъ вертивсь-вертивсь та й каже:

— Бувъ я въ слободи и тамъ задавывъ у одного купця сына, ище й молодыхъ задавывъ.

Полковныкъ и каже:

— А можно ихъ воскресыть?

Каже:

— Можно, та тилькы йидь скорише, то тамъ найдешъ у

одній хати у печи два пузырькы съ сцилющою и живущою водою; та телячою кровью помажешъ, то воны й оживуть.

А тутъ пивни заспывалы, а винъ и впавъ. Тоди полковныкъ узавъ того мертвеця, привъязавъ до сидла и ото винъ тилько що розсвило, заразы на коня та й пойхавъ у слободу. Прыйхавъ винъ у слободу, воскресывъ кунцевого сына й молодыхъ и пойхавъ изъ слободы зъ денщыкомъ. Тамъ воны йихалы, йихалы—отъ уже стало вечорить; пидийжчають воны до лису, колы дывляця,—огонь блыщыть. Воны й пойихали до вогню. Прыйихалы до лису, винъ и каже: «я пиду туды, подывлюсь, що тамъ били вогню». Пишовъ винъ, прыйшовъ, колы тамъ сыдыть трыдцять чоловікъ розбойныкывъ, сыдыть, кашу варють. Винъ каже:

— Здрастуйте вамъ!

— Здрастуй!

Винъ узавъ ложку, помишавъ кашу, покуштувавъ:

— Ехъ, добра-бъ каша, та писна! нужно-бъ гавъядыны!

Пишовъ, прынисъ ногу, вкынувъ у кашу, покуштувавъ, —не добра. Пишовъ, ище прынисъ цилого мертвеця та якъ кыне въ кашу, а той мертвецъ якъ выскоче съ казана та па одній нози й поскакавъ,—порозгонывъ усихъ розбойныкывъ.

Тоди й пойихалы ище дальше страху шукаты. Прыйихалы до одного лиса, а въ тимъ лиси дома и сторожъ живе. Винъ попытавъ у сторожа:

— Чого тутъ нихто не живе?

— Та,—каже,—у цього пана умерла дочка та кажной ночи ходе у ци дома и не дае жыть, такъ винъ и пойхавъ видциля.

Тоди полковныкъ сказавъ:

— Я переночую.

Полковныкъ остався ночувать. Тоди якъ прыйшла глупа ниць,

то вона (дочка) и прыйшла. Винъ ййи піймавъ, и вона стала така, якъ и була. Тоди того полковныка звинчали и винъ ставъ зъ нею жыть. Тоди вона його й пыта:

— Якымъ це ты родомъ попався сюды?

Винъ ййи и каже:

— Я зроду не знаю страху.

— Хочешъ, я тобі покажу страхъ?

Тоди вона взяла устромила въ сволокъ булавку и привв'язала його за шыю шовковою ниткою, тоди за сволокъ и пустила. Винъ тоди подывывсь унизъ,—тамъ пекло, а вгору, нитка тонка,—то отоди винъ излякався.

(Славяносербскій уѣздъ, Екатеринославской губ., отъ «хлопця»).

---

86. УПЫРЬ.

Було собі три брати, самый меньшый пійшовъ у салдаты. Прослужывъ тамъ годъ чы два й налысавъ додому пысьмо, а йому прыпысали зъ дому, шо отецъ померъ. Дождавъ винъ, москаль, годового празныка, выпросывсь у гости до дому. Иде винъ, недалеко вже одъ своейи слободы стеномъ иде—чагарнякы, мимо йихъ иты. Дывыться, а скризь одынъ коло одного вогни горять. Винъ не заходять до того огню, а иде собі по дорози; прыходять у село, нигде не свитыться, бо то ноччу.

Прийшовъ до своейи хаты,—свитыться въ хати и замитывъ винъ прозь викно: батько сыдыть конецъ стола. Винъ собі й подумавъ: «Отъ—каже,—брати неболи (*): прыпысали, шо батько померъ, а батько живый». Увойшовъ у хату, поздоровкався зъ батькомъ, поцилувався зъ нимъ.—Батько

(*) Непочтительные (Примѣчаніе записывателя).

поставывъ сынови на стилъ горилкы, ковбасы давъ.— Давъ йому пыты, а сынъ и пытае:

— Чомъ-же, каже, вы, тату, не пьете?

— Я вже — каже, — свое одпывъ.

— То берить та йиште!

— Я вже, — каже, — свое одъйивъ.

Повечерявъ москаль, батько пойшовъ запрягать конячку й каже:

— Сядай, сыну, пойдёмъ на весилля!

Прийизжають на другу слободу на весилля.

Москаль пойшовъ у хату, а батько сивъ на порози. Поздоровкавъ москаль, його й пытають:

— А съ кымъ-же ты, — кажутъ, — прийихавъ? ябъ ты втрапывъ?

— Зъ батькомъ, — каже.

— А де-же той батько? (Бо вси знаютъ, що батько померъ, ну й думаютъ, що винъ обманюе).

— А, — каже, — отъ сыдыть коло порога. — Уси подмылысь туды, — нема никого, ну й подумалы, що москаль сміється. Гулялы вонь довго, а дали полягалы спать: молоди пошлы въ комору; лигъ и салдатъ. Ну, все-жъ такы винъ не спыть, а замичае, шо то батько буде робыть. Дывыться, батько вставъ и съ крайнього почавъ кровъ тягты и зо всихъ сколькы було людей, винъ кровъ повысосувавъ, а зъ молодыхъ, пойшовъ, вырвавъ дви пасмы волосся и взявъ, поднявъ вугло (*) и пидстромивъ те волосся, а дали прийшовъ до сына та й каже:

— Йильмо, сыну, теперь додому!

Посядалы. — Йидуть додому. Сынъ почавъ батька пытать:

(*) Постройка хаты въ срубъ, связь дерева на дерево въ углу — *сугло*.
Говорятъ: „хата построена у угла“ — въ срубъ. (Примъч. записывателя).

— Тату, що то вы робылы людямъ и на шо вы зъ молодыхъ вырвалы дви пасми волосся и пидстромылы пидъ угло?

— То, — каже батько, — вси люде, то вси повстають, а тыйи молоди не встануть.

— Тату, сказали-бъ и мени: чы можна-бъ що зробыты, щобъ воны встали?

— Можна, — каже, — сыну, тилькы на шо тоби тее знаты?

— Та скажить бо, тату! вы-жъ знаете, шо додому я не на довго прыйшовъ, — побуду свое время, та й пойду зновъ на службу.

— А шо, — каже, — йимъ робыты? Тамъ, у сусиды, уродыться чорне теля сьойи ночя; пойты до того сусиды и попросыть, щобъ винъ отдавъ тее теля. Взять, заризать теля и бровью помазать молодыхъ, достать волосся зъ угла и прытулыть до йихъ, то воны повстають. — Е, хто тее буде знаты? — додавъ батько самъ до себе, а дали й каже:

— Ты, знаешъ, — каже, — сыну, шо я нежывый, я — вмерлый. — Ты думаешъ, чого то такъ огни горять по надъ чагарнякомъ? Се я повыганявъ, теперь никого нема въ сели, я всихъ повыганявъ.

— Ехъ, — каже, — тату, сказали-бъ вы й мени, чы можна те зробыты, щобъ вы не хедылы?

— Можна, — каже, — сыну, зробыты. — Е, хто тее буде знаты? — зновъ додавъ батько самъ до себе.

— Ехъ, тату, скажить, — каже, — нехай я буду знаты! Адаже вы знаете, шо я скоро пиду звидсы.

— А шо, — каже, — робыты? Я якъ увыну на свое мнисце, то добре, а якъ-же не ввыну, то й пидъ пиччу переночую. (Звычайно, бо пивень заспивае, то вже винъ не вспе сховатысь на свое мнисце).

— Отъ, якъ я ляжу пидъ пиччу, то взять и vybrать стину зъ другого боку одъ диркы. Треба дванадцять паръ волувъ и балагульського воза и дванадцять пожарныхъ гакувъ. Я сьогоня не ввыпу на свое мнисце (бо чувстуеть, шо скоро пивень засниває).—Отъ якъ прыйдемы, пивни заснивають, то я заразъ соби пидъ пичъ. Якъ-бы догадалыся, та зробылы ту штуку, а тамъ, у полн, дубъ стойить, якъ-бы до заходъ сонця вывезлы мене туды, то-бъ,—каже,—я тамъ и zostався-бъ и николи-бъ сюды не пойшовъ, а якъ не ввынутъ до заходъ сонця, то скільки-бъ тамъ людей не було — ймиъ усиитъ смерть буде.

Тилькы прыйихалы у двиръ, ще й коней не выпряглы, а винъ, батько, ускочывъ у хату й покотывся пидъ пичъ, бо пивни заснивалы. Москаль узявъ, повернувъ коней у те село, де весилля справлялы, и почавъ будыть людей и ниякъ не мигъ йихъ порозбужуваты.

Порозбужувавъ и сказавъ:

— Йдить до такого-то сусиды и чорне теля въ його взымить, шо вродылось сьойи ночи.

Ти прынеслы те теля, помазалы молодыхъ кровью, досталы той волосъ, попрыкладувалы и воны повставалы.

— Ну, теперь,—каже,—ходить батька вывозыть.

Досталы воны дванадцять паръ волувъ, балагульського воза и дванадцять пожарныхъ гакувъ. Прыихалы, москаль порадувавъ самъ. Выкыдалы стину, зачепылы батька гакамы, якъ почалы його тягты, то винъ страшно реве, такъ шо ймиъ страшно було й стоять тамъ. Дванадцять паръ волувъ не можуть якъ слидъ и йты, а тилькы помаленьку ступають. Ще зъ повъ-версты zostалось, а вже и сонце скоро сидае, а воны ажъ не можуть йты. Тилькы привезлы його на те мнисце, де винъ сказавъ коло дуба, заразъ винъ скотывся и самъ пойшовъ у землю и тилькы сказавъ:

— Маєте щастя!

Люде одкопали його могилу, а въ труни його нема и повна труна була набыта шерстю—одъ людей и одъ усякойи скотыны.

(Записано отъ Луки Зиневича, Воляск. губ., Острожского уѣзда, Ощенской волости, с. Курозвоня. Изъ бумагъ Т. А. Зиньковского).

Нѣкоторыя черты этого разсказа встрѣчаются у Чубинского, «Труды», т. II, стр. 417. № 123: «Про упыра».

VI.

ВѢРОВАНІЯ И РАЗСКАЗЫ О ЛЮДЯХЪ СЪ ЧУДЕСНОЮ СИЛОЮ. (ВѢДЬМЫ, ВОРОЖКИ, ВОЛШЕБНИКИ).

---

87. ВѢДЬМЫ И ВѢДЬМАКИ.

Вѣдьмы являются или отъ рожденія или научаются искусству отъ другихъ или ставовятся ими невольнo. Въ послѣднемъ случаѣ вѣдьма, бывая кумою, прочитываетъ до крещенія надъ ребенкомъ трижды заклинаніе. Желая научить своего ребенка колдовству, вѣдьма сажаетъ его некрещеннаго въ колыбель (?) и «пробазуе», что слѣдуетъ. Дитя уже не забудетъ прочитаннаго.

Узнать вѣдьму можно или по очамъ, кто это умѣетъ, или слѣдующимъ образомъ: въ прощенный день взять въ ротъ сыру и съ нимъ во рту переночевать, а въ понедѣльникъ спрятать сыръ хорошенько въ поясъ и тщательно беречь. Въ свѣтлую заутреню явиться съ этимъ сыромъ въ церковь

и когда батюшка скажетъ: «Христосъ Воскресъ!», сказать: «у меня сыръ есть!» Вѣдьмы еще въ церкви стапуть отымать сыръ, а по выходѣ изъ церкви кинутся въ погоню за обладателемъ, крича: «отдай сыръ!» Для обороны надо имѣть побольше маку-текуна и имъ бросать въ вѣдьмъ, тѣмъ станутъ собирать макъ, а преслѣдуемый тѣмъ временемъ успѣеть убѣжать. Другое средство: въ продолженіе всего великаго поста каждый понедѣльникъ откладывать по одному полѣну изъ охапки дровъ, идущихъ въ печь. Этими семью полѣнами вытопить передъ пасхальной утреней печку. Вѣдьма въ такомъ случаѣ непремѣнно придетъ просить жару, но давать ей ни въ какомъ случаѣ нельзя, — будетъ бѣда.

Принимаетъ вѣдьма образъ разныхъ животныхъ, чаще всего собаки; въ образѣ свиньи бываетъ наиболѣе лютою. Въ человѣческомъ видѣ она ходитъ доить коровъ и завивать на поляхъ завоп. Иногда вѣдьма превращается въ сороку. Однажды на паромѣ переѣзжала съ нами одноглазая баба. Паромщикъ по секрету сообщилъ намъ, что другой глазъ выбилъ бабѣ хлопецъ, бросивъ дрючкомъ въ сидѣвшихъ на грушѣ сорокъ. Въ ихъ компаніи сидѣла и эта баба, въ ея то глазъ и угодилъ дрючокъ. Въ конюшняхъ часто вѣшаютъ убитыхъ сорокъ. Вѣдьма посылаетъ разныя напасти на людей, животныхъ. Главное-же ея занятіе дѣланіе завоевъ и доеніе коровъ. Доить она часто кобылъ, сукъ. Масло, добытое изъ такого сборнаго молока, узнать легко — оно все въ слояхъ. Чтобъ не испортилась корова, ей при первомъ теленкѣ просверливаютъ рогъ, кладутъ въ дыру херувимскаго ладану и забиваютъ дыру кусочкомъ троицкой осины. (Такіе рога во множествѣ валяются на выpusкахъ).

Рекомендуется много средствъ отъ злоумышленій вѣдьмы. Креста вѣдьма не боится, но безсильна противъ *яричука*

(первороденный щенок); ярчука непременно задушить вѣдьма если своевременно не принять мѣры, заключающейся въ томъ, что щенка трижды протягиваютъ черезъ ступицу въ колесѣ. На купаза, въ огражденіе отъ вѣдьмъ, кладутъ на окна крапиву жигучку, на Духа ставятъ надъ воротами осину. Избѣгаютъ позднимъ вечеромъ здороваться съ незнакомымъ человѣкомъ, боясь наскочить на вѣдьмака. Не слѣдуетъ также загонять въ свой дворъ заблудившихся животныхъ. Одна баба во время грозы загнала въ хлѣвъ заблудившагося козленка, молнія зажгла хлѣвъ и дворъ, а козленокъ убѣжалъ. Успѣшно бороться съ вѣдьмой можно только въ *своемъ* дворѣ и при помощи кола, взятаго изъ *своего* плетня. Бьютъ вѣдьму наотмашъ. Въ дворѣ вѣдьма ставитъ преслѣдователю разные препятствія въ видѣ дровъ, рядовъ немятой пеньки и проч. Вычесанные изъ головы волосы не надо бросать зря, иначе вѣдьма сдѣлаетъ изъ нихъ завои съ наговоромъ. Часто въ поступкахъ вѣдьмъ видна фатальность (по народному выраженію: «вѣдьмѣ приходя время»). Плылъ напр. съ рассказникомъ на байдакѣ вѣдьмакъ. Въ припадкѣ вѣдьмачества онъ сталъ проситься на берегъ. Выскочивъ на берегъ, вѣдьмакъ бросился завивать на лозѣ завои. «Якъ-бы вы не пустыли мене до берегу,—сказалъ онъ товарищамъ,—то-бъ я вамъ волосся такъ позавывавъ».

Вѣдьма, уходя изъ хаты по ночамъ, оставляетъ дома свою кожу. Такъ, разъ золовки замѣтили ночью отсутствіе своей невѣстки, на ея мѣстѣ лежала какая то шкура. Работникъ взялъ топоръ и изрубилъ ее. «Пришла до окна невѣстка и пытае: «топоръ, топоръ, хто кожу порубавъ?» — Я не знаю, — каже топоръ, — бо якъ рубавъ, дакъ унизь глядѣвъ. — Съ тымъ и пропала». Сдѣлавъ вѣпокъ изъ купалы (желтый цвѣтокъ какой-то) можно увидѣть вѣдьму на купалѣ, прыгая черезъ огонь. Вѣдьмы невидимками бѣгаютъ за прыгающими

и подбираютъ за ними золу (вѣротно— слѣдъ). Вотъ отчего не слѣдуетъ посѣщать купальныхъ игрищъ.

(М. В. Рклицкій. Новгородсѣверскій у. Чернигов. губ.).

«Малорус. преданія», стр. 69, № 1—11. «Вѣдьмы».—Чубинскій, «Труды», т. I, вып. 1, стр. 196. «Вѣдьмы».—Кулишъ, «Записки о Южной Руси», II, стр. 37. «Способы узнавать вѣдьмъ».

88. ВИДЬМА.

I.

А я такъ не боюсь видьмы: я послѣдняя. Видьма николи не лякае тыхъ, хто первый або останній народывся у симѣи.

(С. Великая Даниловка Харьковскаго у. Палажка Ковалева).

II.

Видьма съ сохы (*) молоко дое.

(Х. Бутивка Зиѣвск. у. Харьков. губ.).

89. К И Н Ъ.

Зайшовъ я, люде добри, въ одну хату ночувать; обикла-
лись ото вже люде й спать, а въ моеи хазяйки горыть свитло.
Колы це увійшло у хату бабъ зъ десять, трохи згодомъ—ще,
ище: повна хата назбиралась. Выйнялы вони изъ печи черепокъ
чогось та й стали мазать нымъ пидъ руки. Помаже оце пидъ
руки та й полетыть у бовдуръ; такъ уси й повылиталы.
Я й думаю собі: «а чы не помазать бува й мени?» Пидій-
шовъ я до черепка, засунувъ туды пальци та й тру пидъ
руки; колы це якъ понесе мене въ бовдуръ, вынесло на
двиръ, несе та й несе... Лечу я, лечу, колы дывлюсь,—упередъ

(*) Соха—подпорка въ хлѣву.

мене летять видьмы ти, щѣ булы въ хати. Ото я наздогнавъ ихъ та й лечу зъ нымы. Коны це оберпулась до мене старша видьма та й каже:

— Оце й ты тутъ?

— Тутъ,—кажу.

— На-жъ тоби оцього коня, сядай на його, то впиъ тебе й довезе додому; тилькы не кажы ни тпру, ни но, а то пропаде все—будешъ пишкы йты!

Та й дала мени такого билого коня. Сивъ ото я на того коня, якъ повесе винъ мене; лечу я та й думаю: «а чы не сказать мени бува на коня «но», щобъ ище скорше йихавъ?» Ябъ крыкну: «но!» Дывлюсь,—я вже на земли та въ такому темному лиси, а у мене въ рукахъ обидрана лыпына. Плюнувъ я та й пишовъ; якъ ставъ иты та йшовъ трое сутокъ, поky знайшовъ свою хазяйку!

(С. Нижняя Сыроватка Сумск. у.).

Чубинскій, «Труды», т. I, вып. 1-й, стр. 196-я: Вѣдьмы.—Манжура, «Сказки», стр. 138-я: «Чудесные угольки».

См. № 4. Комари. (Ворожка).

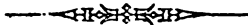
VII.

О КЛАДАХЪ.

90. СКАРВЪ.

И теперъ, кажутъ, у Петренковому лиси есть погрибъ, тилигы завалывся,--тамъ шкарбъ похованый. А колысь якъ нпчъ, то тамъ ведмидь реве, салдаты зъ дзвонкомъ ходе, бережутъ його. До того погриба явленну нкону зъ Шпыливкы брады, зъ охрестамы пидходылы, такъ такъ схопыця заразы буря и все поваля, порозносе. А то ще, кажутъ, два хлопцы пастухы тамъ гралыся, а одынь узявъ и вкынувъ другого шапку. Той почавъ плакаты, а воно йому й выкынуло повну шапку грошей. Другой и соби схотивъ грошей та й кынувъ шапку, а воно йому калу выкынуло.

(Записано въ 1884 г. отъ хлопця Василя Нечипоренко въ с. Нижней Сыроваткѣ Сумскаго у.).

VIII.

91. Г Р И Х Ы.

Бувъ собі чоловікъ и жинка, и у нихъ родылась дытына. Маты узяла дытыну, розризала йому жывить, посадила у кошиль та й укынула його у море, а воно плавало до трьохъ мисяцївъ та крычало. А рыбалкы йиздылы по морю та й узялы його до себе та й изшылы йому жывить. Дытына росла у нихъ до висимнадцяты годивъ. А той чоловікъ, що найшовъ у мори дытыну, сказавъ йому, каже:

— Андрію! колы хочешъ, то благословляю тобі иты на суху путь.

Андрій каже:

— А чомъ не такъ?

Ото той чоловікъ поблагословивъ того Андрія, винъ и пишовъ та й попавъ саме у ту слободу, де його батько та маты. Ото прыходе у слободу, колы тамъ сторожа наймають. Винъ каже: «наймить мене сторожемъ!» Мужыкы нанялы и такъ умовылысь, щобъ никого не пускати у садъ и якъ по-

бачышъ, що хто йде, то пытай його, хто йде; якъ до трьохъ разивъ не озовета, то бый його зъ ружжа!

Андрій каже:

— Ну-ну!

Отъ, одвели його до саду, винъ и ставъ берегты той садъ и проберигъ тры дни. На четвертый день увечери дывыця,—щось иде до його. Винъ каже:

— Хто йде?

Воно не озвалось. Винъ уптять каже:

— Озывайся, а то убью изъ ружжа!

Воно не озвалось,—винъ и убывъ його. Колы це стало свитать, розвиднылось, винъ объявивъ мужыкамъ. Мужыкы посходились, стали пытать його:

— Якъ же ты убывъ?

Винъ розказавъ. Тоди мужыкы й закопали мертвого. А жинка того убитого почала просыть мужыкывъ, щобъ выйты замижъ за того Андрія. Вони дозволяли. Тоди вони повищались и стали жыты внисти. И одну ничъ вони полягали спать, а жинка положила руку Андріеву на животъ та й каже:

— Що це таке, чоловіче, за рубецъ?

Андрій каже:

— Та це якъ я родився, такъ мени маты розризава животъ та й укынула у море.

А жинка якъ заплаче та й каже:

— Охъ, мій сыночку!

А Андрій каже собі на думцв:

— Це жъ моя маты, а ото убывъ я батька!....

Ото дождалыся дня, жинка побигла по слободи та покыкала мужыкывъ. Мужыкы прыйшли, вона розказала, що «це мій сынъ». Мужыкы кажутъ: «якъ твій сынъ?»—Та такъ!
—И розказала. Тоди мужыкы розійшлись.

Маты Андріева й каже:

— Ну, сыну, иды до попа, просы, щобъ винъ грихы найшовъ твойи.

Андрій пишовъ до попа та й каже:

— Батюшка, найдишь мойи грихы!

А пипъ каже:

— Яки грихы?

Андрій каже:

— Та яки? що убывъ я батька, а матирь за жинку взявъ.

Пипъ каже:

— На тоби изъ яблуни горилый пеньокъ та поlyingай його ротомъ доты, покы вырасте яблуня и поростуть яблука, —тоди позрываай та й прынесы до мене!

Андрій понисъ пеньокъ и поlyingавъ ротомъ чотыри мисащи, доты, покы порослы яблука. Отъ винъ помолывся Богу и ставъ изрывать ихъ. Уси позрывае, а якъ злизе на землю, а яблука упъять на яблуни осталыся. Винъ позрываавъ йихъ та упъять злизъ,—колы двое яблукъ осталося на яблуни. Винъ зрываавъ, зрываавъ йихъ, а воны усе остающця на яблуни. Тоди винъ пишовъ до попа та й каже:

— Батюшка, ось я прынисъ вамъ яблука.

Пипъ подывывся та й каже:

— А на яблуни осталося багато?

Андрій каже:

— Двое яблукъ.

Пипъ тоди каже:

— Ну, отождь два грихы твойи.

Андрій тоди каже:

— Батюшка, заприть мене у сторожку, щобъ я грихы спокутувавъ.

Пипъ тоди заперъ його, а ключи укынувъ у море. Той Андрій сидивъ у сторожци сорокъ лить. Наступывъ сорокъ первый годъ. Пипъ захворавъ и схотилосъ йому сви-

жойи рыбы. Тоди винъ пославъ, щобъ уловылы йому свижкой рыбы. Слугы принесли йому рыбы. Тоди винъ сказавъ: «изварить мени ййи!»—Слугы стали росчынять рыбу и найшлы ключи. Принесли ключи до попа. Тоди пипъ сказавъ:

— Ище у мене Андрій у сторожци запертый.

А та сторожка уже й заросла у землю. Тоди вони стали одкопувати. Одкопалы, одчынылы двери,—колы дывляця, винъ сыдыть и коло його свичка горыть, а винъ чытае ивангелію. Пипъ выпустывъ його. Винъ тоди лишовъ до матери и стали жыть удвохъ.

(Записано 1888 года отъ хлопця Ивана Выровскаго изъ с. Костивки Славяносербскаго у. Екатериносл. губ.).

Подобные рассказы см. «Малор. пред.», стр. 130-я, № 29. Кровосмѣитель.

1—2. Тамъ-же указаны варианты, напечатанные въ ныхъ изданіяхъ.

92. ПРО ПАНТЕЛЕМОНА.

Жывъ на селя парубокъ Пантелемонъ и любывъ винъ дивчыну. Ось скоро вже й веселя малось быть,—а винъ ту дивчыну й покинувъ. Розлютувалась ййи маты (а вона до того та була ще видьма), зробыла видьмою свою дочку й наказала ййи помстыты Пантелемонови. Иде ото разъ Пантелемонъ зъ «улицы», колы це якъ пльгне йому пядъ ноги кишка,—винъ схопывъ рукавыцю та й ударывъ ййи на оддаль,—та такъ и вывернулася (бо видьмы такъ не вдарышъ, а треба кыдать на оддаль, то попадешъ); дывыця,—колы тамъ уже лежыть дивка,—винъ скорій до дому. На другой день видьма та, маты, и звистыла судъ, що Пантелемонъ убывъ ййи дочку. Сталы пытать ййи, що вона хоче съ Пантелемона. Видьма й каже:

— Ничого не хочу я зъ його, тилькы нехай переночуе тры ночи у пустій хати.

Судь и сказавъ Пантелемонови, щобъ переночувавъ тры ночи у пустци.

Заплакавъ бидный парубокъ, идучы до дому, — колы це пидійшла до його стара баба та й каже:

— Чого ты, парубче, плачешъ?

— Якъ менн не плакать! одмовывъ Пантелемонъ та й розказавъ усе, якъ було.

— Не плачь, парубче! — каже баба: — пиды ты на смитныкъ, найды сковороду зъ диркою, добудь той осыковый прыкилокъ, що на ордани дирку у хрести забываютъ, пиды у пусту хату, обчеркны тымъ прыкилкомъ кругъ себе, скыльки зможешъ, застроми його у сковороду, а на його поставь страсну свичку, сыды та й чытай; хочъ що буде, — не оглядайсь!

Пантелемонъ подякувавъ щиро баби, добувъ усього, тоди пишовъ у пустку, обчеркнувъ кругъ себе прыкилкомъ, застромивъ той прыкилокъ у сковороду, поставивъ на його страсну свичку, сивъ та й чытае.

Колы це якъ загуде, якъ загуркотыть: прылетилы видмы въ хату. Якъ кынуця до Пантелемона, добиглы до круга — та й назадъ! Упъять добижать до круга — та й назадъ! кругомъ бигаютъ, а за кругъ не перебижать; а Пантелемонъ усе чытае, все чытае, никуды не дывыцца. Бигалы-бигалы оттакъ видмы, — колы це пивень: кукурику! — воны й порозлиталысь. Ось и свитае, — перехрестывся Пантелемонъ та й выйшовъ на Божый свить.

Прийшла друга ничъ. Пантелемонъ упъять обчеркнувъ кругъ себе прыкилкомъ, застромивъ той прыкилокъ у сковороду, поставивъ на його страсну свичку, сивъ та й чытае. Колы це якъ загуде, якъ загуркотыть — ще бильша сила видмомъ налетила у хату; упъять воны кынулысь на Пантелемона и оджахнулысь одъ круга; стали кругомъ бигать,

лаять Пантелемона, такъ ни: той усе сыдыть та чытае. А тутъ и пивень: кукурику!—страшно заскреготалы зубамы видьмы й загуркотилы съ хаты.

Прийшла третя ничъ. Видьмы побиглы за порадою до старшой Кыйивськойи видьмы; та сказала, щобъ воны назбиралы страсныхъ недогаркивъ; якъ побиглы видьмы за недогаркамы, назбиралы, тоди запалюють й ихъ та й кыдають на прыкилокъ, щобъ занявсь, бо тилькы страснымы свичкамы можно запалыть той прыкилокъ, а якъ бы прыкилокъ згоривъ, то можно бъ и черезъ кругъ переступыть. Покры кыдалы, покы такы й запалылы; горыть той прыкилокъ,—отъ,—отъ уже скоро догорыть... А святи янголи бачуть все це; полетѣлы воны до пивня та й кажуть йому, щобъ спивавъ.

— Е, ни, не заспиваю,—каже пивень—хыба хай Богъ ночи уменшыть, такъ заспиваю.

Полетѣлы святи янголи до Бога та й кажуть:

— Господы мылосерднѣй, погыбае безвынна людына: уменшы ночи, хай пивень заспива, щобъ ота нечыста сыла порозбигалась!

Богъ и уменшывъ ночи на макове зерно,—пивень: кукурику,—а видьмы й порозбигалысь. Перехрестывсь святой Пантелемонъ та й выйшовъ на свить Божый.

Ничъ одъ тойи поры и стала уменшаця, а день прибавляця.

(Записаль М. М. Нечипоренко въ с. Нижней Сыроваткѣ Сумскаго уѣзда Харьк. губ.).

Сравн.: Чубинск., Труды, I, стр. 200—203.—Малор. пред., стр. 71, № 14. Видьма та видьмакъ.—Рудч., Южнорусск. сказки, II, стр. 27, № 12. Упырь и св. Мыколай.—Мавжура, Сказки, стр. 136, Видьма.

98. ПРО СВЫРЫДОНА.

Се було дуже давно. Посходились на улыцю дивчата й хлопци и зачали жырувать. Покры жырували, покы Свырыдонъ ударывъ видьмыну дочку на оддали. Та й перевернулася, и духъ выскочывъ. Видьма, маты тыеи, шо вбывъ Свырыдонъ, нишла до правленія и пожалилась старшыни:

— Такъ и такъ, Свырыдонъ мою дочку вбывъ.

Його зачали судыть, а потимъ и слыталысь видьмы:

— А ты шо хочешъ одъ його?

Та:

— Я бъ не схотила ничого билшъ, якъ бы його посадылы на тры ночи у пусту хату.

Воны взяли и послухалы видьму и сказали, щобъ винъ готовывся на сю ничъ у пустку. Винъ знавъ, шо йому не быть живому и зачавъ прощация зъ батькомъ, зъ матиррю, зъ братамы, съ сестрамы. Тоди пишовъ ще прощация и до хрещенои матерп. Вона тожъ була видьма. Винъ зачавъ зъ пею прощация и росказавъ, за яку биду винъ буде терпить муку. Попрошавшысь вона йому додала:

— Гляды жъ, сыну, слухай мене, такъ будешъ живой! Пиды на смитныкъ, найды тамъ кусокъ сковороды и пиды визьмы одрубай клокъ клечання изъ осычины, того, шо стояло на зеленыхъ святкахъ передъ порогомъ; визьмы той прыкилочокъ, забый на тій печи на аршынъ одъ себе, очеркнись тыею сковородою и на ей самъ сядь. Видьмы сколько будутъ мучыця, возыця, а до тебе не доступлять; и я, сыну, тамъ буду мени ниякъ остаця одъ йихъ.

Винъ скоро побигъ на смитныкъ, узавъ шматокъ сковороды, одрубавъ клокъ осыкы, забывъ на тій печи, де йому сидить, на аршынъ очеркнувъ кругомъ себе сковородою, тоди

й самъ сивъ на ейи. Посыдивъ трохи, — колы се воны и бижать билымы сучкамы: пыццать, скавучать и до ейи не доступлять. И такъ воны провозылысь зъ нымъ дви ночи и ничого йому не зробылы. На третю ничъ воны полетили у Кыйивъ до старшойи видьмы и зачалы пытацця:

— Що робыть Свырыдонови? Винъ убывъ нашу дочку, молоду видьму, и сыдыть у пустій хати; мы зъ нымъ провозылысь уже дви ночи, — ниякъ не доступымо до осычаного прыкилка.

— Шарнить скрызъ по церквахъ и назбирайте недогаркивъ съ свичокъ, злипить довгу свичку, шобъ хватыло одъ викна до того прыкилка и палить прыкилокъ. Якъ прыкилокъ перегорыть на двое, тоди випъ вашъ.

Воны якъ шарнулы, назбиралы цилый коробъ тыхъ недогаркивъ, прылетили назадъ до тыейи хаты, злипылы довгу свичку и зачалы палыть осычыну. Допалылысь до половины. Богъ бачыть уже це та й пославъ янголя на землю до пивия, шобъ винъ закукурывавъ.

— Нн, — каже пивень, — не можу!

Полетивъ упъять янголь на небо и каже Богови:

-- Пивень не спива.

— Леты упять, шобъ спивавъ, а то забезвывно душа пропада.

Винъ поленувъ упъять на землю и каже:

— Спивай, пивню: Богъ веливъ!

— Не хочу! хыба Богъ пехай уменышь ночи, а дня прыбаве, — тоди заспиваю.

Полетивъ упъять янголь на небо и каже Богови:

— Казавъ пивень: якъ дня прыбавышь, а ночи уменышь, — заспиваю.

— Леты вп'ять и каже: пexай спива и пexай по його буде.

Прылeтивъ янголь до пивня й каже:

— Спивай, пexай буде по твоему!

Винъ закукурикавъ. Видьмы уже зовeмъ спалылы того стовпчыка и хотилы Свырыдона рвать, ажъ ось закукурикавъ пивені, воны й порозбигалысь.

Вытерпивъ муку Свырыдонъ, выйшовъ випъ на билий свить и заразъ умеръ.

(Записано въ 1885 г. въ с. Нижней Сыроваткѣ Сумскаго у. Харьк. губ.).

См. указаніе подобныхъ разсказовъ при № 92.

94. ЯНГОЛЬ.

Провынывся святой янголь передъ Богомъ. Богъ його и пославъ на землю на тры рокы одбувать свойи грихы.

Жывъ тоди бидненькый чоловикъ изъ жинкою; и диткы булы у йихъ, та повмиралы—осталыся самы. Иде ото чоловикъ у поле с'ять, чы орать; дывыця, —иде по дорози обидране хлопъя. Чоловикъ надйихавъ до його та й каже:

— Здоровъ, хлопче! А куды ты йдешъ?

— Иду свить за очи!—одмовыло хлопъя.

— Сидай-же, я тебе пидвезу!

Хлопецъ и сивъ. Ото чоловикъ и ставъ зъ нымъ розмовлять, якъ булы у його диткы та якъ ихъ одибравъ Богъ, та и каже ото хлопъяти:

— А чы не ставъ-бы ты, хлопче, у насъ за дытыну?

— Немае у мене ни батька, ни пенькы: хай вы будете мени батькомъ,—одмовыло хлопъя,—тилькы все, тату, робить такъ, якъ я казатыму.

— Робытыму!—сказавъ подумавшы чоловикъ.

Ото выйхалы на поле. Хлопъя взяло та й проорало навхрестъ,—отъ п стало рилли—скилькы око згляне. Узяло тоди хлопъя жменю жыта та й посіяло навхрестъ,—отъ усе поле й засіялось жытомъ.

Позбиралы ото воны жыто, и багаччы й уже ставъ чоловикъ. Оттакъ и другый рикъ, и третій, - зовсимъ багачый ставъ чоловикъ. И лятомъ, и зимою хлопъя спало на двори; воно не спало, а кожную ничъ литало на небо одмолуваты грихы (бо то бувъ янголь).

Идутъ ото разъ батько съ сыномъ; бачуть,—несутъ мерци убогого. Батько й каже:

— Не дай Богъ буты биднымъ: у ями йому погано лежать!

— Е, ни!—каже сынъ,—бидному дай Богъ быть усякому!

Идутъ дали и бачуть,—несутъ мерця багачаго: труна такъ золотомъ и сля.

— Багачому дай, Боже, быть усякому: йому гарно у ями лежаты,—каже батько.

— Багачому дай, Боже, пнекому не быть!—каже сынъ.

Поховалы тыхъ мерцивъ; сынъ и каже:

— А ходитъ, тату, до могылъ,—я вамъ щось покажу!

Прыходятъ до могылъ, сынъ-янголь и каже:

— А вставай, чоловиче!

Розвернулася могыла; вылизъ видтиля панъ; сынъ и каже:

— А лизьте, тату, въ яму!

Полизъ батько,—колы тамъ усяка гадына: гадюкы, ящиркы, павукы; щыпають, кусають—мука! Чоловикъ полежава трохы та й ставъ крычать, сынъ и каже:

— Вылазьте, тату, а ты, чоловиче, лизь!

Вылизъ тато, а чоловикъ улизъ,—могыла й закрылася. Прыходятъ до бидного могылы.

— Вставай, чоловіче!—каже сынъ.

Вылизъ изъ могылы чоловікъ.

— Теперъ лизьте, тату!

Батько полизъ у могылу,—колы тамъ садокъ, зелено, яблука, пташкы спивають—и вылазыть не хочецця. Отъ и каже сынъ:

— Вылазыте уже, тату, а ты, чоловіче, лизь назадъ!

Вылизъ батько, а чоловікъ полизъ назадъ, могыла й закрылась.

— Якъ тамъ гарно!—каже батько: и вставать не хочецця.

Каже сынъ:

— Якъ будешъ ты, тату, чесно жыть, будешъ помагать бѣдному чоловікови,—и ты въ такій ями лежатымешъ!

Тутъ выйшло тры роки—хлопця-ляголь одбувъ грихы, розвернуувъ винъ свойи крыла и полынуувъ на небо.

(С. Нижняя Сыроватка, Сумскаго у. Харьк. губ.).

95. СВЯТЫЙ.

Иде якыйсь святыи дорогою, колы дывыцца, плыга чоловікъ черезъ колоду та все каже:

— Оце тобі, Господы, а це мени; оце тобі Господы, а це мени!

Святыи пидійшовъ до його та й пытае:

— Що ты, чоловіче, робышь?

— Богу молюся,—одказавъ той.

— Не такъ, чоловіче добрый, Богу треба молитысь,—каже святыи; та й почавъ чоловіка вчыты Очынашу. Проказавъ тамъ разивъ скількы та й пишовъ на греблю, щоби

ричку перейты, а чоловікъ моливсь, моливсь та й забувъ
якесь слово; дывыця, колы вже той святой насередъ гребли.

Отъ винъ не ставъ обходьты та прямо по води до того
святого:

— Такъ и такъ, забувъ...

Той святой баче, що чоловікъ по води йде, наче по
земли, та й каже:

— Богъ съ тобою; молись, якъ моливсь: Богъ баче
твойи труда.

(С. Нижняя Сыроватка Сумскаго у. Харьк. губ. отъ старухи).

Подобные рассказы см. въ книгѣ: «Малорусск. преданія», стр. 141-я,
№ 35. «Какъ молились святыя встарину».

96. ЧОМУ ЦЫГАНОВИ ВРЕХАТЫ ВИЛЬНО.

Якъ мучылы Жыды Хрыста, то пишлы до Цыгана-
коваля й кажутъ:

— Скуй намъ п'ять велыкихъ гвиздкывъ—на ноги,
на руки й на голову!

Отъ винъ куде й дума: '«Господы! якъ то воно тяжко
буде чоловікови, якъ йому й голову проб'ють! Не зроблю
гвиздка на голову!»

Изробывъ тилькы чотыри гвиздки.

Якъ расп'ялы Исуса Хрыста, то и Цыганъ той прый-
шовъ прыбываты. Прыбывъ руки й ноги, а голову ни. А
ти Жыды прыходять:

— Прыбывъ?

— Прыбывъ!

— А голову жъ прыбывъ?

— И голову.

— Та ты брешешъ!

— Й-Бо,—каже,—прыбывъ!

— А ну ходимъ, подывымося!

Пишлы. А той Цыганъ мольть Бога:

— Господы! хочъ-бы муха на лобъ сила, щобъ подумалы, що гвиздокъ!

Болы прыходять, ажъ муха на лоби у Исуса Хрыста сыдыть.

— Де-жъ твій гвиздокъ?

— А онъ-же чорніе!

И съ того часу всимъ людамъ грихъ брехать, а Цыганамъ ни, бо винъ брехнею Исуса Хрыста оборонывъ.

(Отъ хлопця Кондрата Григорьева. С. Михайловка, Славяносербскаго у. Екатеринослав. губ.).

97. СОЛОМОНОВЫ ЛИТА.

Кажуть люде, що якъ Исусъ Хрыстось умеръ и пишовъ у пекло выводитьы людей изъ пекла, то ти чорты зналы, що Исусъ прыйде выводитьы людей. Такъ вони робылы цепъ. Робылы и найстаршый казавъ, що «винъ сыльный такый, якъ и я,—такъ робить цепы крипки таки, щобъ я не перервавъ». — Отъ, вони зробылы такый товстый, що винъ смыкавъ та й не перервавъ.

А тутъ саме Хрыстось увійшовъ людською душею. Увійшовъ та й каже:

— Будь ты, сатано, закованный на тысячу лить!

И тоди вывивъ усыхъ людей, а премудрого Соломона кынувъ у пекли и сказавъ йому:

— Ты, Соломоне, хытрый та мудрый: выйдешъ самъ хытрощамы та мудрощамы.

Ого Соломонъ выйшовъ хытрощамы та мудрощамы на землю и пишовъ. Прыйшовъ до раю, колы тамъ на раю напысано: «жыты людямъ тысячу лить». А Соломонъ подывывсь та й каже:

-- Мало!

И прыпысавъ ще своихъ симсотъ годъ...

И ото вже мы Божи лита прожылы, а теперь уже Соломоновы годы живемо и ось-ось и йимъ уже край.

(Записано отъ хлопця Якова Емченко изъ х. Троецкого Славяносербскаго уѣзда Екатериносл. губ.).

IX.

РАЗСКАЗЫ О ЯВЛЕНИЯХЪ ЖИЗНИ СЕМЕЙНОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ.

98. НЕОХАЙНА ГОСПОДЫНЯ.

Одна жинка запустыла дижу, шо вона й на дижу не похожа: окдоло и въ середины вершка на тры позасыхало тисто, хлибъ не удаецца. Чоловикъ ййи зае:

— Чого такый недобрый хлибъ? чомъ не такъ, якъ у людей?

Вона одказуе:

— Е, бисъ батькови твоему! У людей святять дижу на рикъ разивъ изъ десять, а у насъ изроду не святылась.

— Такъ треба поклыкаты та посвятыты!

Ну, и поклыкалы. Пипъ кадыть дижу и прыговорюе:

— Дижя! дижа! треба тоби вихтя та исжа, а хазайци батожжа!»

Чоловнѣ:

— Ты чуешь, жинко?

А вона:

— Еге, молись, чоловиче, та бый поклоны!

(Изъ бумагъ Т. А. Зиньковского).

Подобный разсказъ см. у Манжуры, «Сказки», стр. 99-я: «Джа
здижылась».

99. ХАЗЯЙНОВЫТА ЖИНКА.

А то одна жинка задумала паляныцями торгувати. «Бупы»,—каже,—«чоловиче, куль муки,—буду пекты паляныци та на базари торгувати». Чоловнѣ дурный и послухавъ, купывъ. Вона якъ утяла, вынесла на базарь,—никому й дурно не треба. Приносе назадъ.—«Ни, чоловиче, на паляныци нема ходу: люде бублыкивъ та й бублыкивъ! Иды, чоловиче, товчы въ ступи паляныци, а я буду сіяты та бублыкы пекты».

Напекла, понесла,—те жъ никому не треба. Приносе назадъ.—«Ни, чоловиче, и на бублыкы нема ходу: люде кваши та кваши! Иды товчы,—я наварю кваши».—Наварыла дижку, привъязала йому за плечи.—«Ну, несы жъ на базарь, торгуй та гляды: у тебе родычивъ до чорта, то ще дурно пороздаешъ».—Взяла кочергу та на земли й напысала хрестъ: «Цилуй, бисивъ сыну, божысь, що никому дурно не дасы!»—Винъ дурный и нахыливсь цилуваты хрестъ, а кваша черезъ голову додолу й вылылась. Вона й давай крычаты: «отъ бисивъ сынъ! съ такимъ чоловикомъ и пожывы на свиты: якъ схотивъ, такъ мишокъ муки й перевивъ»!

(Изъ бумагъ Т. А. Зиньковского).

Манжура, «Сказки», стр. 97-я. «Якъ жинка чоловика квашу заставляла несты».

100. ЧОЛОВИКЪ ТА ЖИНКА.

Была жинка мужыка, винъ и заховався пидъ пвлъ та звидты:

— А чого ты, жинко, за мене йшла, що я такый страшный?

(Изъ бумагъ Т. А. Зиньковского).

101. ДОВРА ЖИНКА.

Ой чоловіче Марку, чомъ ты не пропавъ пзранку,— дажа бъ тоби я сорочечку-дранку, а теперь ты умеръ удень та багато людей,—та треба нову даваты!...

(С. Семеновка (Чунышына) Константиногр. у. Полтавской губ.).

102. ЯКЪ ЖИНКА ЧОЛОВИКА ГОДУВАЛА.

Жинка хотила обманути чоловіка: замісто пороса та спекла йому цуценя. Отъ, поставыла на стилъ, той поды-вывсь та й каже:

— Сказавъ-бы купи,—такъ ноги крывы; сказавъ-бы кудедакъ,—такъ ноги не такъ: мабуть бисивъ цуцакъ!

(Отъ чоловіка въ 1883 г. въ с. Семеновкѣ (Чунышына) Константиноградскаго уѣзда Полт. губ.).

103. РОВОЧА ЖИНКА (ДИВКА).

I.

Жинку мужыкъ лае: «та ты, стерво, ни спекты, ни зварыты!»

— Та й тилькы-жъ!

- Та ты ни шыты, ни прасты.
- Та й тилькы-жъ!
- Та й ты й хаты не подметешъ.
- Та й тилькы-жъ!
- Та ты й танцюваты не вміешъ.
- Е, ни! за скокы-въ-бокы побью, матери вашій чортъ, и щокы!

Тилькы танцюваты и вміла.

(Изъ бумагъ Т. А. Зиньковского).

II.

- Ты, дивко, не вміешъ прасты.
- Дарма!
- Ты не вміешъ и печи топыты.
- Та дарма!
- Ты не вміешъ и хаты выместы.
- Та дарма!
- Ты не вміешъ и шыты.
- Та дарма-жъ, кажу!
- Ты не вміешъ и танцюваты.
- А брешешъ, трясця твоему батькови!

(С. Семеновка (Чунышына) Константиноградскаго у. Полтавской губ.;
записано въ 1883 г.).

104. ХЫТРА ВИДМОВА.

Одынь панъ заклыбавъ до себе якусь тамъ горнышну, чы що, почувать. Отъ пани й помытыла сее та що ранку й вѣязне до пава:

— Съ кымъ ты почувавъ?

— Зъ Богомъ, матушка!—одказуе панъ, а не пры-
знаецця.

Отъ, пани узяла та й посыпала передъ пановою кимнатою пяску, чы то попилу. Подывылась уранци—знать сляды: щось у черевыхахъ ишло. Вона до пана:

— Съ кымъ ты ночувавъ?

— Зъ Богомъ, матушка!

— Хыба Богъ у черевыхахъ ходыть?

— Його святая воля: у чому хоче, у тому й ходыть!— одрубавъ панъ.

(Записаль М. С. Гавриловъ въ Черниговскомъ у.).

---

105. ВДОВА.

Вдова Одарка Омельченкова, расхваливая свою вдовью участь, между прочимъ, выразилась такъ:

— Теперь мени добре:

Лягла не клята.

И встала не мъята...

(Записаль П. Н. Солонина въ Черниговской губ.).

---

106. ЛАДЪ У СИМЬИ.

Якыйсь чоловикъ ишовъ пизно увечери и впрохався винъ почуваты до другого чоловика. Повечерявши вони й полягали вси спаты. А той чоловикъ тилько не спавъ, що прыйшовъ сюды кватырувать. Хотивъ винъ було заснуть у тій хати, що вечерали, та побачывъ на столи багато гадыны,—побоявсь. Пишовъ у другу хату, колы тамъ лежать чоловикъ и жинка, а промижъ ихъ лежить гадюка. Винъ и тутъ не схотивъ. Прыходыть у третю хату,—колы тамъ сплять чоловикъ и жинка и съ чоловика на жинку плыгае жаба: то на чоловика, то на жинку скака. Винъ и тамъ не схотивъ. Прыходе винъ у четверту хату,—ажъ тамъ бьецця дубынка одъ

стели та до долу, одъ стели та до долу. Впнѣ и тамъ не схотивъ. Выходе на двирь, хотивъ спать у снни,—колы тамъ шось крычыть:

— Охъ тяжко-жъ животу моему!

Винъ пишовъ у клуню, колы й тамъ крычыть:

— Ой постій, визьмы й мене съ собою!

Такъ той чоловѣкъ цилу ничъ и не спавъ.

Прыходе впнѣ уранци до того хазайина, а винъ уже уставъ.

— Оттакъ,—каже той чоловѣкъ,—не спавъ усю ничъ у вашихъ хатахъ.

— Чого?—каже.

— Та того: хотивъ я почуваты у тій хати, що вы вечеряете,—колы тамъ усякый гадъ лазе по столу,—а того впнѣ лазе що твойи невинсты ливныи и съ стола не зметуть крыхотъ,—ото йихъ гадъ и збира. Ты кажы свойимъ невинсткамъ, щобъ вони що дня змитагы стпль. Зайшовъ я въ другу хату,—колы сплять твій старшый сынъ и невинста, а мижъ нмы гадына лежыть,—того-жъ вона лежыть, шо вони не люблють одынъ одного и ненавдыать одно одного. А ты йимъ кажы, щобъ вони любылы и поважылы одно одного. Зайшовъ я въ третю хату,—колы тамъ жабка скака то на чоловика, то на жинку: вона радіе, шо вони любляцца и поважыють одно одного. Зайшовъ я въ четверту хату,—ажъ тамъ дубынка бѣецця одъ стели та до долу. Ця дубынка показуе що твій той сынъ хоче великого багатства и черезъ те мота и дуре людей,—ты йому скажы, щобъ винъ такъ не робывъ. Зайшовъ я до сива, хотивъ тамъ спать,—колы шось крычыть: «охъ тяжко жъ животу моему!» Прыказуй свойимъ синамъ и самъ слухай, щобъ вы не брагы ничого чужого и не складагы сива багато людей въ одынъ стигъ,—бувае такъ, що й перейде клопотъ сива, або чого и

другого,---те крадеве й крычыть: «охъ тяжко жъ животу моему!» Зайшовъ я въ вашу клулю,—колы тамъ крычыть: «постій, возьмы й мене съ собою!» Ото крычать ти колоскы, що вы йихъ покыпулы въ поли. И приказую я вамъ, щобъ вы забиралы съ поля колоскы усяки, а то воно й крычыть, щобъ и його взяли съ собою.

Отъ, той чоловнкъ показавшы те, пишовъ додому.

(Сумскаго у. с. Нижняя Сыроватка, отъ И. Д. Шоломѣя въ 1885 г.).

107. ПОЧЕМУ ДѢТИ НЕ МОГУТЪ ХОДИТЬ ТОТ- ЧАСЪ ПОСЛѢ РОЖДЕНІЯ.

Богъ, въ образѣ старичка, явился къ Евѣ, когда у нея родился сылъ, и приказалъ ей перекинуть дитя черезъ ворота; по матери стало жалко своего дитяти,—и она послушалась повелѣнія Божьего.

— Ну такъ *носись-же* съ нимъ,—сказалъ ей тогда старичокъ. И вотъ съ тѣхъ поръ дѣти до году не ходять.

(Записалъ П. Н. Солонина въ Черниговск. губ.).

108. ЯКО НА НЕБИ И НА ЗЕМЛИ.

— А шо Бигъ давъ?

— Сына.

— А якъ звать?

— Михайло.

— Чому-жъ не Якивъ? Бо и въ молитвахъ про Якова: Якивъ на неби, Якивъ и на земли.

(Изъ бумагъ Т. А. Зивьковского).

109. МАТЫ Й СЫНЬ.

У одного чоловіка було три сыны. Батько умеръ, а воны остались изъ матиррю. Годивъ черезъ два маты роздлыла сынивъ, а сама осталась жыть изъ меншымъ сыномъ. И ти сыны не почытають, що й маты: лають ййй, не дають ййй йвсты, а меншый, той, що вона живе у його, такъ не дае и спать на полу,—лежыть та маты пидъ лавкою и почуе тамъ.

Дожидались праздника велыкодня, а маты й каже:

— Пиду до старшого сына розговіюся!

И пишла. Прийшла, а воны тилькы стали роззявувать паску. Побачывъ старшый сынъ, що йде маты та й каже:

— Захочай паску!

Жинка узяла й положила. Сыдили, сыдили—не розгивляющя, що маты прийшла. Тоди старшый сынъ узявъ и пишовъ у садокъ, дума самъ соби:

— Може маты скоришь пиде додому.

Прийшовъ и сивъ у садку. Колы десь не взялась гадюка и обмоталась кругомъ шыйи, а голову встромыла у щоку. Винъ тоди у хату:

— Ой мамочко! согрышивъ я проты васъ: помылуйте мене! Йиште у мене, пийте у мене,—тилькы не лайте мене, простить!

И та гадюка така здорова стала, якъ рука. Тоди той чоловікъ узявъ, кынувъ симью й пишовъ у Святи Горы молыця Богу. По Святихъ Горахъ ходе й каже:

— Покайтеся, православни хрыстіяне, на мени, якъ матери не шануваты.

Такъ той чоловікъ ходывъ дванадцать годъ, тоди умеръ, а гадюка тоди одчепылась одъ його.

(Записано въ с. Исаковъ Славяносербскаго у. Екатеринославской губ. отъ хлопця Евдокима Познякава въ 1888 г.).

110. ДИТЕЙ НЕ НАГОДУЕШЬ.

Кажуть, одинъ чоловікъ побывсь обѣ закладъ съ папомъ, що вниъ свойныхъ собакъ нагодуе, а той свойныхъ дитей—ни. Отъ, мужыкъ заризавъ тамъ барана, чы двоухъ, и нагодувавъ йныхъ добре. А панъ тежъ свойныхъ дитей. Мужыкъ прививъ свойныхъ собакъ до папа. Чого вже пацъ йимъ не кыдавъ—не йидять. А мужыкъ увійшовъ до комнатъ та зразу якъ сыпне жменю горихивъ, такъ диты такъ и кынулись за ными.

(Записаль М. С. Гавриловъ въ Городницкомъ у.).

---

111. ДИТЯ И ЦАРЬ.

Однажды маленькій грудной ребенокъ ухватилъ царя за усь. За такую продерзость стали его судить. Вотъ царь и говоритъ собравшимся судьямъ:

— Положите здѣсь кусокъ золота, а тамъ поставьте зазженную свѣчу; если ребенокъ схватится за золото,—значить онъ понимаетъ, что дѣлаетъ,—и тогда мы будемъ его казнить. Если же дитя потянется къ огню, то за что же его тогда наказывать?

Такъ и сдѣлали,—и ребенокъ, не обращая никакого вниманія на блестящее золото, потянулся къ свѣчѣ и схватилъ рученками огонь.

(Записаль П. Н. Соломина отъ няньки, бабы Олены, въ Черниговской губ.).

---

112. ПРЯДИННЯ.

У одніей жинкы та була дочка, та така ледача, що ничого не хоче робить. Отъ, та жинка й давай йийи быть. Иде царь та й каже:

— За шо-жь ты такъ бьешъ свою дытуну?

А жинка й каже:

— Та якъ же мазепська дивчына, — така роботяща, що не настачышъ йій конопель.

Тоди царь каже:

— Ну, не бый ййи: я возьму за свого сына. Тилькы, якъ выпряде тры вамбари за тры дни.

Тоди та жинка не хоче отдавать, бо куды йій спрясты за тры дни тры вамбари! Тоди прыйшлы до нейи тры бабы: у одніейи губа ажъ на груди повысла, а у другойи нога якъ полозокъ, а у третьойи рука якъ рукавыця.

Отъ, перва й каже.

— Я буду слыныть пряжу.

А друга, що рука такъ якъ рукавыця, каже:

— А я буду рвать изъ гребиня.

А та, що нога якъ полозокъ, каже:

— Я буду крутыть прядку.

И зачалы прясты и спрялы за тры дни тры вамбари.

Тоди царь зачавъ весняла гулять. Отъ, воны, ти тры бабы, прыйшлы й посадалы за столомъ. Отъ царь и пыта:

— Що це у тебе за рука?

— Та це, що все пряжу смычу.

— А у тебе що це за губа?

— Та це, що пряжу слыню.

До третьойи лидходе та й пыта:

— Що це у тебе за нога?

— Та це, що все крутю прядку.

Тоди царь подумавъ та й каже своййи невестци, щобъ вона не прjala и не крутыла ногою ничего и не слыныла нпчого.

(Записано въ 1888 г. въ с. Михайловкѣ (Оврамова) Славяносербскаго уѣзда Екатериносл. губ. отъ хлопца Ковдрата Григорьева.)

118. ЛИНЬВЫЙ РОБОТНИКЪ.

Жывъ у одного чоловика роботныкъ и такый лнньвый. що нема мабутъ и на свити лнньвышаго одъ того роботныка. Ото разъ, саме литомъ це було, наслали той чоловикъ и роботныкъ гарманъ, трошки погарманылись, а то оставылы на завтра, бо сьогодня не успіють. Прыйшовъ вечеръ, посадаы воны вечерать, та й забулы на току ложки. Отъ, хазяйинъ посыла того роботныка, щобъ пишовъ прынись ложки съ току. Якъ пишовъ же той роботныкъ на той тикъ, — ждалы воны, ждалы, — нема його съ току. Колы пишовъ той хазяйинъ, а роботныкъ спыть на тому току, ажъ трищыть. Хазяйинъ тоди збудывъ його, узялы ложки й пшылы додому вечерать. Повечерялы и полягали воны спать. Отъ уже стало на свитъ Божый благословыцця; хазяйинъ и буде роботныка свого, щобъ устававъ.

Той роботныкъ крєктавъ-крєктавъ, не хотилось йому уставать, сякъ-такъ уставъ. Якъ почавъ же впнъ убувацця!... И хазяйинови не хочецця уставать. Отъ, той хазяйинъ лежавъ, лежавъ, тоди уставъ и пишовъ на двиръ подывыцця, чы ранокъ скоро буде. Та тоди увійшовъ и каже роботныкови:

— Ей, скоринъ, хлопче, убувайся, а то уже чогось недурно мисяць обгородывся, — мабутъ щось буде.

А роботныкъ сыдыть, задравъ ногу вгору та стогне, убуваецця й каже:

— Еге-ге, дядку! колы обгородывсь, такъ намъ його не розгөрөжувать уже.

Та упъять роззүвся, наче погано убүвся, та упъять почавъ убувацця. Хазяйинъ упъять выйшовъ та увійшовъ и каже.

— Ну, скоринъ, хлопче, убувайся, а то мабутъ уже дощъ доси йде.

А роботыкъ прыбигъ до викна й кльче собаку:

— На, Кудла! на Кудла! на! на!

Та Кудла прыбигла, винъ полапавъ ййи за шерсть та й каже.

— Ни, дядьку, Кудла суха.

И такъ воны сидимъ у хати, помы дощъ пишовъ, за-
ливъ йихъ гарманъ, а воны все убуваюця. Воны тоди до
його, ажь його уже половина у яру була.

(Отъ Евдокима Познякава, хлопця, въ с. Исаковой Славяносербск. у.)

114. ВИДНЫЙ ПРОСЕ БАГАТСТВА.

Одынъ чоловикъ лежить упочи та й каже:

— Якъ ци багачи скупы! Якъ бы мени багатство, я-бъ
усимъ дававъ.

Тилькы це проказавъ,—шось йому подае у викно гаманъ
и каже:

— На оцей тоби гаманъ, у йому одынъ золотый. И ты
його возьми,—глянешъ—ище буде. И такъ сколько хочешъ.
А якъ натягаешъ, тоди однесы його и укынь у ричку.

Винъ узавъ, тягавъ и тягавъ йихъ (гроши) три дни,
здорову купу натягавъ. А жалко несты у ричку, та ни-
чого робыть,—понисъ. Несе та все тяга та ховае. Дой-
шовъ до ричкы, поглядивъ,—е золотый. Винъ його вынавъ,
поглядивъ,—ище е. И жалко йому быдать, и винъ усе йихъ
тягавъ и дотягався, шо коло йихъ и вмеръ, а гамана не
вынувъ у воду.

(Записано въ 1888 г. отъ хлопця Якова Емченка въ х. Троицкомъ
Славяносербскаго у. Екатериносл. губ.).

115. ЯКЪ ЧАЙ ПЫЛЫ.

Була й намъ прышта. Жывъ бля насъ саздаты н самуваръ у його бувъ, то й пьють було воны щодня чай. Та й насъ було клычуть иноди по чашци выпыты. Поклыказы воны мене съ сестрою. Налыла вона намъ по чашци п по грудочци сахарю дала. Отъ мы выколы його не пылы та й пойлы ты грудочки съ тымы чашкамы—така, бачъ, думка, що за кожною чашкою по грудочци. Ажъ ип—палыва вона намъ ще по чашци, а сахарю не дае. Отъ мы пыхкалы-пыхкалы надъ тымъ чаемъ, та й повывывалы його пидъ лижко. А вона намъ по третій называе,—мы й той туды—не пьецця винъ безъ сахарю. А вона тоди пытае:

— Чы ще пытымете, може?

А мы:

— Ни, спасыби! вже напылыся.

Се-бъ то вже вдоволнылыся. Такъ оттакъ!...

А то бувъ у насъ чоловикъ Сумцовъ, винъ такы пысарьокъ, чы що, бувъ. Отъ винъ и пытаецця разъ однійи жинкы, отъ—Билыковойи:

— А що, Насте, пыла ты чай?

— Ни,—каже.

— А пытымешъ?

— Пытому,—каже.

Отъ винъ узавъ та й посолывъ, добре посолывъ, той чай. Отъ вона вже пыхкала-пыхкала, чмыхала-чмыхала надъ тымъ чаемъ, а дали й каже:

— Та якый же чай поганый у васъ пьють! А кажуть, що гарный.

— Що-жь,—каже,—робыты,—мы-жь пьемо!

(Записано отъ старой жинкы на г. Бутвикъ Змиевск. у. Харьковской губ. въ 1881 г.),

116. ЛЮДСКА ПРАВДА.

Жывъ соби на сели убогий чоловикъ и бувъ винъ розумный дже, та тилькы що винъ розумие ни казавъ, ни хто його не слухавъ: вси казали, що бреше. И давъ Богъ тому чоловикови такъ, що винъ ставъ багатиты, зробывся дже багатый и наставылы його головою. Зибравъ разъ голова громаду; довго тамъ воны гомонили про се та про те, а дали голова й каже: «А мени, добри люде, таке случылось: положывъ у комори лемишь, такъ мыши його й пройили!..... —Бувае, бувае,—каже громада. А голова тоди й каже: «От-така то на свити правда: якъ бувъ я бидный, то хотъ казавъ и правду, вы казали, що брешу, а якъ теперь я багатый, то хотъ и брешу, вы кажете, що кажу правду».

(Сумского у. Харьк. губ. с. Нижняя Сыроватка).

117. ДВОЕ ОЧЕЙ.

— *А што, мужичекъ,* гроши я тоби вси отдавъ?

— Та не знаю, пане,— ось заразь позичу.

— Ну-ну!

— Та не всп, пане!

— А ну, давай сюды,—я ще перещытаю!

Надивъ очкы й почавъ личыты.

— Е, правда твоя!—каже.—На-жъ тоби ти, що не додавъ.

— Ну, спасыби, папочку, цымъ очамъ, а ти хочъ бы й повылазылы!

(С. Великая Данпловка Харьк. у., дидъ Иванъ Ковалевъ).

Момсь, Укр. приказки, № 890 (стр. 283).

118. Г О Р Е.

- Горе, горе! де ты живешь?
- У коршми та въ бани.
- Шо-жъ ты йисы?
- Кырпычъ та кампъ.
- Кого-жъ ты берешъ?
- Слипыхъ та пьяныхъ.

(Изъ бумагъ Т. А. Зиньковского).

119. РОЗВІЙНЫКЪ СТАРЦЕМЪ.

Одынъ разъ захворивъ якыйсь папъ и сказавъ своему кучеру, щобъ винъ його одвпзъ лычыця на тепли воды. Кучеръ узавъ, запригъ коня, набравъ хлиба на дорогу, посадивъ пана на повозку и поїхалы соби помаленьку. Йдуть воны й йдуть, прыйхалы на тепли воды, ссадивъ кучеръ пана и поїхавъ назадъ. И якось не потрапивъ на ту дорогу, шо йхавъ упередъ, а зайхавъ у лисъ, та такый густый, шо й не проглянешся. Йнде винъ и йнде дорогою,— колы сыдыть старецъ кривый и просе мызостыны.— «Ничого-жъ» — каже — «мени тоби дать: е гроши, та не миняни и панськи» — «Ну, пидвезы» — каже старецъ — «трошкы!» — «Спдай!» — каже кучеръ.

Винъ спвъ, и тилькы кучеръ одвернувся шукать хлиба попойисты, а винъ його якъ ухватить за горло и хотивъ ризать. Той тоди съ страху його пырхонувъ, а торбына и зосталась, та така драна — латка на латци. Той старецъ тоди якъ уженецця за нымъ та такъ и хвата за повозку, — хоче його такы заризать. А кучеръ погнавъ дужче коней, — винъ и зостався. И зачавъ просить торбынку въ кучеря, — «Ня» —

каже—«не дамъ!»—И поихавъ соби,—пасызу выблудывсь такы зъ лису.

Отъ, прыйижа винъ додому и скинувъ ту торбынку на хливъ.—«На що»—каже—«я взявъ ййи? було бь оддать!»—Лежыть та торбынка на хливи и гные. Хто пиде у хливъ, той пайде червинця и хвалыця: «у хливи я найшовъ червинця,—мабуть тамъ е скарбъ.»—А кучерь соби й каже: «э, се не те, шо мете, а шо зверху йде! А пиду я зныму торбынку,—може червинци и тамъ е.»—Коы якъ знаяв, якъ поглядывъ,—коы вона повна: усе червинци та червинци та все сами! Отъ, винъ ти червинци забравъ и поховавъ у скрыню: «се»—каже—«не то мени, не то дитимъ, а онукамъ и правнукамъ хвате на прожитокъ».

(С. Нижняя Сыроватка Сумскаго уѣзда, записано въ 1885 г.).

120. ВИРНЫЙ ИВАНЪ.

Його вирнымъ звалы за те, шо винъ бувъ на все вирный: хочъ яку шкоду було здѣла, такъ признаецця. Жывъ винъ у одного багатого помищыка, пасъ винъ тамъ гуртъ быкывъ. На його пазъ вирывъ справно, якъ на ридного батька. И винъ своимъ словомъ вирный бувъ, хочъ можно було за його спорыть.

Отъ його хазяйниъ та одного разу бувъ на балу. Тамъ багато було помищыкывъ. Отъ винъ зъ однимъ паномъ розбакався, шо въ його есть такой пастухъ, шо у всьому винъ вирный, ничого не затаить.

А той помищыкъ ставъ спорыть, шо винъ пры очахъ тилько вирный, а якъ за очы, такъ може саме первый мошеникъ. А цей ставъ спорыть, шо винъ у мене вирниый ридного батька. А той помищыкъ взявся у правду спорыть:

— Упнѣ я увѣряю, что онѣ у тебя схваляшустъ; вотъ я выкладаю въ залогъ тысячу рублей; выкладай и ты тысячу, тогда если онѣ схваляшустъ, такъ я забвру залогъ, а какъ будетъ вѣрный, такъ ты забираешъ.

Той согласылся, надѣецця, шо його Иванъ останеця вирный.

Отъ воны побувшы на базу, поспорылы и выложилы по тысячи залогу, съ тымъ и розйихаысь. Отъ той помищыкъ, шо спорывъ изъ Ивановымъ хазайиномъ, шо «твѣй Иванъ змошенича», ставъ думать, якъ Ивана пидмануть, шобъ збrehавъ своему хазайинови. Отъ винъ пидбунывъ таку бабу, шобъ його скусыла.

Отъ вона, та баба, нарядылась уроди страпныци и пишла до його. А Иванъ Вирный бувъ саме главнымъ пастухомъ, а коло себе державъ челядыкывъ. И винъ саме у се время, якъ прийшла до його баба, лежавъ у курни.

Отъ прыходе та баба и стала його роспытывать:

— Якъ вы тутъ харчытеся? Хто вамъ пере сорочки?

— Нихто намъ не помага, мы сами соби стараемось.

А вона тоди каже йому:

— Приймишь мене до себе, я вамъ буду варыть и сорочки прать.

Иванъ и каже:

— А чо' жъ, поступай: намъ панськихъ харчывъ не жалко.

Отъ вона осталась у нихъ жыть, пожыла тамъ чы день, чы два и стала казать Иванови:

— Шо якъ-бы, Иване, ты отого быка заризавъ, шо зъ золотымы рогами?

А воно, бачъ, у тому стади та саме бильший бувъ быкъ, и на йому надити золотн рогы, винъ бувъ передовымъ. Отъ Иванъ и одвича тѣй баби:

— Заризать, то не выныть, та у насъ нема такого вола убильшкы: панъ узна и буде насъ зяць.

А та баба и каже:

— Ни, Иване, ты такъ, шобъ и панъ не знавъ, зарижь!

А Иванъ и каже баби:

— То не нужно, шо панъ узна, тамъ не скико убытку, якъ рублявъ шиздесять, а то горе, шо нема такого быка, шобъ прийшлысь рогы.

Ну, такъ послухавъ Иванъ бабы, заризавъ быка, рогы знявъ, бросывъ у курини. Та баба дождала ночи, спъятыла ти рогы и дала лыпытухы до пана. Панъ тоди, якъ углядивъ, такъ и затрусывся: отъ теперь моя правда буде, шо Иванъ змошенныча, шо быка заризавъ, и ще й къ тому золоти рогы у його вкрала баба. Такъ теперь уже винъ дума, шо Иванъ не признаецця. Отъ панъ той тоди уже назначывъ и число, шобъ збирались уся ти паны, яки булы на базу.

Отъ Иванъ прокынувся, оглядився, ажъ нема ни бабы, ни золотыхъ ригъ. Винъ ставъ тоди думать, якъ одбрехацця одъ пана. Отъ винъ тоди устроивъ палку, а на палку повисывъ шапку та тоди одъ куриня пидійшовъ до тий шапки и каже самъ за себе и за пана:

— Здоровъ, пане!

— Здоровъ, Иване!

— О чомъ, Иване, прийшовъ?

— Къ вашій мылосты, пане!

— О чомъ?

— Та отъ о чомъ: быкъ здохъ зъ золотыми рогами.

— А золоти рогы де?

— Не знаю, пане!

— Брешешъ, Иване!

— Правда ваша, пане!

Значыть, не прыходыця Иванова брехня — выновать останецця. Съ тымъ выпъ пишовъ одъ тій палкы до курня та й думае самъ собі:

— Дай я попробую такъ, шо бутто вола вовкы изны.

Отъ выпъ одъ курня упъять пишовъ до тій палкы.

Пидійшовъ и каже упъять:

— Здоровъ, пане!

— Здрастуй, Иване! О чомъ, Иване?

— Къ вашій мылосты, пане!

— Та о чомъ?

— Та отъ о чомъ, пане: золоторого быка вовкы зны.

— А рогы де?

— Вовкы затаскали!

— Брешешъ, Иване!

— Правда ваша, пане!

Упъять не прыйдеця Иванова брехня, хочъ и скаже, шо вовкы изны. Та собі и дума самъ собі: а ву, якъ воно выйде, якъ признаюсь?

Узявъ упъять пишовъ Иванъ до палкы, пидійшовъ и балака самъ съ собою:

— Здоровъ, пане!

— Здрайстуй, Иване! О чомъ, Иване?

— Къ вашій мылосты, пане!

— Та о чомъ же ты, Иване?

— Та отъ о чомъ, пане. Прийшла до мене баба-яга, костяна нога, пидманыла мене, шо я буду вамъ сорочки прать и йсты варыть, та тилько, каже, шобъ йй заризавъ того вола, шо зъ золотымы рогами. Я заризавъ, рогы положывъ у куринь. Вона рогы ти взяла и до пава подалась.

— Правда твоя, Иване! Прощаю тобі.

— Ну теперъ прыйдеця у тахту, — дума Иванъ самъ

собп, хочъ и панъ спыта його. И такъ винъ расположывъ, хочъ и пытатыме його панъ, такъ буду казатъ правду.

Отъ, прыйшло те чысло, шо назначывъ панъ. Поздн-разысь уся ти паны, шо булы на балу тоди, якъ панъ спорывъ. Звуть туды й Ивана. Винъ було оторопывъ, самъ соби дума: шо ще мени буде за того быка? А тамъ уже усп паны такъ и расположылы, шо пропала Ивановаго пана, чы пакъ хазяйина, тысяча потому, шо быка нема, ище къ тому у йныхъ на рукахъ и золоти рогы.

Отъ представылы Ивана на той балъ. Увйшовъ винъ у комнату, поздраствуався и пытаецця своего хазяйина:

— О чомъ вы мене призывалы, пане?

— Та отъ о чомъ: де ты мого быка дивъ?

— Та отъ де, пане: прыйшла до мене баба-яга, костяна нога, та й каже мени: «прыймьт мене до себе, я вамъ буду йсты варыть и сорочки прать». Я прыйнявъ. Вона мени прысовитувала быка заризать. Я заризавъ, рогы положывъ у курини, а баба-яга, костяна нога, пидхватыла ти рогы и понесла до пана.

Тутъ уся такъ и зареготалысь. А хазяйинъ тоди й каже:

— А что, господа, я казалъ, что мой Иванъ вѣрный, такъ вѣрный.

А на Ивана сказавъ:

— Ну, а ты, Иване, иди по прежнему паси быковъ, я тебѣ прощаю.

И такъ той панъ вызволивсь своимъ Иваномъ, узавъ тысячу залогу и золоти рогы вернувъ. А Иванъ остався пасты волывъ йому; и за те панъ простывъ, шо вола заризавъ, а батъ такы остався навсигда Вирнымъ.

(Отъ селянина-хлибороба Артысна Обрамовича Сидува, старше 50 лѣтъ, въ с. Тышанкѣ Воронежской губернии записалъ Павло Тарасевскій въ 1892 г.—Сообщилъ М. А. Дикаревъ).

Рудченко, Сказки. I. № 81. Вирный крепакъ.

121. ТРЬ ВРАТЫ.

Жылы собі тры браты,—такі багати воны були! я не выплы воны по паньскому балакати; а якъ-то бажалось умиць! Отъ и пішли воны до паньского будынку—слухать, якъ пань балакають. Самый менчий братъ підбігъ нидъ вкно та й почувъ одно слово: *мы*; середній підбігъ,—почувъ багато: *ни за се, ни за то*; старшій підбігъ, почувъ: *такъ тому й быть*. Отъ и пішли воны. Ідуть,—ажъ мертвый чоловікъ лежить. Коли тутъ становий йде.—«Це вы вбылы чоловіка?» пыта впитъ. А браты й радятця міжъ себе: «Якъ-же його, по паньскому балакати?»—«Та по паньскому-жъ.»—«Ну й по паньскому.» Отъ менчий братъ каже: «Мы!»—«За що-жъ вы його вбылы?»—Середній братъ каже: «ни за се, ни за то!»—«На Сибирь-же васъ!» А старшій братъ: «Такъ тому й быть!» И попровадили тыхъ бративъ на Сибирь.

(С Нижня Сыроватка Сумскаго уѣзда Харьковской губ.)

Мажура, «Сказки», стр. 118: «Якъ руськи по нашому балакати вчылись».

122. ПРОПАЛА КОВЫЛА!

Пішовъ одинъ чоловікъ давати обявку у волость, що въ його вкрадено кобылу. Писарь довго не хотивъ писать обявленія, у сылу його той чоловікъ упросивъ. Отъ писарь пише, а чоловікъ стойть та дывиця. Писарь пысавъ, пысавъ, а на пры кияци підпысався та й росчеркнувся. Чоловікъ вернувшись додому и росказуе жинци:

— Довго не хотивъ писать, а потимъ сивъ, пысавъ-пысавъ, да—пысь! пропала, жинко, кобыла!

(Записалъ М. С. Гавриловъ въ Черниговск. губ.).

123. ДЕ ДАЛИ—ПОГАНИШЕ.

Казавъ покійный батько: «мѣни погано жыть, а вамъ, диткы, ще труднѣйшъ буде, а вашимъ дѣтямъ ще хужше. Прийдуть такы часы, що буде зелено, да не буде весело.» Дакъ оце вже може й прыйшло тее время, що, мовлявъ, буде зелено, да не буде весело.

(Разсказъ переданъ по поводу мочливого лѣта 1887 г., когда мало утѣшительнаго можно было ожидать пахарю: вслѣдствіе частыхъ дождей и холода надежда на урожай была плоха, хотя все зеленѣло).

(Записалъ М. С. Гавриловъ въ Черниговск. губ.).

124. ЖИНЧЫНЕ ОПОВИДАННЯ ПРО ТЕ, ЩО ВУЛО.

Росказувала Смолыцська жінка (Смолынь—село Остерського повіту): Колись лиси якъ булы,—Господы! Ще на моюй наметі скуолькы йпхъ було! И де воно подивалось, наче й не було. А потимъ попрыижджамъ якись да стали могылкы роскопувать, шукалы якогось золотого коня. А могылкы тые понасыпавъ якыйсь князь, якъ воювавсь.

— Дакъ що-жъ, найшлы золотого коня?

— Понаходили кости да якесь черипъ, а коня не знайшлы. А послѣ сього, якъ ставъ у насъ скотъ падать, дакъ нехай Богъ мылуе, якъ здорово падавъ. Отъ одному дидови и прыснилось, що наче прыходыть до його якийсь дідъ и каже: «бачте, диткы, я вамъ казавъ, не чипайте нерезового гнизда. (Нерезъ—ремезъ, птыця). Дакъ послѣ сього стали съ процесіями ходыть, такъ скуолько можна и по полю. Дакъ Богъ мылосердный змылувавсь и упухло.

(Записалъ М. С. Гавриловъ въ Черниговской губ.).

125. ПРЫКАЩЫКЪ ТА ГАДЮКА.

Жывъ соби панъ Дем'яненко; за людмы винъ хочъ и не доглядавъ, а бывъ здорово. Отъ воны й наважылысь йому чымъ небудь одданыты. Ставъ у Дем'яненка родыця негарный хлѣбъ: оце пойиде винъ на поле, то у людей гарный хлѣбъ, а въ його ни; и на другый рыкъ такъ, и на третій. А то якъ пойидуть люде ораты та сѣяты на панскій земли, то наберуть мпшкивъ п'ять кантохы, посіюць хлѣбъ, тодн печуть кантоху та й жынуть тамъ; а якъ жыто зійде—вона тодн його перевозочуть та й пойидуть додому. А жыто одъ цѣго буде вже не таке.

На третій годъ панъ найвявъ прыкащыка, щобъ винъ доглядавъ за людмы. Прыкащыкъ и дзянавсь про все. Якъ почалы тодн быты людей пугамы: трычн обывалы шкуру и трычн нарастала.

Ото пославъ разъ Дем'яненко прыкащыка у городъ, щобъ купывъ панови якоинсь матерін на одижъ. Отъ, пойняхавъ прыкащыкъ та й ставъ перейпздыть лисъ. Йнде, йнде... Колы це хтось крычыть:

— Рятуйте! рятуйте!

Прыкащыкъ подывавсь кругомъ—нема никого; винъ и пойняхавъ дади. Колы крычыть уп'яты:

— Рятуйте! рятуйте!

Прыкащыкъ вернувся та й йнде. Колы це плыгъ на його зъ дерева гадюка та й обывалась коло шыйи. И не кусае гадюка, и не одирвешъ йийи. Прыкащыкъ прыйихавъ до пана та й каже:

— Тенерь уже якъ хочте, а я не пойиду у городъ.

А самъ свѣъ на коня та й пойняхавъ у чысте поле. Йнде та й йнде, колы дывыця—стойить такый великый бу-

дынокъ. Прыкащыхъ увійшовъ у той будынокъ; колы це гадюка плагыть додолу та й каже:

— Це мій будынокъ. Служы у мене: якъ вирно службытымешъ—простою те, що бывъ людей, а не саужытымешъ вирно,—голову съ плечей!

Отъ, прыкащыхъ прослужывъ у гадюкы годъ, та такъ уже вирно! Гадюка казала йому, щобъ пайнявся и на другий годъ. Прыкащыхъ ставъ одмагатыся, а гадюка каже:

— Якъ послужышъ—наградю, а не послужышъ—голову съ плечей зниму.

Прыкащыхъ прослужывъ и другой годъ. На третій годъ прыкащыхъ и самъ ставъ, бо у гадюкы гарно було жыты: було у вищо одягтыся; було багато усякихъ напыткивъ и найдкивъ.

Якъ выслужывъ прыкащыхъ третій годъ, гадюка стала дивчиною та й каже:

— За те, що ты мени вирно служывъ, я даю тобі ковы, шабельку, торбу та сорочку.

(Бо гадюка ця була дивчына, а тилькы зробылась гадюкою).

Отъ, сивъ прыкащыхъ на коня, взявъ торбу, шабельку та сорочку й пойхавъ. Йнде та йнде; та такъ схотплось йому йпсты. Впнъ и дума: «що-жъ я за козакъ: служывъ, служывъ тры годы та не заробывъ и на горплку?»

Та й вернувся назадъ до дивчыны.

— Такъ и такъ,—каже,—служывъ тры годы, та ни за що й горплки выпыть.

А дивчына каже:

— Я дала тобі все, та не сказала, що зъ нымъ робыть. Ота торба така, що якъ скажешъ: торбо, давай грошей!—то такъ и насыпе купу; шабелька-самобійка така, що сбийкы війська не буде,—все сама побъе; ота сорочка така,

що черезъ три дни перепирався и сама на тебе надивався.
Будь-же ты менш братомъ, а я тобі сестрою.

Прыкащыкъ и пойнявъ у чисте поле. Прийнявъ до
одного пана та й оженився зъ його дочкою.

Отъ и живутъ. Коли це другый панъ пише йому листъ:
«у твого зятя грошей багато, а війська нема. Хай хочъ землю
оддае, хочъ высила військо».

Панъ засумувавъ. Зять и каже йому:

— Чого вы сумуете? я все зроблю!

Отъ вниъ узявъ шабельку-самобійку та одного чоловіка
и пойнявъ воювать. Выйнявъ у полі та й ставъ варить
галушки. Коли це прийнявъ до його передній козаць та й
пытае:

— Що це въ тебе стилькы війська?

— Стилькы!

— Це мало й посидать!

— Брешишь, и за обядъ не поймаю!

Козаць и пойнявъ.

Уставъ на другый день прыкащыкъ, коли дивыця:
йде війська десять тысячъ. Вниъ якъ брыкне:

— Шабелько-самобійко, берысь!

Шабелька якъ почала рубать: руба та й руба,—усе
військо вырубала. Отъ, тоди прыкащыкъ и вернувсь до дому.
А панъ збравъ упъять військо та й пише листъ: «у твого
зятя грошей багато, а війська мало: хай або землю оддае,
або йде воювать.»

Панъ засумувавъ упъять.

— Чого вы сумуете? усе гараздъ буде,—сказавъ зять.

Узявъ двоохъ чоловікы и пойнявъ у чисте поле.
Стали вони та й варють галушки. Коли це йде козаць та
й пытае:

— Оце у тебе стилькы війська?

— Стилькы!

— Сього нічого й посядять.

— И за обидь не поїси,—каже прыкащыкъ.

Козакъ и поїхавъ.

Якъ уставъ на другый день прыкащыкъ, глянувъ—колы стойтъ вѣйска двадцать тысячъ. Винъ якъ кривне:

— Шабелько-самобійко, берысь!

Шабелька якъ полетѣла: руба та й руба, покы порубала всѣхъ. Прыкащыкъ и вернувся додому. Отъ, панъ думавъ, думавъ: якъ-бы повоювать прыкащыка? Отъ и каже слугамъ:

— Пидить вы до прыкащыковойи жинкы та роспытайте їїи, чымъ воює їїи чоловикъ.

(А та жинка та зналася съ паномъ).

Отъ, слугы прыйшли та й сказали. Жинка потимъ и пытає у прыкащыка:

— Скажы-бо мени, чымъ ты воюєшь?

— Не можна,—каже прыкащыкъ.

— Такъ ты мабутъ мене й не любишь, що нічого не кажешъ?

Винъ и сказавъ. Отъ тоди уночи жинка вкрала шабельку-самобійку, а напсць їїи положила другу, та й оддала їїи панови. Отъ и пыше упъять панъ: «у твого зятя грошей багато, а вѣйска нема: хай або землю оддає, або иде воюваты». Панъ зажурывся упъять.

— Чого вы сумуете?—пыта прыкащыкъ.

— Якъ-же мени не сумувать, колы иде на насъ вѣйною панъ, а въ насъ и вѣйска нема!

— Не журиця: все такъ буде!—сказавъ зять, узавъ шабельку та трьохъ чоловикивъ и поїхавъ у чисте поле. Выїхали вовы у поле та й стали варыть галушкы. Колы прыйиздытъ козакъ та й пытає:

— Оце у тебе стількы вѣйска?

— Стилякы.

— Сього не стане й посядаты.

— И за обидь не пойисы.

— Ни, пойимъ!

— Ни,—каже,—не пойисы!

Козакъ и пойихавъ. Уставъ на другой день прыкащыкъ, дывыця—стойить вѣйска, скільки око гляне. Вниъ якъ крыкне:

— Шабелько-самобійко, берысь!

Не береця.

— Шабелько—самобійко, берысь!

Не береця.—А тутъ надбигло вѣйсько, рубовулы шаблею прыкащыка, одрубалы голову, тилькы й зосталась на тоненькій жыли. Кипъ злякався та й пописъ прыкащыка ажъ до сестры. Сестра побачыла та й каже:

— Братку, братику! що-жь се ты паробывъ!

Та заразъ поблыкала успихъ гадъ и послала йнихъ по циющю та по живуцю воду. Якъ гады прынесли циющойи та живуцойи воды, сестра побрызкала брата циющюю водою,—и голова прыросла до шыйи; побрызкала живуцюю водою,—и братъ оживъ.

— Та й довго-жь я спавъ!

— Ты-бъ заснувъ навикы, якъ-бы кинь не прынисъ до мене,—сказала сестра и потимъ роспытала, що зъ нимъ було. Братъ розказавъ усе. И сестра дала йому такого зилля, що якъ выпнешъ, то зробишся чымъ хочешъ: хочъ птыцею, хочъ звиромъ, хочъ рыбою. Братъ узявъ те зилля й пишовъ до пава, до свого ворога. Дывыця, колы панъ ходе коло ричкы, а у його збоку шабелька-самобійка, бо вниъ йийи беригъ и носывъ йийи скрызъ съ собою. Прыкащыкъ зробывся селезенемъ та й плава по води. Панъ дывыця, що такий гарный селезень, та ще й молодой, не вмие, литать,—скывувъ

одижь та за нымъ. Селезныкъ одилывъ трохы даля; пань уплять за нымъ; селезныкъ даан. Отъ селезныкъ, якъ заманиывъ уже пана на середь ричкы, пырхъ на беригъ, узявъ шабельку за реминчыкъ у ротъ та й понисъ до сестры. Тоди сивъ на копя та й прыйихавъ до того пана, де живъ, одвоювавъ назадъ землю, та й живутъ: есть у нихъ тры комори худобы: въ одній макъ, въ другій такъ, а въ третій чорт-ма ничого.

(Сл. Нижняя Сыроватка Харьк. губ. Сумск. уѣзда, отъ парубка).

126. НЕПРАВЕДНЕ ДИЛО.

Одынъ чоловикъ годувавъ для себе кабана и выгодувавъ його, шо вже ставъ гладый. Прыйшовъ празныкъ Риздво. Винъ уже намырився заколотъ своего кабана, а тутъ де невзялася скажена собака и порвала його (кабана) — наказавъ мабутъ його Богъ, шо винъ дуже обманювавъ людей. Отъ той кабанъ ставъ уже казыщя, а винъ тоди дывыщя, шо беда — и ловкый кабанъ, а пропаде, паробе йому дуже багато убытку. Винъ узявъ його та й повпзъ на базаръ, щобъ кому небудь продати, дарма, шо грихъ, та жалъ штуку, а пиде взять, биденякый бувъ.

Отъ винъ навалывъ його на саны и повпзъ. Ставъ винъ на площади и жде покупщыка. Отъ прыходе до його мужычокъ бидный-пребидный; и винъ усе бродывъ по базарю, щобъ купыть хочъ съ нивпуда къ празныку. Отъ впвъ пидходе и лыта його, якъ непаче паронне:

— Ну шо, чоловиче, кабана продаешъ?

— Кабана.

— Шо-жь ты за його думаешъ просыть?

— Десять рубливъ!

А винъ такий, шо стоить рубливъ пятнадцать. А цей тоди дывыця, шо кабанъ великый, а просе дешево проты людей, та самъ соби на думци й каже: «Есть симъ рубливъ, та мабуть не буду купувать саней та чобить та почовъ, а поторгуюсь за кабана,—хочъ за вси годы цилый годъ позасуемо, згадаемо, колы Риздво було». Отъ винъ и каже йому:

— Оддай за шість рубливъ—возьму.

А винъ тоди не довго думавшы, каже:

— Отъ шо, чоловіче: для тебе за симъ оддамъ, а бильшь не торгуйся: це вже такъ, шо ты чоловікъ добрый, такъ уважаю.

Цей тоди дума-дума: и кабанъ великый, и мали гроши, та самъ соби педумавъ, шо може винъ крадений, та тоди й каже:

— Ну шо, якъ за симъ, такъ за симъ. Давай Богу молюцца!

— Давай! Помагай тобі Богъ нымъ попользувацца! Оддаю тобі дешево.

— Спасыби, шо уважылы на мою бидность.

Ударымы воны по рукахъ, помолылысь Богу. А цей выйнявъ йому гроши, оддавъ. Той поблагодарывъ и пойнявъ, а цей тожъ звалывъ кабана на свойи саны и пойнявъ додому. Прийнявъ винъ додому, заколовъ свого кабана, опатравъ, прибравъ, шо куды.

И дождалы воны праздника, розговилысь и стали засувать кабанятыною: кожний день у йихъ борщъ съ свыныною, сало частенько жарылы и не було йимъ ніякого вреда йпзы та благодарылы того, у кого купылы.

А той чоловікъ та возывъ горшки. Отъ винъ на сяткахъ та зайнявъ у те село, видкиль у його купывъ чоловікъ кабана. Зайнявъ винъ по тому селу и дойнявъ на-

проты свого уже кабанячого свата. Отъ выходе баба того чоловіка, шо винъ купывъ у його кабана, и кунуе горшки. Набрала вона горшкивъ и пишла у хату гроши выносить. На той грихъ вийшовъ и мужыкъ зъ нею на двирь. Коны винъ роздывывся, ажъ цей горшешныкъ та знакомый, живо його угадавъ и баже:

— Здоровъ, свату!

А той тоди дывыця-дывыця, та й угадавъ, та й соби:

— Здоровъ, здоровъ!

— Зайидь, свату, погрійся, а то ты мабутъ змерзъ.

— Спасыби, я ще не змерзъ, теперъ ваче тепло мени показуецця.

— Ну, та шо хыба, зайихать можно, покормышь у васъ коня.

Ну, винъ опынався-опынався, а такы зайихавъ, роспригъ коня и пишовъ у хату гриця.

Воны посадылы його за стнль и подають йому сидать жареного сала. Винъ не хоче, а вони кынулысь просыть його:

— Та шо, Богъ зъ вами, хыба вы сердытесь на насъ, шо дешево кабань намъ продады?

— Ну, шо вы выгадуєте ище, чого тамъ я на васъ буду сердыця: це я не хочу, шо недавно сидавъ. Сидайте самы!

А винъ, бачъ, боявся, шобъ не скazyця, а хотивъ углядитъ, якъ вони будуть йсты, тоди и винъ сяде. Отъ вони прыстали дужче до його:

— Та сидайте, покушайте сальця! Вы хочъ и сидалы, а сала може не йлы—сидайте такы, хочъ покуштуйте: тутъ якъ сало, такъ прямо за уши не одтягнешъ! Спасыби вамъ, шо надлылы: и дешево, и сало браве, и кабанъ такы чымалый. Мы оце ймо цили святкы и вамъ усе благодарымо.

А винъ отказуецца и самъ соби торопыцця, бойницця йисты. Ну, воны уже бросылы просыть, а стали самы йисты. Отъ воны йилы-йилы та й стали його упъять просыть, шобъ сидавъ. Винъ тоди дывыцця, шо воны йидять и нема йимъ нѣякого вреда, та самъ соби и дума: «та шо Богъ дастъ, буду йисты,—воно черезъ огонь перейшло».—Отъ съ тымъ рѣшився сисгы. Сивъ винъ, ставъ йисты. Отъ воны поснидали, запригъ нашъ горщешныкъ и пойихавъ дали. А воны все йому дякувалы безъ переставу, шо надилывъ йимъ добро, прямо не схвалылысь нымъ, и про це не зналы, шо оно скажене, и не було йимъ нѣякого вреда писля його.

Отъ, нашому горщешныкови на дорози стало нудыть, кружыцця у голови. Винъ побоявся дали йвхать, шось йому стало нездорово. Вернувся додому, а йому все де дали хуже и хуже стало: вертыцця у голови, уже йому не видно, де й кобыла. Винъ тоди поскорѣй додому. Не дойихавъ винъ додому, якъ ставъ уже не тямыть самъ себе. Добывся винъ сякъ-такъ додому, дали уже ставъ забалакувацця и драцця на стипну. Жѣнка и диты полякалыся, цо це йому такє сталося и сами не знаютъ. А винъ уже ставъ у правду казыцця. Дозналы люде, нараялы жѣнцы, шобъ повезла личыть, такъ вона возыла, куды тилько не куды. Съ тымъ винъ сказывся и пропавъ, а ти, шо купылы кабана, пззиы усього и не почувътувалы нѣякого вреда, осталысь жывы и здоровы по це время. А той, шо продавъ йимъ скаженого кабана, и самъ сказывся, а тыхъ Богъ спасъ одъ смерты.

(Записалъ г. Павло Тарасевскій въ с. Тышанкѣ Воронежской губ. отъ жѣнки Ульяны Прокоповны Хведьченковой, 68 лѣтъ, въ 1892 г.—Сообщилъ М. А. Дикаревъ).

127. РОЗУМНИ ЧУМАКЫ.

Зачагы чумаки когось бытъ за щось. Пидйихагы други и соби прыстали, не роспытавшысь за що. А ось йдуть еще та й пытають:

— А за що бьете?

А други отказують:

— Про те першый знае.

(Записаль М. С. Гавриловъ въ ЧерниговскоА губ.).

128. ОХОЧЫЙ ДО ШЫНКУ.

— Ходимъ до церкви!

— Грязько.

— Ну, дакъ ходимъ у шынокъ!

— Хыба по пудъ паетнемъ да помаленьку...

(Записаль М. С. Гавриловъ въ Городницкомъ у.).

129. КОВАЛЬ.

А то якъ коваль съ пуда зализа зробывъ шыкъ. Одынъ хлиборобъ каже ковалеву: «выйде съ пуда зализа лемишъ?» — «Выйде та ще й добрый!» — «Ну, на зализю, робы!» — «Отъ винъ робывъ, робывъ...» — «Ни,» — каже, — «не выйде лемишъ, а выйде чересло». — «Ну, робы чересло!» — «Робывъ, робывъ...» — «Ни,» — каже, — «не выйде чересло, а выйде сокыра». — «Ну, робы сокыру!» — «Робывъ, робывъ...» — «Ни,» — каже, — «не буде сокыра, а буде долото». — «Ну, робы й долото!» — «Робывъ, робывъ...» — «Ни,» — каже, — «не буде долото, а буде швайка». — «Робы швайку!» — «Робывъ, робывъ...» — «Ни, не буде швайка, буде шыло.» — «Та робы й шыло!» —

Заплескавъ, устроивъ у воду загартувать,—воно й зашпыпило. Мужыкъ (тоди): «Еге, бачъ,» — каже, — «що воно выйшло пшыкъ! Ну, прыходь-же по гроши!» — Коваль нишовъ и хлопця взявъ. — «Гляды-жъ,» — каже, — «якъ буду гроши просыты, — и ты кажы: прибавте, пан-отче, й на хлопця, бо роботы було багато.» — Прыходють. Мужыкъ попавъ коваля за верхивъя и давай йому метелыци даваты! А хлопець за дверыма крчыты: «прибавте, пан-отче, й на хлопця, бо роботы було багато!»

(Изъ бумагъ Т. А. Зиньковского.)

Номисъ, Укр. приказки, № 1858 (стр. 284.)

130. Д О Л Я.

Що-весны йдутъ, бувало, зъ нашего села у Таврію,—ну, й я зъ людьмы. Стойимо, бувало, по два, по тры мисяци у Обытошній, у Бердянци, часомъ и въ Марнуполи; доводилось буваты й по тамошнихъ селахъ, збирали мы тамъ ганчиркы—выминюемо ихъ за обручкы, що намъ, бувало, присылають зъ хвабрыкъ зъ Одесу та зъ Ростову, а мы йнимъ ти ганчиркы одсылаемо и добри, бувало, гроши заробляемо.

Одного разу довелось мени стояты на хуторци, що коло Андрійивкы, Бердянського повиту. На першу ничъ попросивсь до одного чоловика, винъ пустывъ и казавъ, шобъ я що-дня у його ночувавъ. Того року корма тамъ булы дороженькы, бо неврожай бувъ. На сей разъ овесь у мене бувъ зъ Бердянки, ну, а сина— дуже скрутно: мени довелось скризъ выбигать по хатахъ, шукаючы, бо й хазяйинъ мій не мавъ свого сина, та вже хазяйинъ мій намовывъ:

— Пиды ты,— каже,— до нашего багатыря, у нього е сино, винъ продасть.

Пиповъ я до того багатыря, продавъ винъ мени зъ десять хунтивъ сина и взявъ за нього двадцать копійокъ. Прынись я те сино, а хазяйинъ мій и пыта:

— Що винъ узявъ съ тебе?—Та въ його заразъ-же е двисти четвертей жыта и трыста четвертей пшеници.

Я сказавъ йому, та й пытаю:

— Чы винъ такъ робе, чы доля його така, шо винъ такый багатый?

А хазяйинъ мій бувъ чоловікъ доволи старенькый, литъ йому було надъ симдесять, здаецця, колысь винъ и въ москаляхъ бувъ; ну, такъ хазяйинъ мій и каже:

— Э, сыну, скажу я тоби про долю: доля у кожного чоловіка е, та не кожый йийи найде.

Колысь жыло соби два браты—одынъ убогий, а другой багатый, и у вбогого диты е, а въ того багатого—немае; вбогий ще й калика до того. Браты жылы вкуни. Тывыкы багатый и каже:

— Яка корысть мени съ того, що я дитей твоиыхъ годуватому?

Та взявъ и одилывъ його: давъ йому одного куцого быка, а бизшъ ничого не давъ. Продавъ бидный того быка, выстройивъ соби хатку й живе соби, бидуючы.

А братъ його насіавъ пшеници десятинь зъ двадцать, а може и съ трыдцать; приходють жныва, а вбогий и говоре до свого сына:

— Ходимъ, сыну, до дядька наймемось, може пшеници скосымо зъ десятину яку.

Найнялысь, рубливъ за п'ять, чы тамъ за шість. Цялый тыждень косылы воны ту десятину, бо, звисно,—той калика, а той малый. Ну й було отакъ бы то: сьогондя субота, а завтра неділя; и воны косылы увесь день, не йившы, а ввечери батько й каже:

— Ходимъ, сыну, до дядька,—чы не дасть винъ намъ повечерять, бо робочымъ свойнымъ варыть же йисты, то може й намъ шо дасть.

Прийшлы воны, а багатый братъ и пыта:

— А шо, справывся зъ десятиною?

— Та скосывъ, каже,—зъязавъ, тилъкы не зносивъ.

— Э,—каже багачъ,—се вже мени не робота. Заразъ складай у копы!

И не давъ винъ йимъ йисты. Заплакавъ убогий и пившъ съ своимъ сыномъ на всю ниць складаты ти снопы, не маючы риски въ роти. Носылы воны такъ, шо отъ уже скоро почне на свить благословыця. Позносювалы, а батько й каже:

— Приляжмо, сыну, та хочъ одпочынемо трохи, бо дядько твій, спасыби йому, нагодувавъ насъ.

Хлоптя, звычайно, натомилось, упало й заразъ заснуло, а батько схылывся на ликоть та й журыця, шо нема чого йисты ни соби, ни дитямъ. Дывыця, а по ныви, де винъ косывъ, ходыть простоволоса жинка у билій сорочци. Той убогий и дума: «Господы, шо воно ходыть такее, шо наче бойниця близько до мене й пидходить? Дай я въ нього спытаюся,—шо воно такее е?

— Слухай, шо ты такее е?

— А я,—говорыть,—твого брата Доля.

— Чого-жь ты тутъ ходышь?

— А ходжу отсе та збираю колосочки та въ снопы застромляю, шобъ ни жаденъ не пронавъ.—(Багатому и чортъ дытну колыше. Звычайно, багатому все йде, якъ зъ воды, а въ бидного, колы самъ чого не загубе, то шось украде).

— Эхъ, Господы!—подумавъ бидный, якъ бы мени пиймать йийи та допытатися, де моя Доля?—(Бо, звычайно,

уже вона знае, де Доля усякаго чоловика).—Прыжлыкавъ винъ ту долю до себе та й піймавъ.

— Доле мого брата, скажы-жъ мени, де есть моя Доля?

— Э, чы ты-жъ піймаешъ свою Долю? Твоя доля—купцювать. (Усякому своя доля: той купцемъ, той шевцемъ. Колы-бъ я чыю долю піймавъ, то може-бъ тоди розшукавъ десь и свою, та беда шо не всякый чоловикъ такый шасливый).

— Скажы-жъ ты мени: якъ мени знайты мою Долю?

— А такъ,—каже: уставай та йды скоріше додому та выстыгай у городъ и побъ до ранку ты вже тамъ буй. И зострянеця тоби тры панночкы: дви въ однаковому убранни, а третя въ иишому. И якъ воны йтымуть, попереду музыка гратыме, а воны танцюватымуть, и та, третя, — твоя Доля. Зайды ты позадъ нейи й вдаръ ййи по вуху, щобъ вона ажъ упала.

Прыходе той калика убогий у городъ, ажъ усе такъ зостричае, якъ та йому казала. Винъ и подумавъ соби:

— Господы мылостывый! я теперъ бидный, а шо-жъ мени буде, якъ ударю я таку пани по вуху? то ще доведеця жыты у «дидьковій хати.» Эхъ, шо буде, те й буде!

Та якъ луснувъ ййи по вуху! Вона впала та й оглянулася та й каже:

— Э, найшовъ такы ты мене тутъ! Ты думавъ, шо я буду по нывци ходыть та колоскы збирать? Ни, я купцюю. (Бачте, вона купцюе, а винъ горюе).

Узяла вона його й повела до себе, а въ нейи було дви велыкихъ лавкы съ товарами,—нарядыла вона його, бо винъ буй обидраный,—надила на його нови чоботы и усю одежу. (Наряды, каже, пенька, то й пеньокъ гарный буде). Дали давай вона його навчатъ:

— Теперь у насъ у городи цинують у одного купца два дома. Мы поснидаемо та й идемо туды, бо треба намъ на циновку выстыгать. Тилькы гляды, выйдуть два купци, будуть торгувать, а ты выйдешъ третій на ту циновку. Будуть говорить: «хто шо дае за си два дома?» То ты не озывайся, а мовчы, хай воны свою цину дають. Одынь надае дви тысячи, другый чотыри, а якъ крыкнуть у третье: «хто больше?» — то ты ажъ тоди вже набавляй.

Пойихалы воны на ту циновку, и такъ винъ забравъ обыдва дома.

Прожывъ винъ у тому городи годивъ тры, а мо й чотыри и забувъ винъ бувъ уже про свою жинку й про свои диты. Одного разу згадавъ и сказавъ кучерю, щобъ той запрягъ коней, сивъ и пойихавъ до себе въ село, а якъ подйихавъ до хаты — звеливъ спыныты коней (Якъ живе чоловикъ пры вбоэзтви, то й хороший зробыщца поганый, а якъ пры воли, то й ледащо покажещца гарне).

— Пиды, — говорить кучерю, — спытай, чы не пустять переночувать.

А винъ якъ йихавъ, то понабиравъ напыткивъ, найидкивъ, бо добре зна, шо жинка дома не йившы сыдыть. Набрывъ и одежи дитямъ.

Кучерь, якъ пославъ його купецъ, прыбигъ до хаты та й пытае:

— А що, хазяйинъ дома?

— Не то шо дома, а хто його й зна, чы винъ хочъ на свити е жывый, бо вже чотыри годы, якъ його чы вбыто, чы заризано.

— А чы не прыймешъ насъ, хазяйко, переночуваты?

— Чому не пустыты? Ночуйте!

Купецъ и пыта: чы нема чого въ нейи повечеряты?

— И-и! сыдю завжды не йившы, и диты мойи голодни!

Скилькы купецъ не балакавъ зъ нею, а вона й не впизнала його (бо дежъ-тамъ и впизнаты!). Пославъ купецъ кучеря наставлять самуваръ; той ставывъ-не ставывъ, а самуваръ вже й кыпытъ. Посадывъ купецъ кучеря за стилъ, посадывъ хазяйку й дитей, а скилькы винъ того сахарю понакладавъ у чашкы, такъ и Господы!—Вышылы вони чай, а хазяйка такъ дякуе купцеву, такъ дякуе:

— Хочъ у души,—каже,—посолодыло, а то й диты попухлы булы не йившы.

Посыдили, побалакалы; купецъ пославъ, шобъ кучеръ унисъ уси напытки, найдкы: повечерялы вони. Дякують йому, кланяюща йому въ ноги, шо нацойивъ, нагодувавъ ихъ. А винъ и каже:

— Ни,—каже,—хазяйко, сымъ ще ты одъ мене не оддякуешся: я ще съ тобою спаты ляжу.

— Ни, ни, вже, пане, сього не можна, бо якъ прыйде колы мій чоловікъ та визнаецця, то ще бытыме мене.

А той и каже:

— Хыба ты вже зовсимъ хочешъ одцуратыся одъ свого чоловіка? Ну, колы такъ, то я соби ще крашу знайду.

— Хыба мій чоловікъ такой, якъ вы? мій чоловікъ бидный та вбогий и калика до того, а вы—панъ.

Ну, винъ тоди давай показувать прыкметы. Пизнала. А якъ пизнала вона його, то винъ понаряжувавъ своихъ дитей и каже тому сынови, шо зъ нымъ косытъ:

— Бижи, сыну, до того дядька, шо якъ мы косылы, а винъ намъ и шматка хлиба не давъ. Скучывъ я за нымъ, хочу побачыть його.

Дило було вночи. Прыбигъ хлопецъ до дядьковой хаты та й крычыть:

— Дядьку!

— Чого?

— Идѣть до насъ!

— А шо-жъ тамъ у васъ?

— Батько прыйихавъ тройкою коней и брычка.

— Хыба батькивсьбымы?—смѣюща дядько. Ну, а про те нишовъ такы. Приходьтъ, поздоровкавъ и багатырь не признавъ купця.

— Хыба ты мене не признаешъ?—каже купецъ.

— Якъ же я тебе признаю, колы ты бувъ такой бидный, а теперь ставъ такой багатый?

Зознался; давай ныты, давай гуляты. Почавъ багатырь допытуватись: якъ той забагативъ? А купецъ и розказавъ йому про Долю. Попрощалась браты, купецъ забравъ своихъ дитей и жинку и поихавъ зъ ными у городъ. И теперь живутъ у городи у Бердянци.

(Изъ бумагъ Т. А. Зиньковского. Записано отъ Ивана Осадченко. Курской губ., Старооскольскаго уѣзда, с. Обухова.)

«Малор. преданія», стр. 182, № 19. Доля богатаго и бѣднаго.—Чубинскій, «Труды», т. I., стр. 216.—Манжура, «Сказки», стр. 52. Дви доли.

181. Ё О З А.

Одынъ чоловикъ водывъ козу на торгъ та й не продавъ.—Отъ якъ винъ винъ ййи додому, такъ прыйшлося иты лисомъ. - Идутъ воны лисомъ, колы дывляцца, ажъ лежыть нежывый вовкъ; чоловикъ идѣйшовъ до його та й дума, шо робыть. На той часъ йихавъ поблызу панъ изъ гостей. Винъ побачывъ козу й чоловика та й пытаецця.

— Шо ты тутъ робышь?

— Та це коза моя пѣймала вовка, такъ я оце думаю, шо зъ нымъ робыть.

Та трохы й почервонивъ, бо збрехавъ.

— Вотъ это харошая каза, што и волковъ беретъ; продай ее мнѣ!

— А шо вы, пане дасте за нейи?—спытавъ чоловікъ.

— Да сто рублей дамъ.

— То й давайте!

Отъ, панъ узавъ козу, повивъ у лясъ та й привъязавъ на довгій вирьовци до дуба.

Колы це прыходе одынъ вовкъ та й ставъ биля козы, а вона: «мекеке!» та й стойить. Панъ и каже:

— Вотъ проклятая коза: одного еще и не беретъ!

Колы це прыйшовъ и другой вовкъ. а коза все стойить та: «мекеке!» А панъ:

— Вотъ коза: и двухъ не беретъ!

Колы якъ выскоче зъ лису третій вовкъ, якъ хватылы уси тры козу,—такъ и розирвалы! А панъ стойить та:

— Ну, проклятая коза: двухъ не брала, а троихъ не подолѣла!

(С. Нижняя Сыроватка Сумск. у.).

132. ВЕЛЫКИ ВИВЦИ.

Йихавъ разъ панокъ зъ мѣста додому нанятымы кинь-мы та все хотявъ розмовляты съ пидводчыкомъ, а той не дуже то бувъ балакучый.

— Цо то но, хлопку, то-тамъ на кгурже насє сѣ?

— А де, пане?

— Ну, то нѣ видзишъ,— то тамъ на кгурже!

— Та то жъ, пане, вивци!

— То таки со(н) у васъ вивци! То якъ у насъ вивци —таки со(н), якъ тѣнъ кунъ добры, альбо то еше, якъ тѣнъ вуль добры! То со(н) вивци! а то цо то у васъ—вивци!

— Отъ яки, пане, велыки у васъ вивци, а въ насъ—таки, якъ ото вы бачылы!

Йидуть мовчки.

— Але цо жь ты, хлопку, ниць нѣ розмавляпть? Тицеба жь, абы цось цикавекого панови розказалъ, цось подзивнекого, цо тутай у сѣбѣ мацѣ, панови показалъ.

— Та цо тутъ, пане, въ насъ е дывного?! Ото жь бачылы, яки вивци!

— Але цось зезначнекого мусишь знаць про свойи крайины, абы пану повядалъ!

— Да тутъ, пане, е въ насъ ричка...

— Ричка, но, хлопку!

— Нетекою звецця; да така вже проклята ричка, цо хто хочъ трошечкы скрывдыть, збреше-бъ то, вже тая ричка його не знесе—втопнуть!

— Втопнуть-но, хлопку? А чы далѣко есть та ричка?

— Та ще верстовъ съ пѣять буде!

Мовчать.

— А я то, но, хлопку цось зноуъ за ти вивци.

— А цо, пане?

— Та то цо я мовялемъ про ти, цо со(н) у насъ вивци, такъ они нѣ со(н), якъ тѣнъ кунъ добры, альбо то ешче, якъ тѣнъ вуль добры, але такъ, якъ тѣнъ вовкъ добры! Таки со(н) вивци!

— Ото, пане, яки велыки вивци, а въ насъ таки, якъ ото вы бачылы!

Мовчать.

— А далѣко, но, хлопку, есть та ричка?

— Та ще, пане, версты зо тры буде!

— А я то но, хлопку, цось зноуъ за ти вивци.

— А цо, пане?

— Та ти вивци нѣ со(н) такъ, якъ тѣнъ вовкъ добры, але такъ, якъ тѣнъ пѣсь добры!

— Отъ, пане, яки велики вивци, а въ насъ—оттак-
синьки, якъ ото вы бачылы!

Мовчать.

— А далѣко но, хлопку, есть та ричка?

— Та ще, пане, мабуть зъ верству буде!

— А я то, но, хлопку, цось зновъ за ти вивци.

— А що, пане?

— Та ти вивци нѣ со(н) такъ, якъ тѣнъ пѣсѣ добры,
але якъ то у васъ вивци, то такъ со(н) и въ насъ вивци.

Мовчать.

— А оце, пане, й ричка тая, що Нетекою звецця!

— Та то жъ, хлопку, рилля! Ой, хлопку, якъ же то
ты збрехавъ!

— Та ни, пане! а бачыте,—ричка та всохла такъ, якъ
ти ваши вивци.

(Записано А. А. Русовымъ въ с. Зикрачахъ Кіевской губ.)

«Малор. пред.», стр. 189, № 29.

188. ЦЫГАНЪ КОСАРЬ.

Бувъ соби багатый хазяйинъ та мавъ соби кума Цы-
гана и просывъ його, щобъ винъ прыйшовъ до його косыты,
а винъ йому каже: «куме, а хто иде косыть зо мною?» —
А хазяйинъ: «пошлю» — каже — «наймыта съ тобою.» — А Цы-
ганъ хазяйинові: «я пиду, куме, до тебе, — абы твій наймытъ
слухавъ усе, що я йому скажу, й робывъ те. А що въ тебе
йисты, куме, буде?» — «Дамъ хлеба, сала, чарка горилкы
рано, въ полудень и въ вечеръ, п'ятдесятъ копійокъ гро-
шей.» — «Згода!»

Отъ хазяйинъ и каже наймытови: «будешъ усе робыты,
що Цыганъ загада, чы робыты, чы що.» То якъ выйшли
воны на поле и пишли воны по первому покосови до поло-
выны гинъ, и тамъ вырись берестюкъ крыслатый. Якъ дій-

шли воны до того берестюка, и пыта Цыганъ наймыта: «що, тутъ добре робыты, пидъ цимъ берестюкомъ?» — А наймытъ: «добре спаты на полудень у холодочку.» — А Цыганъ каже: «А ну, трошкы ляжемо!» — Узялы, полягали воны спаты. (Поспалы, прокынувся) Цыганъ та й пытае: «а ну встань, Иване, подывыся, що люде роблють!» — А Иванъ уставъ и каже: «Робылы, робылы, а теперь силы полуднуваты.» А Цыганъ одвигае наймытовни: «Егъ, а мы не люде? гайда та й мы будемъ полуднуваты. Давай сало!» — Пополуднували воны, а Цыганъ зновъ пыта: «а подывысь, Иване, що люде роблють?» — Иванъ каже: «що люде роблють? пополуднували та й спочываты лягають!» Цыганъ каже: «Егъ, мы не люде? Гайда й мы спочываты!» — Взялы якъ ляглы, та й спочывали до самого пидвечирку. (Попрокыдалися, — Цыганъ) упъять каже Иванови: «подывысь, Иване, а що люде роблють!» — Иванъ пиднявсь и каже: «що-жъ люде роблють? Устали та й пидвечиркують.» — А Цыганъ: «а мы що-жъ не люде? Давай лышь сало, будемъ и мы пидвечиркуваты!» — Попидвечиркували, а Цыганъ каже: «вставай лышь, панебрате, подывысь, чы багато мы накосылы. Вставай та ходимъ, ще косыты-мея.» — Пишлы упъять по одному покосови, и пыта Цыганъ Ивана: «подывысь, Иване, що люде роблють!» — А той каже: «що роблють! — покосылы, вже Богъ давъ вечиръ, та й йдуть додому» — А цыганъ каже: «а мы не люде? гайда й мы додому!»

Прийшлы додому. Господаръ пыта: «Куме, добре накосылы? — А цыганъ: «багато накосылы! Треба тры громадильныка, щобъ громадылы».

Отъ, Цыганъ повечерявъ, пишовъ соби додому. Хазяйинъ узавъ кони й пойихавъ на ничъ на ту траву, подывытыся, чы багато покосено. Якъ выйихавъ до тыхъ покосивъ, то ажъ за голову взявся. Прийихавъ додому, уставъ раненько й

побигъ до Цыгана та й каже: «куме, чы не пидешъ ты сьсогод-
дня до мене косыты?»—А винъ одвичае: «ба, пиду куме!
А хто иде съ косарямы?»—А винъ каже: «пиду я, най-
мытъ и вы»—каже—«куме, идете.» Винъ уптять пы-
таецця: «що даватимете йисты?» «Знову дамъ чарку го-
рилкы рано, на полудень и на вечеръ и скажу живци, щобъ
зварыла курку й вынесла въ поле обидаты, и паляныци.»—
Потимъ прыйшовъ додому, добре поспивавъ зъ наймытомъ,
закы Цыганъ прыйшовъ,—и сказавъ жинци: «несы обидаты,
щобъ й акурать сонце було у полудень. Потимъ, якъ иты-
мешъ,—дуже помаленьку йды,—хочъ я махатыму рукою—
не квапся. Я визьму косу на плечи, бигтыму до тебе ри-
заты, а ты тикай черезъ гору въ ярокъ, кыдай горшкамы,
въ землю. Я бигтыму за тобою, наймытъ за мною; мы тебе
доженемъ, тамъ и пообидаемъ, покы Цыганъ чекатыме».

Отъ, выйшлы воны въ поле, почалы косыты. Косютъ
до обиду, Цыганъ уже йисты добре хоче та й каже: «эгей,
куме,—варто шось попойнсты!»—А кумъ каже: «отъ лукава
жинка: казавъ, щобъ рано выносыла обидъ, а ййи й доси
нема».

Отъ, косылы воны вже до полудня, дывлюцца, а ха-
зайка несе обидаты. А Цыганъ каже: «э, куме,—вже намъ
обидъ иде!»—А кумъ уже одвичае: «ну, колы бъ вона прый-
шла,—я вже ййи дамъ!»—И крычыть до нейи: «Иды»—
каже—«скоро!»—А вона якъ почула його гласъ,—ще пома-
лице почала йты Винъ тоди взявъ косу на плечи й каже:
«пиду заряджу ййи, якъ дожену!»—А наймытъ: «лышитъ,
хазайине, покы прынесе обидъ, та тоди дасте й духопелу».
—Хазайинъ ухопывъ косу й каже: «Ни, такы пиду! я тамъ
ййи дамъ!»—Хазайинъ бижыть съ косою впереди, а наймытъ
позади: «бійтеса Бога, хазайине,—що вы робыте? Лышитъ
хазайку жывою, а то гриха наробыте!»—Та хазайка побачыла,

що хазяйинъ бижыть съ косою, та горшкамы тымы обь змялю, а сама даи черезъ гору. Тамъ побигла й сила, до- жыдае. Воны прыйшлы обыдва, пообидалы добре.—Цыганъ прыбигъ на те мисце, де горшкы побыто, позбиравъ, яка тамъ квасолька була чы бурячокъ, та тымъ и заговивъ

Идутъ воны видтиль, уже пообидавши, а Цыганъ пы- таецця: «а що, куме, не догнавъ?»—А хазяйинъ каже: «ни! бисова вира, закы выбигъ на гору, не знаты де й дилась». —Цыганъ одвича: «Ге-э, куме! не такъ треба було робыты! Нехай бы вона, куме, прыйшла та покляла обидъ, та тоди бъ йй тутъ даты, що даты.—Винъ (хазяйинъ) говорыть: «ну, вже я йй дамъ увечери!»—«Ну, вже здилай мылость, куме,—я тебе перепрашаю: косимъ хочъ до пидвечирку!»—Сталы упъять косыты, а Цыганъ здорово охлавъ, не може тягты вже ниякъ. Просыть кума: «гей, куме, здилай мылость, йндьмо додому, бо проналы!»

Давъ Богъ вечеръ, прыйшлы додому. А жинка нава- рыла вареныкывъ и заризала курку, зварыла, а впередъ нальляла сыроваткы. Та хазяйинъ йисть тикы такъ, показуе ложку, и наймытъ; а Цыганъ такы хапавъ добре, бо вы- мерхався не снидавши, й ничего. Писля, якъ найлыся воны сыроваткы, дала хазяйка молока кыслого. Тежъ хазяйинъ пе йисть, и наймытъ, тилкы ложку показуе, а Цыганъ добре поцыравъ: нажерся, наперся, якъ гора. Хазяйка подала ва- реныкы й курку. Хазяйинъ уже йисть, и наймытъ, а Цы- ганъ тилкы очи вытрищывъ на курку, дывыцця й на ва- реныкы та й каже до кумы: «э, кумо! знаете, якъ варыты, та не знаете, якъ даваты!»—Потимъ кумъ уже говорыть: «куме, вечеряйте!»—Винъ (Цыганъ) каже: «спасыби, куме!— вже повечерявъ».—И впъять кумъ просе: «йдити завтра,

куме, до мене косыты ще!»—А Цыганъ: «э, куме,—хочъ дай тры карбованци, а завтра вже не пиду!»

(Записано въ 1883 г.—Изъ бумагъ Т. А. Зиньковского).

134. ВИДКИЛЯ ЛЫТВЫНЫ ВЗЯЛЫСЯ.

Болысь давно ходывъ Богъ ись святымъ Петромъ по земли. Отъ, святой Петро й пытае въ Бога:

— Якъ се, Господы, шо усякыхъ людей на земли доволі, а отъ Лытвынывъ и немає?

Дакъ Богъ и каже:

— Возьмы та й зробы!

Отъ, Петро взявъ пшенишнойи мукы та й злипывъ галушку, а съ тиейи галушкы зробывъ чоловика и настромывъ його на тынъ, на колокъ, сохнуты. Де не взявся у биса собака,—узявъ та й иззивъ того чоловика. Озырнувся святой Петро,—нема чоловика. Якъ ухопыть же винъ того собаку та й почавъ быть объ землю. Що ни вдарыть, то й выскочыть съ собаки Лытвыны. Та й навывывавъ ихъ стуолькы, шо Богъ йому вже каже:

— Годи, буде! Де ты ихъ и диватымешъ?

А Петро й каже:

— И, Господы! Буде имъ мисто и по надъ Десною и за Десною.

(Записалъ А. А. Гарны въ 1894 г. отъ козака Ивана Антоновича Лазаря, 75 лѣтъ, въ Черниговскомъ у.)

«Малор. нар. пред. и разск.», стр. 194, № 35. Происхожденіе поляка.
(Тоже самое о полякѣ.)

135. ЛЫТВИНЫ ПОЗДОРОВЛЯЮТЪ.

Лытвины хотѣли поздравить пана. Отъ наварылы горщыкъ кулагы и йдучы нарадылысь казаты такъ: одынь скаже:

— Будь здоровъ!

А другый пидхошыть:

— изъ жинкою!

третій:

— изъ дитками!

четвертый:

— изъ домомъ твойнымъ!

а п'ятый:

— изъ благодаттю!

Отъ прыйшлы до пана и пидходятъ одынь за другимъ.

Першый каже:

— Будь здоровъ!

Та тыльки що пидступывъ до пана, а задній и насту-
пывъ йому на волоку одъ постола. Сей упавъ и горщыкъ
розбывъ та й крыкнувъ, росердившысь на заднього:

— Щобъ ты пронавъ!

А задни одынь за однимъ и почалы:

— изъ жинкою!

— изъ дитками!

— изъ домомъ твоимъ!

— изъ благодаттю!

(Записалъ М. С. Гавриловъ въ Нѣжинскомъ у.)

136. ЛЫТВИНЪ — НЮХАРЬ.

Переличувавъ Лытвынь, яка корысть изъ нюханья:

— Слезу гоня, хряпу чистя и калъ пре.

(Записалъ М. С. Гавриловъ въ Городницкомъ у.)

187. ЛЫТВИНЫ ТА ЖАВА.

— Цимохъ! Хадзи рака церебитъ! — гукавъ одынъ Лытвынъ другого, піймавшы жабу.

— Идзѣ ты взявъ?

— Йонъ самъ прыплясавъ.

— Ета-жъ не ракъ, ета ляга!

— Ужо-жъ асталась адна нага.

(Записаль М. С. Гавриловъ въ Городницкомъ у.)

188. ЛЫТВИНЪ ТА НАШЪ ЧОЛОВИКЪ.

Десь у больницы лежали Лытвынъ и нашъ чоловікъ. Отъ Лытвынъ стогне швыденько: «о-хо-хо! о-хо-хо! лышечко!»

А нашъ поважно, колы-не-колы застогне: «о-о-хъ, лышечко!»

А Лытвынъ усе скоренько. Отъ нашъ слухавъ, слухавъ да й каже:

— За проклятымъ Лытвыномъ и постогнаты не вправыся!

(Записать М. С. Гавриловъ въ Черниговской губ.)

189. Н А У К А.

Хотивъ Москаль по нашому навчытыся. Отъ нашъ братчыкъ и почавъ його вчыты:

— Слухай: якъ нишовъ я у Полтаву, то найшовъ хазяву, та нишовъ на вечорныци та вдарывъ объ лаву ось вамъ, дивчата, на славу! Ну, кажы теперь ты, Москалю!

— Бакъ шолъ я, малай, у Платаву да нашолъ галянишшу, пашолъ на насидѣлки да ударилъ абъ скамейкю: вотъ вамъ, дѣвки на диваванье-та!

— Не такъ!...

(Записано отъ сапожника Петра Шепелева въ Харьковѣ въ 1881 г.)

140. РОСПЫТАЛЫСЯ.

Якыйсь Москаль та Московка зійшлись та й живутъ соби, а й не знають одне про одного й якъ кого звуть хто звидкы. Та вже якось полаялись, такъ тоди розпыталыся. Вона кричыть:

— Што ты за чортъ такой?

А винъ:

— Какой я тебѣ чортъ?! Я Лева съ подъ Бѣлѣва. А ты што за вѣдьма?

— Какая я вѣдьма? Я Прасковья съ подъ Масковья. Отакъ и розпыталыся, а то й не знали.

(Записала М. Н. Гринченко въ Богодуховскомъ у. Харьк. губ.)

141. ЧОЛОВИКЪ ИСЪ ТЕРЕВИЛОВКИ.

Попрохався якыйсь Москаль переночуваты. Отъ хазяйка поставыла йому вечеряты. А винъ такъ умынае, що ажъ за ушыма лящыть. Вона й пытаецця:

— Отколь ты, батюшка?

— Съ Теревилловки, матушка.

— Тереби, тереби, батюшка!

(Записала М. Н. Гринченко въ Богодуховскомъ у. Харьковск. г.)

142. ПИДСЛИПА ДОЧКА.

У однійи Московкы була дочка, та дуже пидслипа, такъ що й замижъ йійи черезъ те ниhto не бравъ. Отъ маты бачыть, що лыхо, та й намыслыла одуриты людей и навчыла дочку, що робыты. Разъ попрыходылы до нейи якись тамъ гости. Отъ вона гостыть йихъ, а дочка сыдыть на печи. Сыдила, сыдила, а дали й гукае:

— Мамушка, вонъ-вонъ нголушка!

— Идѣ, дочка?

— Подлѣ макового зернушка.

Почала маты шукаты и гости туды-жѣ кынулысь. Бачуть, и справди лежыть макове зернятко, а коло його голка. Отъ воны тоди й подумалы, що то набрихано про дивку, що вона пидслица, а вона дуже бачуча. И нишла по слободи чутка про те. А й не догадалыся, що то маты задалегидь голку коло макового зернятка поклала и дочци показала и навчыла, шо казаты.

(Записала М. Н. Гринченко въ Богодуховскоѣ у. Харьк. губ.)

148. ВАВА ТА САЛДАТЫ.

Назналы солдаты, що въ старойн бабы гроши с. Прыйшли та й сватають ййи. Отъ почалы горилку пыты, а одынъ салдатъ и каже:

— Давай, баба запоемъ.

— Спивайте, голубчыкы, спивайте!

Отъ вниъ почина:

Бабка, бабка,

Де твоя деньги.!

Рано-рано!...

Де твои деньги?

Ранесенько!

— Што-жѣ ты, бабка, не атпаешъ?

Баба й заспывала:

У курнычку

Пидъ штовпчыкомъ!

Рано-рано!...

Пидъ штовпчыкомъ...

Ранешенько!

Отъ тоди салдаты за лопату та до грошей. Другой ждавъ-ждавъ:

— Што эта ево такъ долго нѣту?—пайду пазаву!

А третій посыдивъ та й каже:

— Што они тамъ сидятъ? Пайду пазаву!

И той побигъ.

Тоди баба ждала-ждала—нема. Коли оглядилась, ажъ нема казакъ зъ гришмы—сама ямка. Отъ тоби й посватали!
(С. Новая Водолага Валковского у. Харьк. губ. отъ чоловіка въ 1883 г.)

144. ВАВЫНЪ САЛДАТЪ.

Прывезы салдатывъ у село та по квартирахъ и розводють. Отъ одынъ иде въ ту хату, куды сказано, та тилкы на поригъ та якъ крыкне:

— Тречись, бабка: твой салдаты нѣоты!...

Дакъ та бѣдна такъ перелякалась, що тилкы жыва.

(Константиноградскій у. Полтавской губ.)

145. НЕПАМ'ЯТКЫЙ СЫНЪ.

Пишовъ одынъ парубокъ на службу, прослужывъ двѣягъ мѣсяцывъ. Прийшовъ додому та й ходе по селу, а маты углядила, выбигла съ хаты та й гука на його: «Сынку! сынку! чого ты ходышь? иды въ хату!»—А внивъ: «Да чортъ васъ знае, гдѣ вы живѣйте!»

(Отъ хлопця Якова Емченка въ 1890 г. въ х. Троицкомъ Славяносербскаго у. Екатериносл. губ.)

(м. № 13. Черезъ що собака съ кинкою грызунця.

Х.

ПРЕДАНІЯ О ЛИЦАХЪ И ЯВЛЕНІЯХЪ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ (ИСТОРИЧЕСКИХЪ).

146. ДАРІЙ ТА МАКЕДОНЪ.

Жывъ у Персіи царь Дарій. И винъ бувъ такыи войновытый, шо усю землю завоювавъ. И у його було дви дочки. Тоди винъ змурувавъ високу башту, зробывъ соби одѣжу, пошывъ ййи золотомъ и сыдыть, якъ Богъ. И здумавъ винъ: «Тамъ ще есть Македонія,—пошлю, щобъ и ййи звоюваты!» Пославъ туды посла. Той пойхавъ, сказавъ йимъ. Тоди царь македоньскый одигъ у просту одѣжу и пойхавъ Пидъйиздыть, колы винъ (*Дарій*) якъ Богъ сыдыть. Тоди Дарій:

— Ну, шо—будете воюваты?

Винъ и каже:

— Та будемъ воюваты.

Тоди винъ (*Дарій*) звелывъ подать мишокъ маку. Йому дазы. Винъ якъ сыпнувъ пзъ башты той макъ, та й каже:

— Якъ перещытасиъ макъ, тоди мое войсько перещытаешъ. А то ще ты побъеши! (*куды тоби!*)

А винъ якъ узавъ у жмепю маку, якъ прыдавывъ, а сикъ и побигъ, а винъ и каже:

— Оттакъ съ твоего войска побижыть сикъ, якъ зъ оцього маку!

Подавъ йому:

— На, ты такъ прыдавы, якъ оце я!

Винъ (*Дарій*) давывъ-давывъ—не прыдаве.

А то (*той, що приходить до Дарія*), бувъ самъ Ма-
кыдонъ. Винъ пишовъ, зобравъ войско и пишовъ. И Дарій
зібравъ сграшенно вельке (*військо*) и зачали воювать. Такъ
на персыцъкихъ—страхъ напавъ. Македонський царь зачавъ
гнать. Такъ самъ Македонъ убывъ Дарія и його одежу самъ
надивъ. А дочки сидили и углядили,—тамъ и умерлы.

Такъ винъ його покорывъ... И ще одныхъ—летючихъ
покорывъ... И устроивъ струны,—такъ якъ витерь подме,
такъ струны й грають, а воны (*летючи*) лякаюця та кры-
чать: «Македонъ иде! Македонъ иде!» Такъ усю пошты
Азію завоювавъ

(Записано на х. Троицкомъ Славяносербск. у. Екатер. губ. отъ хлопця
Якова Емченка, учившагося въ школѣ, гдѣ онъ и могъ слышать объ
Азіи и прибавить ее въ концѣ; но онъ ничего не слышалъ въ школѣ объ
Александрѣ Македонскомъ. На вопросъ: «одъ кого чувъ це?» онъ отвѣ-
тилъ: «та у насъ це люде розказують»).

XI.

ПРЕДАНИЯ О МѢСТНОСТЯХЪ.

147. МАЗЕПЩИНА.

Тутъ же колись була мазепщина. Мазепа и пещеру сюю издѣлавъ. Говорять, шо изъ звиницы она идетъ до Рыкова (*), а другіи, шо бутто тильки до собору. Ходили у ея, какъ нельзя, говорять, далеко пройтять, шо якъ до самыхъ уже послѣднихъ дверей дойдуть, дакъ такъ свѣчки и потухнуть.

Ходивъ и архимандрить туда: якъ изъ страстей вышли, дакъ такъ прямо уси и липли, якъ до 12 ой двери дошли, дакъ свѣчки у усѣхъ и потухли. Говорять, шо сійи двери заговоривъ Мазепа, а тамъ стойить стовпъ желѣзный, а на стовпу висить шабля мазепская и надѣта шапка. Якъ стануть его проклинать у церкви, дакъ уся пещера тады гулетъ здоровосильно, а стовпъ изъ шапкою такъ и трусицца, а

(*) Село въ 20 верстахъ.

нездѣя къ нимъ доступница потому самъ Мазепа ихъ заговаривъ.

(На дверяхъ пещеры этой надписано краской: Жилище Мазепы).

(Записано М. В. Рклицкимъ въ г. Новгородѣверскѣ отъ городской жѣ-
щанки Лукеріи Шишки въ 1894 г.)

148. **МАЗЕПИНЪ ЗАМОКЪ.**

По выраженію пѣвца «слова о полку Игоревѣ», Сула посылаетъ свои серебристыя воды къ Переяславу городу. Это было бы такъ, если бы она у города Глинска и ниже его не встрѣтила края возвышенностей, заставляющихъ ее измѣнить направленіе своего теченія съ западнаго почти на южное. Правый возвышенный ея берегъ уже у г. Ромна очень живописенъ; таковъ же онъ и у впаденія Артополота, затѣмъ Олавы, рѣчекъ, по своимъ именамъ, переносящихъ насъ во времена варяжской и греческой цивилизаціи на берегахъ Сулы. Чѣмъ далѣе мы будемъ подвигаться отсюда по теченію Сулы внизъ, тѣмъ болѣе и болѣе повышается берегъ надъ долиною рѣки: у Глинска высоты достигаютъ 74 сажень надъ поверхностью моря, тогда какъ высота воды въ долину Сулы въ межень составляетъ только 50 сажень; здѣсь, слѣдовательно, высокій берегъ превышаетъ долину Сулы на 24 сажня. Ниже же по ея теченію, между селеніями Залатыхою, Закроихою и Свырыдовкою (Лохвицкого у.), есть возвышенность въ 80, 85 и 90 сажень надъ поверхностью моря, слѣдовательно до 40 сажень надъ долиною рѣки. Мѣстность эта напоминаетъ собою нѣкоторые пункты высокаго берега Днѣпра — Кіевъ, Княжу гору и др. мѣста, гдѣ замѣтны слѣды старыхъ городовъ. Подъ с. Свырыдовкою на второй терассѣ крутого

берега помѣстился хуторъ Отрада въ нѣсколько хатъ; а надъ нимъ на вручѣ расположено городище, называемое *Мазепинимъ замкомъ*. Здѣсь теперь на площади въ 4 десятины расположенъ огородъ, принадлежащій становому приставу, живущему въ Свиридовкѣ. Площадка эта съ нагорной стороны отдѣлена отъ остальной возвышенности глубокимъ валомъ и канавою; обрывъ, спускающійся къ низу отъ нея, заросъ лѣсомъ. Серди лѣса идетъ оврагъ (провалье), отдѣляющій главную гору съ помянутою площадкою на вершинѣ, отъ другой, меньшей возвышенности, очевидно до образованія оврага соединявшейся съ первою горою. Вторая, меньшая, возвышенность называется *Дытынцемъ*.

Мѣстность обонхъ горъ командуетъ надъ другими близлежащими горами праваго берега, и такъ какъ у Свиридовки Сула дѣлаетъ излучину съ довольно широкимъ діаметромъ ея дуги, на периферіи которой расположена Свиридовка, то отсюда видно громадное пространство въ обѣ стороны верстъ на 25—30: среди зелени поемнаго луга Сулы и лѣсовъ, покрывающихъ какъ высокій правый, такъ и пологіи лѣвый ея берегъ, въ ясную погоду можно различать 9—10 селеній, раскинутыхъ по обѣимъ ея берегамъ, и даже городъ Роменъ, лежащій выше по теченію, но на болѣе низкой горѣ въ разстояніи отсюда не менѣе 30 верстъ. Когда Сула была границею русскихъ поселеній, когда ржанье коней Игорева войска за Сулою обозначало вступленіе его въ Половецкія земли, пунктъ этотъ былъ очень выгоденъ для наблюденій за движеніями кочевниковъ «за Сулою». Можетъ быть, археологическія раскопки когда нибудь опредѣлятъ время находженія здѣсь крѣпости съ цитаделью (дытынцемъ), какъ онѣ уже опредѣлили его для бывшаго поселенія на Княжей горѣ. Теперь же мы можемъ пока знать только преданія, не восходя-

ція въ нашихъ мѣстахъ далѣе временъ Шведской войны и Мазепы.

Вотъ что говорятъ эти преданія.

У Мазепы была любимая имъ жена Марія. Онъ былъ старъ, она — молода. Оттого онъ не чуждъ былъ ревности и въ минуты проявленія этой страсти обходился съ нею жестоко. Когда она родила «дытыну», онъ выстроилъ на второй меньшей, горѣ особый замокъ и замуровалъ въ стѣнахъ его Марию съ ея «дытыною». Оттого и гора эта зовется «дытынцемъ». Богъ покаралъ за это ревниваго старика: онъ погибъ въ войнѣ, которую велъ противъ Шведовъ.

Разсказъ этотъ, который удалось намъ слышать въ Свырьдовкѣ, отъ лица, близко стоящаго къ сельскому населенію, очевидно приуроченъ къ мѣстности, называемой Мазепинымъ замкомъ. Что въ немъ есть правдоподобнаго и насколько вѣрно присвоеніе имени Мазепы городку у Свырьдовки, — пусть рѣшаютъ историки и археологи.

А. Русовъ.

149. **МАЗЕПИНЪ ДОМЪ** *).

Въ числу историческихъ памятниковъ XVII столѣтія въ Черниговѣ самымъ сохранившимся и примѣчательнымъ по своей архитектурѣ и крѣпости постройки можно отнести домъ, — бывшая войсковая канцелярія, Гетмана Малороссіи, Мазепы. Лежитъ онъ въ южной окраинѣ города на природной сплошной грядѣ, которая тянется вплоть до Дибра, параллельно такъ называемому «старому шляху» кievскому.

*) Благодаря любезному согласію г-на Журавскаго, перепечатаемъ №№ 149—152 изъ его книжки „Народныя легенды. І. К. Журавскій. Черниговъ, 1890 г.“ а №№ 153-й изъ іюльской книги „Кіевской Старины“ за 1893 г. Г-нъ Журавскій придавъ слыханнымъ имъ преданіямъ стихотворную форму. Было-бы весьма желательно, чтобы кто либо записалъ эти преданія точными выраженіями разсказчиковъ и доставилъ свои записи для напечатанія въ нашемъ изданіи.

Каждый историческій памятникъ имѣетъ свои народныя преданія и легенды, тѣсно связанныя съ исторією тѣхъ лицъ, коимъ они, эти памятники, принадлежали, или въ память которыхъ воздвигнуты. Въ числѣ легендъ дома Мазепы существуетъ одна, чисто народная, изображающая страданія бѣдной дѣвушки (Кочубей—какъ нужно догадываться). Бросивши отцовскій домъ, она ушла къ Гетману, за что была проклята родною матерью, а душа ея по смерти осуждена на вѣчное скитаніе. Другое преданіе, что душа (проклятая) осуждена стеречь клады, спрятанныя Мазепою въ подвалахъ своей канцеляріи,—клады (скарбы), взятые имъ у полковника. И вотъ душа, осужденная стеречь эти клады, каждый годъ въ ночь подъ «Пречысту» блуждаетъ по землѣ въ образѣ женщины и проситъ встрѣчнаго, чтобъ осынили ее святымъ крестнымъ знаменьемъ; и тогда только снимется съ нея проклятіе матери.

Легенда. У Пречысту саме въ пивничъ, якъ ще пивень не спивае, вкругъ будынку гетманського ябась постать похожае... Вся въ золоти... довги косы, мовъ гадюкы зъ плечъ спадають; биле чоло—розубрано клейнодамы, що й такъ сяють. Ти клейноды такъ и зорять, вылыскують въ ночи темной... (Люде кажуть, що то скарбы ти—що Гетманъ позаховавъ...) Ходыть постать, кого стрине, просыть вняты ййи мукамъ и хрестомъ святымъ преславнымъ охрестыты... (знять покуту.)

Преданіе. Кажуть: здавна, якъ той Гетманъ, що згубивъ Украйны славу, якъ съ своими козаками утикавъ винъ у Молдаву,—съ тый поры и постать-видьмо въ льохахъ темныхъ все блукае, а на пивночъ у Пречысту вкругъ будынку похожае... Стерегты вова ти скарбы за покуту тяжку мусыть... Тыльки разъ въ кожду Пречысту знять хрестомъ покуту просыть...

Бо якъ хто хрестомъ преславнымъ благословить клятѣ душу,
то ти скарбы и клейноды генъ розсыпатыся мушуть...

Существуетъ еще разсказъ, слышанный мною отъ крестьянъ с. Золотинки. Указывается мѣсто между сс. Слабынымъ и Бозерогами—на поляхъ отрыты плугомъ остатки каменнаго зданія, чуть виднаго изъ земли, безъ выходовъ и отверстій, сложеннаго изъ дикаго камня, связаннаго цементомъ. Здѣсь тоже видѣли по ночамъ (по разсказамъ стариковъ) женскую «постать» всю въ золотѣ, «такъ и йсея», по мѣстному выраженію. Но тутъ остается непонятнымъ: душа-ли то «заклята» или кладъ въ образѣ существа.

Сходство двухъ разсказовъ очевидное, и заключительныя строки однѣ и тѣ-же:

А якъ третій (*) заспивае, съ тяжкымъ стопомъ: «Хреста!» въ льохахъ темныхъ пропадае...

150. ЧОРНА МОГИЛА. **)

Подъ этимъ названіемъ извѣстенъ въ Черниговѣ курганъ, стоящій въ сѣверо-западной части его, во дворѣ нынѣшняго духовнаго училища.

Преданіе объ этой могилѣ чисто народное и сохранилось оно до нашего времени еще настолько, что народъ, ожидавшій увидѣть во время раскопокъ «волшебницу-бусурменку», похороненную здѣсь, по окончаніи раскопокъ могилы, когда въ ней ничего не было найдено, разошелся съ тупымъ, упорнымъ сознаніемъ, что—«не даеця... безъ хреста ничего не буде... увійшла у землю...»

---

*) Пивень.

**) Названіе „Чорна“ означаетъ символъ, противоположный символу св. креста; отсюда „Чорна могила“, т. е. не освященная крестомъ, знаменемъ. І. Ж.

Преданіе. Найихали зъ за полудня гости непрошены... Ой не гости—орда клята, бусурмены нехрепены. Та не зъ ханомъ бородатымъ, а изъ съ ханшей молодою, уродливою, презлющей, чаривныцей проклятою... Ой у церквахъ поганыйи коней попасають, на евангельи святому овса засыпають...

Ой не витерь доли віе, то стогне, завывае... Плаче бідна зъ жалю маты, по дытнни упадае... По городу зъ гайдукамы люта ханша розйизжае, малыхъ дитокъ копытамы знарочыто розчавляє... Ой учуе те владыка, зъ монастыру вырушае, а на зустрічъ йому ханша глузуючы выйизжае та на коню на воронымъ пышаецця, грае; преподобный пихотою зъ молитвой поспивае... Якъ зустрілись—ошатнувся самъ Владыка Преподобный; отшатнувся и наперснымъ вдарывъ *) кляту бусурменку. Застогнала... Повалылась, почорнила вража сыла; такъ у землю й провалылась... Ажъ пидъ нейю загуло.

Дни и ночи йлютувалы у городи нехрепены, людей киньмы тратувалы, розпыналы бусурмены. Здовольнылись... Насыпалы високу могылу на тымъ мисти де пропала бусурменська вража сыла.

151. ПРЕДАНІЕ О ДУВЪ, НАСАЖЕННОМЪ ПРЕПОДОВНЫМЪ АНТОНІЕМЪ ПЕЧЕРСКИМЪ ВЛИЗЪ ЦЕРКВИ СВ. ІЛІИ ВЪ ЧЕРНИГОВЪ.

Съ боку холма, на которомъ находится церковь св. Іліи, растеть старый, почти засохшій громадѣйшихъ размѣровъ

*) Характерное народное выраженіе—„вдарывъ наперснымъ“—понимается не въ точномъ значеніи этого слова—ударилъ, а въ переносномъ; вдарывъ—приподвигалъ крестъ, какъ-бы ограждая себя отъ грозящаго предмета и вмѣстѣ съ тѣмъ призывая въ заступу силу святости того-же креста.

дубъ. Изъ корня выросло три совершенно отдѣльныхъ ствола, каждый въ полтора человѣческихъ обхвата; два изъ нихъ совершенно высохли, третій еще зеленѣетъ. Дубъ этотъ слыветъ за святыню, съ него берутъ кору, считая ее цѣлебной.

Преданіе. По на горахъ зъ по за лису свята церковь выглядаетъ, коло нейи та тройчатый дубъ великый поростае... Насадывъ той дубъ преславный самъ Антоній Преподобный, якъ и зъ братьей у печерахъ проживавъ винъ, богозбранный... (Дубъ могучый—слава виры, що Хрыстомъ на землю дана; а тройчатый—слава Троицы Пресвятой, непрестанна...) Вмеръ Антоній, у Києви його въ Лаври поховано; выроставъ же дубъ на славу, бачывъ вику винъ чымало! Бачывъ винъ, якъ церкву Божу нехрещены рабували, якъ иконы пресвятыи Бусурмены зневажали... Чувъ и бачывъ: обступылы його самого зрубаты; нехрещены память ченця хтили зъ дубомъ доковаты... Обступылы, сокрырамы бьютъ по дубу—«тыльки стогне»—поламалы ий сокиры. (А на дуби кровь холоде...) Отжахнулысь бусурмены, бачуть—чудо Бога Вышнихъ!... Розбижалысь нехрещены...

И стойть ще й доси (въ память) вже застарый, пошарпанный—дубъ тройчатый та похылый за (святыню) шанований... Видусиль збирались люде у печеры помолытысь, зъ дуба взять коры цілющей видъ хворобы поличытысь.

152. МОНАСТЫРЬ СВ. ТРОИЦЫ ВЪ ЧЕРНИГОВѢ.

Монастырь Св. Троицы, съ небольшою церковью Св. Ильи, расположенный на возвышенности, посвященной прежде названію Балдиныхъ горъ, принадлежитъ къ числу древнихъ историческихъ памятниковъ, относящихся еще до времени господства Татаръ. Преданіе сохранило рассказъ о спасеніи отъ

Татарь въ одинъ изъ набѣговъ на Черниговъ Троицкаго монастыря чудомъ Божьей Матери, вызванными молитвами одного старца-монаха, имя котораго въ преданіи не уцѣлѣло.

Преданіе. Темна хмара ростягнулась, небо закрывае; на монастырь орда-хмара видъ полудня наступае... Орда городъ заступае, зрабувала церкви; скаженіе и лютое въ червонымъ бенкетн. У пожежи весь палае городъ, (хмару нагривае); орда риже и мордуе у новолю забирае... Здовольнылась орда хмара городъ рабуваты, потягнула на монастырь святыи руйнуваты... У монастыри святому ченци Бога молятъ, молятъ Троицу Пресвятую стать имъ въ оборону. Тыльки старецъ преподобный занедужавъ, не выходить и й у келіи свой маты Божу молыть. Вниъ молывся не за себе, а за „церковку“ святую, щобъ не даза Божа Маты тамъ иконы зневажаты. Заступыла Божа Маты и прыказуе старому: йты церковь ратуваты, орду прогоняты... И выдужавъ старецъ сывыи, вышовъ зъ келіи святойи—попрощатысь, помолытысь разомъ зъ братьею своею... Помолывшысь, попрощався, вышовъ глянуть за монастырь, а тутъ орда обступыла—«ратуй церкву, Божа Маты!» И о чудо! Свята церковь въ землю заховалась, а орда якъ божевильна генъ порозбигалась...

Рассказывается еще въ преданіи, что скрывшаяся подъ землю «церковка» появилась снова въ день св. Ильи, почему будто и названа Ильинскою—во славу этого пророка. Преданіе это исключительно относить къ св. Троице-Ильинскому монастырю нельзя, ибо передававшиі этотъ рассказъ монахи (одинъ старикъ и другой—Харьковскаго Куряжскаго монастыря) спорили: одинъ относилъ его къ церкви св. Ильи, а другой къ Елецкому Монастырю—къ какой-то капличкѣ—«церковкѣ», въ которой хранилось чудотворная икона Божьей Матери, нынѣ обрѣтающаяся въ Харьковѣ. Въ мѣстномъ преда-

ни, насколько удалось его прослѣдить и разузнать, дѣйствительно подтверждается фактъ исчезновенія и появленія церкви, какой — неизвѣстно.

153. ПРЕДАНИЕ О ВОЛОТѢ „ЗАМГЛАЙ“ *).

Проѣзжающему по шоссе, что соединяетъ два губернскихъ города, Черниговъ и Могилевъ, верстахъ въ 40 отъ перваго, съ обрыва открывается безконечная даль. Предъ вами цѣлое море зелени самой разнообразной и по характеру и по колориту, кое-гдѣ перебитой словно серебряными блестками — узкими свѣтящимися полосками воды; а тамъ... далеко на горизонтѣ синева сосновыхъ лѣсовъ, мягкая бархатистая, пріятно заскакивающая глазъ, и нѣтъ, кажется, конца ей!... Предъ вами болото — «Замглай!»

Было когда то время на этомъ широкомъ, теперь цвѣтистомъ, коврѣ пещла свои воды широкая и глубокая рѣка. Кипѣла по берегамъ ея жизнь — торговая, судоходство..., но это же самое время затерло слѣды этой жизни, оставивъ лишь жалкіе остатки догадокъ о быломъ.

Много-ли могутъ сказать намъ теперь находимые по берегамъ Замглая остатки: якоря, сгнившія бревна съ большими двойными гвоздями такъ наз. спивами, и другія мелкія принадлежности мелкихъ судовъ?!

Вѣка прошли... Дѣды отошли въ область забвенія, но внуки ихъ и дѣти твердо помнятъ, держать въ завѣтѣ ихъ слово живое — это «казки батькивъ»; и вотъ въ этой народной сокровищницѣ сохранилось преданіе о рѣкѣ Замглай — объ ея ширинѣ и глубинѣ.

---

*) Болото Замглай находится въ Черниговской губ. Городнянскаго уѣзда.

Записывая это преданіе отъ старика-крестьянина, я не имѣлъ совѣтъ въ виду впоследствии излагать его въ стихотворной формѣ. Сами собой вылились эти стихи и именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ чувствовалась какая то гармонія въ самомъ разсказѣ старика, самъ собой сложился и размѣръ; я старался лишь сохранить цѣлыя выраженія и слова.— Старикъ разсказчикъ—крестьянинъ, дворовый человѣкъ, побывавшій съ своимъ бариномъ въ качествѣ денщика въ Варшавѣ, отчего и слышны слова, занесенныя съ польскаго языка.

Вотъ что гласить эта легенда:

«Буду колысь!... Текла отутъ широка быстрая вода; у море генъ а мо' въ Днипро зносыла хвыли... И здаля бували тутъ и байдаки, байдары, судна... А теперь усе повіялось кудысь. Замглай широкий пересохъ; зарисъ ракитою, лозою и лисомъ-боромъ въ берегахъ. Багно та нетры,—де вночи блука голодный вовкъ, гуде, шука поживы; а удень щибечуть пташкы у кущахъ, куде зузуля на верби; та часомъ чайка надъ багномъ заквылыть жалибно отакъ и понесе той сумъ луна далеко въ нетры та и тамъ загубыть десь... Вгори орелъ літа вкругы, мовъ зорыть вниъ широкий, дужый та рясный весной заквитчаний Замглай—зелене море; и по нимъ де-де маячать викови столитни сосны, мовъ свидкы колышней славы та жыття...

Буду колысь!... Де бувъ Замглай, теперь тамъ нетры та багно. Таке зробыла удова за смерть свой ридній дочкы. Давно-давно було колысь! Жыла въ сели собі вона; того не знаю: де и якъ,—по надъ Замглаемъ тилько тутъ зъ дочкою гарною такой, що слава та росла що-день и розійшлась, якъ мовъ весной самъ дужый той Замглай не плывъ. Вдова уродою дочкы пышалась дуже, берегла йїи якъ око!...

Хто-жъ те зна—де горе ходыть?—а бува його не ждалы, а воно отуть, якъ тутъ!... У ричди вразъ дивчата тамъ купалысь вси, утопла вдовына йидна...

Ой не чайка ранымъ-рано стогне-нудыть надъ Замглаемъ; плаче бидна удивонька, свою доню выглядае... День вже третій, а ще й доси,—якъ утопла, не зрывае; бидна маты зъ горя того що робыты вже не знае... И не плаче, бо и слезы дрибни зъ горя вже не ллюцця; и не стогне, бо и сердце вже у грудяхъ мовъ не б'єцця...»

И сидить б'єдная мать, дожидая, что выдасть р'єка т'єзо ея дочери. Отъ изнеможенія она почти застыла; восходящее солнце будить ее, съ жалобомъ обращается она къ р'єкѣ:

«Ой ричко широка зъ далекого краю, ой ты и глыбока, тебе-жъ я не знаю! Ой я тобі, ричко, *даному* носыла, ой за що-жъ ты доню мою утопыла?... Де-жъ ты мою доню, де ты заховала, чомъ разомъ изъ нею мене ты не взяла? Ой ридный Замглаю, широкий та дужый, не вынесешъ дони,—возьмы мою душу!...»

Напрасны мольбы б'єдной матери,—отвѣта нѣтъ! Гуляеть лишь в'єтеръ сердитый, навѣвая ей черныя мысли, да—

«Ходыть хвыля по Замглаю, у просторомъ знай гуляе; одна другу генъ у море ажъ у сыне зазывае... може доси дивчыноньку въ саме море вже й заслала, або може уродлыву въ очеретахъ заховала?! Або може русалочки на гуляночкахъ за косы, за шовкови, дивчыноньку у корчагы за-таскали... А тамъ рыба, тамъ йій п'єявки, тамъ и раки доси выплысь...

Бидна маты! твой дони вся краса вже помарнила. Посынило биле лычко; ой закрылысь ясни очи! Уже й не зглянуть, не зазорять та й пикому середъ ночи...»

Другой вариантъ исчезновенія тѣла гораздо интереснѣе.

«Ой не плачь ты, удово, не джидешся, бидна! Десь краса твой дони Замглаю прыхыльна.... незабаромъ межъ нымы найкращу винъ зъочывъ; бачъ, гуляе вже старый тры дни и тры ночи. Розгулявся шырокий, радіють йй хвыли! Не йидну вже й байдару розбылы, втопылы. А твою, мабуть, доню сховавъ десь глыбоко; ой не зглянуть, удово, тоби карооку!...»

Этой картины сердце матери не въ состояніи вынести; оно отъ боли нестерпимой залилось желчью. Въ ней пробуждается жажда мести. Но чѣмъ же мститъ рѣчку—неодушевленному, недоступному никакимъ страданіямъ предмету? И вотъ тутъ-то мать своею внутреннею силою души («сама по собі») обращается въ «чаривныцю», чтобъ своею власгью быть въ состояніи сдѣлать зло. Она закликаетъ рѣку, т. е. съ проклятіями соединяетъ дѣйствія.

Она бросаетъ въ рѣчку слѣдующіе предметы:—*миску* или вообще какую нибудь плоскую посуду, *) повторяя при этомъ слова проклятія: «ой будь же проклята ты, ричко шырокая, глыбокая! будь проклята ты до вику, до страшного суду!» *лозовую палку*,—отчего рѣка порастаетъ лозой и, наконецъ, *чесальный гребень* (какимъ лень чешутъ),—отчего рѣка зарастаетъ густымъ непроходимымъ лѣсомъ; и каждыи разъ повторяетъ слова проклятія.

Проклятіе матери—«чаривныци» сбылось; такъ гласитъ народное преданіе... И дѣйствительно еще и теперь стоятъ по Замглаю лѣса—дремучіе боры.

Изъ другихъ остатковъ старины сохранились по берегамъ Замглая такъ наз. «Городки»,—это возвышенныя про-

---

*) Отъ этого рѣка мѣлѣетъ.

странства, обруженныя рвомъ и валомъ съ однимъ или двумя выходами. Еще на памяти дѣдовъ, передававшихъ мнѣ разсказъ крестьянъ, городки эти были заняты шайками разбойниковъ подъ предводительствомъ атамановъ, прозванныхъ почему то очень своеобразно—*телепнями*; разбой свои они совершали оригинальнымъ образомъ: шайка располагалась «курень» возлѣ «шляха», и, какъ знакъ своего господства, телепень выставлялъ на дорогу булаву или копье; всякій прохожій или проѣзжій обязанъ былъ зайти въ курень атамана «поклониться»—т. е. заплатить дань. Кто не исполнялъ этого и проходилъ мимо, тотъ подвергался совершенному ограбленію, въ назиданіе другимъ.

Телепень, по народному повѣрію, считался знахаремъ и былъ заговоренъ отъ пули и отъ другихъ «напастей».

Разсказчики, старики—крестьяне, хвалились, что ихъ предки—дѣды считаются освободителями окрестныхъ селъ отъ шакъ разбойниковъ. Дѣло было во время ледохода. Повстрѣчались на мосту главный телепень и крестьянинъ и поздоровались; послѣдній, уловивъ минуту, ударилъ сзади телепня дощечей, отчего тотъ свалился въ рѣку и льдомъ заперло его. По смерти главнаго телепня шайки разбѣжались.

И. Журавскій.

ХІІІ.

СКАЗКИ ФАНТАСТИЧЕСКІЯ, ИГРА СЛОВЪ И ОСТРОУМІЯ.

154. ВЕДМИДЬ, ДИДЬ ТА ЛЫСЫЦЯ.

Гналысь охотныкы за ведмедемъ, а ведмидь прыбигъ до
дида та й каже:

— Диду, диду, сховай мене!

Дидъ исховавъ його пидъ возомъ; прыбиглы охотныкы,
пытають, чы не було тутъ ведмедя; дидъ каже, що не ба-
чывъ. Тилькы одійшлы охотныкы, а ведмидь и каже:

— Диду, диду, я тебе ззимъ! Диду, диду, я тебе ззимъ!

А лысыця вылизла зъ норы та й каже:

— Ди-иду!

— Чо-го?

— Що въ тебе пидъ возомъ?

— Ъо-олодочка.

— Якъ-бы колодочка, то-бъ на вози лежала.

— Положы мене, диду, на визъ,—каже дидови ведмидь.

Дидъ и положывъ його на вози. А лысыця вылизла зъ
норы та й каже:

— Ди-иду!

— Чого?

— Що въ тебе на вози?

— Колодочка.

— Якъ-бы колодочка, то бѣ увязана була.

— Увьяжы мене,—каже ведмидь дидови.

Дидъ увязавъ. Лысыця вылила зъ нирки та й каже:

— Ди-иду!

— Чо-ого?

— Що въ тебе на вози?

— Ко-олодочка.

— Якъ-бы колодочка, то-бѣ сокрыя стремила.

— Ну, востромляй, диду, та помаленьку,—каже ведмидь.

Дидъ якъ рубонувъ його по голови, такъ и розвалывъ черепъ.

(С. Нижняя Сыроватка Сумского у. Харьк. губ.)

Рудченко, Сказки, I, № 8. Лысыця, ведмидь и мужыкъ.

155. ЯТЛЫКЪ—КУМЪ И ЛЫСЫЦЯ—КУМА.

Вывивъ ятлыкъ дитокъ и забавивъ винъ ихъ похрестыть.

Отъ летыть та: «никъ-пикъ! хто буде мене кумою—хто похрестыть мене дитокъ?»—«Я буду кумою, я похрещу дитокъ!» озвалась лысыця. Отъ и повивъ йийи ятлыкъ до своего гнизда. Лысыця й каже: «леты-жъ ты, ятлыку, въ лисъ, а я сама буду хрестыть!» Ятлыкъ и полетивъ.—Лысыця скорипшъ до гнизда та за ятлынятко... потимъ за друге, трете, такъ йистъ!... Ятлыкъ прылетивъ та й пытаецця: «а що, вже похрестыла?»—«Та вже похрестыла, тилькы одно осталось!» Ятлыкъ хотивъ подвыщця, якъ вона тамъ ихъ хры-

стыть, та й глянувь до гнизда, -- колы лысычка уже останне держыть у роти; ятлыкъ якъ заплаче!...

Отъ ставъ винъ тоди думать, якъ-бы одячыть за це лысыци, и надумавъ...

Заразъ полетивъ до хорта та й каже йому: «піймай лысыцю, я покажу тобі ййи нору!» — «Нагодуй хыба мене, такъ тоди піймаю!» — одмовывъ хортъ. — «Нагодую!» — сказавъ ятлыкъ, — «иды тилькы за мною!» Отъ и пишы; колы це несутъ бабы на базарь пироги, паляныци, сметану. Ятлыкъ сивъ попередъ бабивъ та й скака.

Бабы поставлялы все та й ловлять ятлыка; вони такъ блызко до його надійдуть, то винъ тоди й пидлетыть трохи; бабы впяять за нимъ; а хортъ йистъ, йистъ усе.

Ятлыкъ глянувь назадъ, колы вже хортъ стойить — не хоче йисты. Винъ прылетивъ до його; хортъ каже: «теперь же мене напій!» — «Напою; тилькы йды за мною!» — сказавъ ятлыкъ.

Отъ и полетивъ ятлыкъ на панську загороду; колы тамъ коровныци саме дойлы коровы та й идуть зъ молокомъ. Ятлыкъ сивъ напередъ ихъ та й скака; коровныци поставылы дйныци та й стали ловыть ятлыка; отъ-отъ піймають, а винъ и пидлетыть трошкы; коровныци впяять за нимъ; а хортъ глыта, глыта молоко. Якъ хортъ напывся молока, ятлыкъ прылетивъ до його та й пишы вони шукать лысыцю. Ятлыкъ скоро лысыцю знайшовъ; хортъ и погнався за нею; отъ-отъ дожене... лучылось бигты йимъ черезъ дорогу, а тамъ стоявъ зъ возомъ чоловикъ; винъ побачывъ лысыцю та й кывувъ на нейи дрючокъ; не понавъ лысыцю та хорта и вбывъ...

Ятлыкъ якъ почавъ тоди плакаты!... Та й каже чоловикови: «на що ты вбывъ хорта? я теперь тобі все побью!» Та заразъ скочывъ на кобылу та й блюе въ лобъ. Чоловикъ злякався та за сокрыу та й хотивъ ударыть ятлыка, ятлыкъ пурхнувъ, а чоловикъ кобылу... и

вбывъ. «А що!»—крыкнувъ ятлыкъ и полетивъ до хаты того чоловіка; чоловікъ и соби додому. Ятлыкъ сивъ на вибно та й клюе, а чоловікъ хотивъ его вдарыть та й выбывъ вибно... Ятлыкъ тоди сивъ на голову дытны та й клюе; чоловікъ хотивъ одигнать його та й кынувъ палку та по дытны и вбывъ. Чоловікъ ставъ плакать.

Ятлыкови стало жалъ того чоловіка, винъ и полетивъ та бильшъ и не займавъ його.

(Записано отъ парубка Михайла Голуба въ с. Нижней Сыроваткѣ Сумскаго уѣзда, въ 1885 г.)

156. ДИДЬ ТА БАБА.

Якъ живъ соби дидъ та баба, та була въ ихъ курочка ряба, та й знесла та курочка яечко; яечко не простеньке—золотеньке; дидъ бывъ, бывъ—не розбывъ, баба была, была—не розбыла; мышка бигла, хвостыкомъ махнула, яечко упало та й розбылось; дидъ плаче, баба плаче, курочка кудкудаче, а воритця скрыпочуть. Прылетила сорока та й пытае у воритець: «воритця, воритця, чого вы скрыпочете?» Воритця й кажуть: «якъ-бы ты знала, то-бъ на соби пиръячко обирвала!»—Якъ?—«А такъ: якъ живъ соби дидъ та баба, та була въ ихъ курочка ряба, та й знесла та курочка яечко; яечко не простеньке—золотеньке; дидъ бывъ, бывъ—не розбывъ; баба была, была—не розбыла; мышка бигла, хвостыкомъ махнула, яечко упало та й розбылось; дидъ плаче, баба плаче, курочка кудкудаче, а воритця скрыпочуть.» Сорока й обирвала на соби пиръячко та й сила на дубочка; а дубочокъ и пытае: «на що ты, сороко, на соби пиръячко обирвала?»—Э, якъ-бы ты знавъ, то-бъ на соби гиллячко опуствы и лыстячко обирвавъ.»—Якъ?—«А такъ: якъ живъ соби дидъ

та баба, та була въ йихъ курочка ряба, та знесла курочка яечко; яечко не простеньке—золотеньке; дидъ бывъ, бывъ—не розбывъ; баба была, была—не розбыла; мышка бигла, хвостыкомъ махнула, яечко упало и розбылось; дидъ плаче, баба плаче, курочка кудкудаче, а воритця скрыпочуть.» Дубокъ и опустывъ гиллячко и лыстячко на йому обсыпалось. Пасся баранецъ пидъ дубкомъ и пытае: «дубочокъ, дубочокъ, на що ты на соби гиллячко опустывъ?»—Э, якъ-бы ты знавъ, то-бъ и рижкы позбывавъ.»—Якъ?—«А такъ: якъ живъ соби дидъ та баба, та була въ йихъ курочка ряба, та знесла курочка яечко; яечко не простеньке—золотеньке, дидъ бывъ, бывъ—не розбывъ; баба была, была—не розбыла; мышка бигла, хвостыкомъ махнула, яечко упало и розбылось; дидъ плаче, баба плаче, курочка кудкудаче, а воритця скрыпочуть.» Отъ баранецъ и позбывавъ на соби рижкы та й пишовъ до крыныци пыты воды; а крыныця й пытае: «баранецъ, баранецъ, на що ты на соби рижкы позбывавъ?»—Э, якъ-бы ты знала, то бъ и замуравылась!—«Якъ?»—А такъ: якъ живъ соби дидъ та баба, та була въ йихъ курочка ряба, та знесла курочка яечко, яечко не простеньке—золотеньке; дидъ бывъ, бывъ—не розбывъ; баба была, была—не розбыла; мышка бигла, хвостыкомъ махнула, яечко упало и розбылось; дидъ плаче, баба плаче, курочка кудкудаче, а воритця скрыпочуть.» Отъ крыныця й замуравылась. Прийшла попова наймычка воды браты до крыныци та й пытае: «крынычко, крынычко, чого ты замуравылась?»—Э, якъ-бы ты знала, то бъ и видра побыла!—Якъ?—«А такъ: якъ живъ соби дидъ та баба, та була въ йихъ курочка ряба, та й знесла та курочка яечко, яечко не простеньке—золотеньке; дидъ бывъ, бывъ—не розбывъ; баба была, была—не розбыла; мышка бигла, хвостыкомъ махнула, яечко упало и розбылось; дидъ плаче, баба плаче, курочка кудкудаче, а воритця скрыпочуть.» Наймычка

й побыла видра. Прыходе до дому, а попада й пытае: «на що ты видра побыла?» — Э, якъ-бы вы знали, то-бъ и косы на соби обирвалы! — «Якъ?» — А такъ: якъ живъ соби дидъ та баба та була въ ихъ курочка ряба; та й знесла та курочка яечко, яечко не простеньке — золотеньке; дидъ бывъ, бывъ — не розбывъ; баба была, была — не розбыла; мышка бигла, хвостыкомъ махнула, яечко упало та й розбылось; дидъ плаче, баба плаче, курочка кудкудаче, а воритця скрыпочуть.» Отъ попада и обирвала на соби косы, а пипъ и пытае: «На що ты на соби косы обирвала?» — Э, якъ-бы ты знавъ, то-бъ усихъ святыхъ зъ церкви повыносивъ и людей повыганявъ.» — «Якъ?» — А такъ: якъ живъ соби дидъ та баба та була въ ихъ курочка ряба, та й знесла та курочка яечко, яечко не простеньке — золотеньке; дидъ бывъ, бывъ — не розбывъ; баба была, была — не розбыла; мышка бигла, хвостыкомъ махнула, яечко упало та й розбылось. Дидъ плаче, баба плаче, курочка кудкудаче, а воритця скрыпочуть.» Отъ пипъ и повыганявъ людей изъ церкви и всихъ святыхъ повыносивъ.

(Записано отъ парубка въ с. Нижней Сыроваткѣ Сумскаго у. Харьк. губ.)

Сравн.: Манжура, «Сказки», стр. 6.

157. ЗЛА МАТЫ ТА СЫНЪ, ЩО ПОВЫВЪ ЗМІЙИВЪ.

Бувъ соби чоловікъ та жінка, а у нихъ була кобыла; отъ жінка породила сына, а кобыла привела конька; чоловікъ и подарувавъ сынови те лошятко, а самъ незабаромъ умеръ. Рoste той хлопчикъ, росте й кинь, и вырись хлопчикъ уже такой, що ставъ у школу ходыть; у школу йде, то зайде до коня и зъ школы йде, то зайде. А до тіей жінкы та литавъ змій; отъ винъ разъ прылетивъ та й каже:

— И литавъ-бы я до тебе, такъ боюся твого сына й духу; якъ-бы його звесты, тоди-бъ литавъ.

— А якъ же його звесты?

— Я дамъ тобі сала, то ты навары йому борщу съ тымъ саломъ, то такъ и вмире.

Давъ змій сала.

Отъ иде той хлопець изъ школы та й зайшовъ до коня, ажъ кинь за копыта въ землю вбывся; хлопець ставъ його лаять.

— Не лай мене,—каже кинь,—якъ мени не вбывацця, колы я потугу чую.

— Яку-жъ ты потугу чуешь?—пыта хлопець.

— А таку: якъ насыпе маты тобі борщу, то ты не йижъ та за вибно выльй, бо якъ попойисы, то билшъ тобі не жыть.

Насыпала маты борщу; отъ хлопець не йивъ та й выльвъ за вибно; де не взявся собака, попойивъ того борщу та заразъ и пропавъ; иззивъ хлопець шматокъ хлиба та й пишовъ, заплакавши, съ хаты. Прилетивъ змій та й пыта:

— А що?

— Выльвъ борщъ за вибно, а собака попойивъ та заразъ и здохъ.

— Ну, я тобі дамъ порошокъ, то ты всыпъ йому у чай.

Ишовъ хлопець изъ школы та й зайшовъ до коня, ажъ кинь по колина вбывсь у землю; хлопець ставъ його лаять.

— Якъ мени не вбывацця, що я потугу чую,—каже кинь.

— Яку-жъ ты потугу чуешь?

— Якъ будуть тобі подавати чай, то ты не пий та за вибно выльй.

Увійшовъ хлопець у хату; йому маты й поставыла чаю; отъ винъ не пывъ та й выльвъ за вибно; де не взявся

собака, полызкавъ, полызкавъ та заразь и здохъ; а хлопецъ иззивъ шматокъ хлиба та й пишовъ, заплакавши, съ хаты.

Прылетивъ змій та й пыта:

— А що?

— Выливъ чай за викно, такъ собака полызкавъ та тамъ и здохъ, — каже жинка.

— Ну, я тоби уцѣять дамъ сала, то ты йому напечешъ пырогивъ.

Иде хлопецъ изъ школы та й зайшовъ до коня; ажъ кинь по череву въ землю вбывся; хлопецъ ставъ його лаять.

— Якъ мени не вбываця, колы я потугу чую! — каже кинь.

— Яку-жъ ты потугу чуешъ? — пыта хлопецъ.

— Якъ подасть маты тоби два пырогы: одынъ великый, а другый маленькый, то ты маленькый изживъ, а великый за викно выкынь.

Увійшовъ хлопецъ у хату, маты й подала йому два пырогы: одынъ великый, а другый маленькый; отъ винъ маленькый изживъ, а великый за викно выкынувъ; де не взявся собака, иззивъ той пыригъ та заразь и пропавъ; а хлопецъ заплакавъ та й пишовъ съ хаты. Отъ змій прылетивъ та й пыта:

— А що?

— Маленькый изживъ, а великый за викно выкынувъ.

Тоди змій и догадався, що то все кинь каже, та й каже:

— Треба коня попереду звесты, а тоди й його не трудно буде.

Отъ маты приставылась хворою та й каже:

— Якъ бы ты, сыну, заризавъ коня та помазавъ його сердцемъ проты мого сердца, то я-бъ одужала.

— Ну, мамо, хочъ пройнду я на йому по двору, а тоди й заризу.

Маты вийшла съ хаты на поригъ, а сынъ пройихавъ разъ та й пыта:

— А що, гарно?

— Гарно, — одказала маты.

Пройихавъ удруге та й пыта:

— А що, гарно?

— Гарно.

Пройихавъ утрете та й пыта:

— А що, мамо, гарно?

— Гарно, сыну.

— Будь-же ты, мамо, трычи проклята! — сказавъ та й пойихавъ зъ двору. Выйихавъ у поле, пустывъ коня, а самъ загорнувся у шкуру та й лигъ на дорози. Йихавъ царь до-рогою, колы дывыця — лежыть щось у шкури; винъ пад-йихавъ та й пыта:

— Хто тутъ такый?

— Не знаю!

— Хто тутъ такый?

— Не знаю!

— Хто тутъ такый?

— Не знаю!

Царь положывъ його на визъ та й пойихавъ додому, а дома пидкынувъ його пидъ прыщочекъ, — тамъ винъ соби й живъ.

Було у того царя тры дочки; отъ найменча й полю-была його. Царь такый тоди ставъ сердытый, каже, що «ни-чого й не дамъ, якъ за його йтymesъ.»

Колы це переказуе якийсь змій цареви, щобъ винъ або тры возы золота давъ, або старшу дочку на пожырення. Де скільки золота взять? стали ййи выряжать. Одправылы мо-лебинь, нарядылы та й одвезлы у поле въ шатро. А Иванъ вылизъ изъ шкуры, вийшовъ у поле та якъ свысне! — пры-бигъ до його кннь; винъ сивъ на його та й пойихавъ до шатра; увійшовъ у шатро та й каже царивни:

— Съкай мени у голови, а якъ буде гремитъ та стугонить та гыскры сыпатымуцця, то ты штрыкнешъ мене у бикъ шыломъ, щобъ я прокынувся.

Ськае йому царивна, колы це якъ застугонить, якъ посыплюцця гыскры,— царивна й стала плакать; сльоза впала на лице Иванови, а винъ и прокынувся. Змій прылетивъ та й каже:

— Ху, якъ руська кость воя.

— Заволя ще й съ тебе!

Отъ и пишли на гору быцця. Якъ ударывъ змій, такъ и вичого, а якъ ударывъ Иванъ змія, такъ по колина вбывъ у землю. Якъ ударывъ змій, такъ тилкы по кисточки вбывъ у землю, а якъ ударывъ Иванъ змія,—такъ по поясъ вбывъ у землю. Якъ ударывъ утрете змій, такъ по колина вбывъ у землю, а якъ ударывъ Иванъ змія, такъ по шыю вбывъ у землю и голову йому одрубавъ. Царивна тоди и перевязала йому руку червоною стьожкою, а винъ пишовъ додому, загорнувся у шкуру та й полизъ пидъ прыпичокъ.

Колы це прысылае другый змій, що хочъ тры возы золота дай, хочъ середульшу дочку на пожыренія. Стагы выряжать, зибрагы родычивъ, одправылы молебинъ та й одвезлы въ поле у шатро. А Иванъ вылизъ изъ шкуры, выйшовъ у поле та якъ свысне!—прыбигъ кинь, винъ сивъ па його та й поихавъ до татра; увійшовъ до царивны та й каже:

— Съкай мени у голови, а якъ буде гримотить та стугонить та гыскры сыпатымуцця, то ты штрыкны мене пидъ бикъ шыломъ, то я й прокынуся.

Ськае йому царивна, колы це якъ застугонить, якъ загуде, якъ посыплюцця гыскры,—царивна й стала плакать: сльоза внала на лице Иванови, виць и прокынувся. Змій прылетивъ та й каже:

— Ху, якъ руська кость воня!

— Завоня ще й съ тебе!

Отъ и пишлы на кам'яну гору быцця. Якъ ударывъ змій, такъ и ничего, а якъ ударывъ Иванъ змія, такъ по колина вбывъ у каминь. Якъ ударывъ змій удруге, такъ тилкы по кисточки вбывъ у каминь, а якъ ударывъ Иванъ змія, такъ по поясъ вбывъ у каминь. Якъ ударывъ тоди змій, такъ тилкы по колина вбывъ у каминь, а якъ ударывъ той змія, такъ по шыю вбывъ у каминь и голову одрубавъ. Царивна перев'язала йому руку зеленою стьожкою, винъ и пишовъ додому.

Колы це прысылае третій змій, що або тры возы золота, або найменчу дочку на пожаренія. Царевнѣ не жалъ ййи було, винъ и молебннѣ не одираывъ, такъ и одвизъ у поле. Иванъ выйшовъ у поле, свыснувъ, прыбигъ кинь; винъ сивъ на його, прыйихавъ до шатра, тоди увійшовъ туды та й каже:

— Събай мени у голови, а якъ буде гримотить та гыскры сыпатымуцця, то ты штрыкны мене нидъ бикъ шыломъ, то я й прокынуся.

Ськае йому царивна, колы це якъ загримотить, якъ посыплюцця гыскры, вона й стала плакать; сльоза впаала йому на лице, винъ и прокынувся. Змій прылетивъ та й каже:

— Ху, якъ руська кость воня!

— Завоня ще й съ тебе!

Отъ и пишлы на чавунну гору быцця. Якъ ударе змій, такъ зразу вбывъ по колина въ чавунъ, а Иванъ якъ ударывъ, такъ и ничего; а змій якъ ударывъ, такъ по поясъ вбывъ у чавунъ. а Иванъ якъ ударывъ, такъ тилкы по кисточки вбывъ змія у чавунъ; а змій тоди якъ ударывъ, такъ по поясъ и вбывъ у чавунъ. Иванъ тоди вп'ять якъ ударывъ, такъ по колина вбывъ змія у чавунъ; а змій якъ ударывъ,

такъ по шую вбывъ у чавунъ. Винъ тоди дывыпця, що
лыхо, такъ якъ плыгнувъ на змїя, такъ його й затоптавъ.
Царивна й перевъязала йому руку голубою стьожкою.

Вивъ пишовъ додому, зализъ пидъ прыпичокъ та й
высунувъ незнарошне руку видтизя, а на тїй руци тры
стьожкы. Старша царивна побачыла та й каже:

— Ось де та стьожка, що я перевъязала, ось идить!

Середульша царивна прийшла та й каже:

— А ось та стьожка, що я перевъязала!

А найменша каже:

— А ось де та, що я перевъязала.

Сказали цареви; царъ такой радый и дочку тоди вже
оддавъ за його; живутъ вони соби и хлїбъ жують.

(С. Нижняя Сыроватка Харьковск. губ. Сумскаго у. отъ дивчины.)

158. ЗЛА МАТЫ ТА СЫНЪ.

У якомусь царствї та живъ царъ изъ царицєю и въ
нихъ була дочка, и тїй дочци сказано, що у ейи родыця
сынъ. Коли вона й родыла, а царъ изъ царицєю йїи и
прогналы: дали йїи того сына на плечи, руки поодризу-
вали и сказали, щобъ вона ишла одъ йїихъ и щобъ вона
бильше не верталась.

Отъ, вона взяла того сына на плечи у торбынку и
ишла. Иде вона та й иде,—колы крыныця выкопана у земли.
Йїи схотилось дуже пыты; вона ишла и зачала пыты,—
колы йїи сынъ у торбыни крычыть:

— Добре здоровья, мамо! А умочы лышъ руки у кры-
ныцю свойи!

Вона вмочыла и стали у ейи руки. Вони тоди ишли
дали. Идутъ та й идуть,—колы стойить здоровый лїсь, а

въ тому лиси стойить такый домъ здоровый та гарный. Воны тоди пишлы у той домъ, — колы нема никого: воны й зачалы тамъ жыть.

Жывуть тамъ та й жывуть... А тому Иванови (його було звать Иванъ) и схотилось побачыть, що у хазяйстви е. Винъ и пишовъ. Ходе скризь тамъ и зайшовъ у хливець лычкомъ завъязаный, а каломъ замазаныи, и дывыцца, колы тамъ на дванадцаты цепахъ высилы дванадцать головъ змиевыхъ, и пидъ ными стойить видро воды и видро крови. Змій якъ побачывъ його, и зачавъ його просыть, шобъ давъ йому выпыть видро воды и кровь, а винъ видказаръ:

— Не я ставлявъ, не я буду й давать!

Узявъ та й пишовъ, а ти двери знову зачынывъ, лычкомъ завъязавъ и замазавъ.

Той Иванъ часто ходыть на охоту и матери усе приказуе, шобъ вона не йшла туды, де лычкомъ завъязано, а каломъ замазано. Отъ, винъ пишовъ на охоту и довго барывся, а маты його ходыла, гуляла скризь, а потимъ и подумала: «шо я за дурна, шо не пиду я туды!» И пишла туды. Колы прыходыть туды и бачыть, — змій высыть на дванадцаты цепахъ и въ його було дванадцать головъ, а пидъ нымъ стояло видро воды и видро крови. Змій якъ побачывъ ййи, то й зачавъ ййи просыть, шобъ вона йому подала воду й кровь. Вона йому подала, и винъ якъ выпывъ, то ставъ такый гарный, що маты Иванова його дуже полюбыла и почала изъ змиемъ балакать, шобъ Ивана съ свиту звесты. И прыдумалы:

— Давай мы його пошлемо по перетни, що миждо двома горами, а ти горы бьюцца одна объ одну, а поломня йде до небесъ.

Колы се прыходыть Иванъ изъ охоты, маты його лежыть така наче хвора и каже йому:

— Пойнядь, мій сынку, де гора зъ горою бьюця, а поломня иде до небесъ,—тамъ есть перстеныкы, и ты добудь мени йихъ, и може я выдужаю.

Иванъ зачавъ збираця у дорогу и пойихавъ. Коли винъ йиде та й йиде, дывыця,—хатка стойить. Винъ увійшовъ у ту хату, дывыця,—сыдыть дивка и вышывае шось.

Винъ пидійшовъ до ейи и зачавъ ййи роспытувать, куды дорога до тыхъ гиръ, що бьюця одна объ одну, а поломня иде до неба.

А вона каже:

— Возьмы мого коня, винъ туды дорогу знае.

Иванъ узявъ того коня и пойихавъ до тыхъ гиръ. Прийиздыть туды, кинь на його каже:

— А лизъ у вухо у праве!

Винъ улизъ и вынявъ видтиль бандуру. Якъ загра,—ти горы и утыхлы, винъ ускочывъ, набравъ тыхъ перстнивъ и пойихавъ. Прийиздыть до тіейи дивкы, бере свого коня и йиде до дому. Прийихавъ, дае матери ти перстни, вона йихъ забрала, позакыдала и зновъ занедужала. Посылае ще його по змійяне сало. Винъ зновъ пойихавъ и зайихавъ до тіейи дивкы, роспытуе, куды дорога до змійинога сала. А вона каже:

— Беры мого коня винъ дорогу туды знае.

Винъ узявъ того коня и пойихавъ шукать змійинога сала. А той кинь и каже йому:

— Якъ змія мовъ спатыме, то ты ейи не бый, а якъ не спатыме, то тоди ййи бый.

Отъ винъ такъ и зробывъ: якъ змія не спала, то винъ ййи якъ ужарывъ, то вона одынацять сутокъ трусилась, а на дванадцяти суткы здохла. Винъ изризавъ сала изъ змійи и пойихавъ додому. Прийиздыть додому, дае матери

сало. Вона його десь закинула и сказала, що йій не допомоглося и щобъ винъ йій доставъ ведмежого молока. Винъ по-йихавъ упъять до тией дивки, взявъ того коня и пойихавъ до ведмеdyци. Прыйиздыть туды, а кинь каже:

— Выймы шаблю, привъязжы до мойихъ ушей и йидь!

Винъ такъ зробывъ, привъязавъ шаблю до ушей и по-йихавъ. А ведмеdyця якъ побачыла и зачала просыть, щобъ воны ййи не рубалы. А воны кажуть:

— Мы тебе не будемъ рубать, а дай намъ свого подію.

Вона йимъ удойила. Винъ узывъ те молоко и пойихавъ на тыхому кони додому (у його кинь якъ ударе копытъ объ копытъ, такъ на дванадцать верстовъ голосу летыть). Прыйиздыть додому, колы маты держыть голуба, а винъ та-кый плохый, (а то бувъ змій). Винъ хотивъ його взять у руки,—а винъ вырвався и полетивъ та въ викно (викна булы одчынети) и вылетивъ. Полетивъ та на хливъ и сивъ, а Иванъ за нимъ, шабли не скинувшы. А маты каже:

— Скинь шаблю, а то урижешся.

Винъ скинувъ, а той голубъ перекинувся у змія та й убывъ Ивана, роскыдавъ його кисткы скризь по полю. Колы иде тры русалкы. Ти русалкы та булы родычи тій дивци, що винъ до ейи йиздывъ. Отъ одна каже:

— А переступлю я черезъ його по Божому велинію,—чы не сцилыця?

Переступыла, и винъ исцилывся. Отъ друга каже:

— Переступлю я черезъ його, по Божому велинію,—чы не встане винъ?

Переступыла, и винъ уставъ. А третя каже:

— А ну я переступлю по Божому велинію,—чы не заговоре винъ?

Переступыла, и винъ заговорывъ. Воны тоди понадризувалы нигтыкивъ и злипылы коржыкъ, а потимъ и ззиы.

Тоди той Иванъ пишовъ до тієї дівки, оженився изъ нею, а потімъ убывъ винъ змїя, а матиръ посадыть надъ двома цебрамы: одынъ одъ його, а другый одъ змїя. И якъ по змїєви буде плакать, такъ змїйивъ цеберъ буде повный а колы по йому, дакъ його. А самъ пойихавъ. Трохы згодомъ упъять вернувся,—колы дывыця,—змїйивъ цеберъ повный. И винъ узнавъ, шо маты його жалила по змїєви, то такъ винъ йїи й оставывъ, а самъ теперъ живе та хлїбъ жуе та постоломъ воду возе, а коромысломъ дрова носе.

(Записана въ 1885 г. въ с. Нижней Сыроваткѣ Сумскаго уѣзда Харьковской губ. отъ хлопця).

159. ЧУРЫЛО, ИВАНЪ ЦАРЕВЫЧЪ ТА ЕЛЕНА ПРЯКРАСНА.

У якомусь царствї, у якомусь государствѣ живъ собі Иванъ царевычъ. У його була жинка.

Жинка та Иванова зъ молоду була гарна и смырна, покы у ейи жила сестра Елена, а якъ змїй укравъ ту Елену, а вона заступалась за ейи, то змїй йїи и поробывъ такъ, шо вона стала змїєю и стала дуже злою.

Въ тому жъ царствї живъ сылномогучый багатырь Чурыло. Отъ Иванъ разъ прыйшовъ до Чурыла, розказавъ йому свою биду и просывъ його, шобъ винъ прыйшовъ до його вночи и провчывъ його жинку, шобъ вона його не была (а вона його все дуже была).

Отъ якъ настала ничъ, Иванъ кудысь заховався, а Чурыло пишовъ до його дому вночи и лигъ спать на Ивановыхъ кроватяхъ. Його жинка думала, шо то прыйшовъ Иванъ, и сунулась на кровати быть Чурыла.

Чурыло якъ схопывъ ййи у свои руки та якъ зачавъ ййи быть! Бывъ, бывъ,—ажъ вона й зачала просыцца:
— Пусты мене, Йване, я билшъ не буду.

Отъ винъ ййи пустывъ, а самъ скоро побигъ, шобъ вона не пизнала його й не была упъять Ивана. На другой день прыйшовъ Иванъ додому, вона стала така заскава и одъ тыхъ пиръ уже не была Йвана, а просыла його, шобъ винъ доставъ йй сестру Елену прекрасну. Иванъ пообищався достать.

На другой день винъ пишовъ до Чурыла и зачавъ совѣщацца, якъ бы достать Елену изъ змѣевыхъ рукъ. Отъ Чурыло й почавъ йому казать:

— Не йидь ты, Йване-царевычу, я поййду, а ты абыде заховайся и жды, покы я прыйиду.

Иванъ заховався кудысь далеко одъ дому, а Чурыло взявъ осидлавъ коня, набравъ у торбу хлиба й пойихавъ. Йихавъ винъ днивъ не мало и пройихавъ не коротко,—дывыцца, щось недалечко сыплецца, мовъ искры. Пойихавъ винъ туды, ажъ дывыцца,—то бьюцца змѣи. Два змѣи бьютъ одного змѣя, того, шо въ його була Елена прекрасна. Отъ Чурыло взявъ та й оборонывъ його. Воны й порозлиталысь. Пройихавъ винъ ще трохи, колы бачыть,—упъять воны бьюцца ти два змѣи, упъять лупцюють сього. Винъ оборонывъ упъять того змѣя. И такъ винъ його оборонявъ ажъ трычи одъ тыхъ двоухъ змѣивъ.

Оборонившы втрете, винъ пойихавъ дали, дывыцца,—таки теремы стоять гарни та высоки на улыцю вибнамы; тамъ сыдыть Елена прекрасна та все плаче. Чурыло пидйихавъ до ейи и сказавъ, шо-бъ вона зъ нымъ тикала до своейи сестры. Вона й согласылась; воны й пойихали. А у змѣя бувъ говоручый голубъ. И якъ Елена пойихала съ Чу-

рыломъ, винъ заразъ и полетивъ за змѣемъ и почавъ йому казать:

— Ты тутъ усе гуляешъ, а про домашне не знаешъ: прыйиздывъ чоловикъ и укравъ вашу Елену прекрасную.

Отъ змѣй полетивъ додому, колы правда. Пишовъ винъ до коня та й каже:

— А шо, мій коню, шо, мій любый! доженемо мы чоловика, шо вкравъ Елену?

— Э,—каже кинь,—ще мы насіемо жыта, зберемо, на-молотымъ, наварымъ пыва, напьемось и тоди наженемо.

Отъ змѣй узавъ, насіявъ жыта, зобравъ, змолотывъ, наварывъ пыва, напылысь воны й рушылы въ дорогу. Гналысь, гналысь и нагналы. Отъ змѣй и каже:

— Подавай Елену честю, а то смерты не мынешъ!

Потимъ роздумався, шо винъ його оборонывъ одъ змѣйивъ, та й каже:

— Ну, щастя твое, шо ты мене оборонявъ трычи,—и я тобя трычи услужу. Се первый тоби разъ прощено и ще два разы, а якъ четвертый разъ шо зробишь, тоди засичу.

Чурыло и вбывъ бы змѣя, такъ ничымъ убыть: нема ни ружжа, ни меча, ничогосинько. Отъ винъ и оддавъ Елену змѣеву назадъ.

Прыйихавъ змѣй додому, посадивъ упъять Елену, а самъ упъять пойихавъ кудысь гулять. Вернувся Чурыло назадъ, упъять до змѣевыхъ палатъ, шукавъ скризъ якого небудь орудія, не найшовъ, а Елену узавъ такы впъять и пойихавъ. Голубъ упъять полетивъ за змѣемъ та й каже:

— Ты тутъ гулять гуляешъ, а про домашне не знаешъ: прыйихавъ упъять той чоловикъ и упъять укравъ Елену прекрасну.

Змѣй прылетивъ до дому, колы правда. Пишовъ винъ до коня та й пыта:

— Коню мій мыйый, коню мій любый, чы доженемо Чурыла? Винъ укравъ Елену прекрасну удруге.

— Ще,—каже кинь,—насіемо гречкы, поспіе вона, тоди зберемо, намолотымъ, навіємъ, насушымъ, намелемъ, гречаныкивъ напечемо, ще й тоди наженемо.

Отъ змій узявъ, насіявъ гречкы, зобравъ, намолотывъ навіявъ, змолловъ, напикъ гречаныкивъ, найилысь и рушылы у дорогу. Нагналы, однявъ змій Елену прекрасну и повизъ додому, а самъ пойихавъ упъять кудысь гулять.

Прийихавъ Чурыло, укравъ упъять Елену и пойихавъ. Голубъ упъять полетивъ за зміємъ и каже:

— Ты все гуляешъ, а про домашне не знаешъ: прыиздывъ чоловикъ и упъять укравъ Елену прекрасну.

Змій прылетивъ додому,—колы правда. Винъ пишовъ до коня, сивъ на його й пойихалы. Пройихалы не довго и нагналы. Однявъ упъять у Чурыла Елену и сказавъ:

— Се тоби тры разы прощено, а четвертый разъ я тебе убью, якъ ты ще вкрадешъ Елену.

А самъ пойихавъ додому, посадивъ Елену и полетивъ кудысь на роздобычу. Чурыло прыйихавъ, узявъ упъять Елену на коня и поскакавъ шо есть духу. Прыйихавъ змій додому,—глядъ, ажъ нема Елены. Винъ заразы ухопывъ мечъ и пойихавъ скоревько. Нагнавъ, узявъ Елену, а Чурыла посикъ, порубавъ на дрибни кускы.

Лежало Чурылове тило ажъ цилыхъ тры дни, колы прыбигае до тила вовкъ, ридный братъ Чурыливъ, и сивъ сторожемъ. Сыдивъ винъ не довго надъ нимъ, колы прылитае воронъ зъ вороненяткомъ, силы на Чурылове тило й почалы його клювать. Вовкъ такъ и ухватывъ старого ворона. Закрычавъ воронъ до вовка:

— Чого тоби треба одъ мене, шо ты мене піймавъ? пусты мене!

— Ни, — каже вовкъ, не пушу, а пошлы свое вороненя, нехай воно злита по цилющу воду и по живущу, тоди я тебе пушу.

Воронъ пославъ вороненя, воно й полетило и прылетило уже черезъ тры дни зъ двома пляшечками съ цилющою й живущою водою. Вовкъ узавъ ти пузырки, поливъ зъ ихъ по Чурыловому тили, вивъ и оживъ. Дывыця, била його стоить його братъ вовкъ. Отъ винъ йому й каже:

— Якъ я довго спавъ!

— Ты й доси спавъ бы, якъ бы не я. Ты хотивъ достать Елену, такъ тебе змій и вбывъ, я се почувъ та й прийихавъ и сцилавъ тебе. Коны хочешъ достать ты Елену прекрасну, то пиды ты на Царь-гору уночи, тамъ е багатырська кобыла недалеко, маты того коня, шо у змія; вона шо-вечора бига на ту гору и родыть лошатъ, а вовкы ихъ ззидають. А ты такъ прыхытуй и украдь те лошя, щобъ ти вовкы и не побачылы, а то воны у тебе його однимуть.

Отъ Чурыло пишовъ на ту Царь-гору, прокопавъ нору ажъ до того мистя и ставъ стерегты до вечера. Увечери прыбига кобыла, и за нею вовкывъ цила ватага, щобъ йисты те лошя.

Вона привела те лошя, а Чурыло його ухопывъ та въ нору. Вовкы шукалы-шукалы, не найшлы и съ тымъ пишлы. Чурыло вынисъ те лошя на свить зъ норы, коны воно просыця у його.

— Пусты, — каже, — мене до матери покормыця, я билше стану.

Винъ пустывъ.

Коны воно прыбига уже до його здорове, стрыгунцемъ. И такъ винъ його пускавъ до матери ажъ тры дни. На третій день воно прыбигло таке здорове, билше, нижъ у змія

кинь, и лучше. У змія кинь бувъ тилькы на трьохъ ногахъ. Змій сидивъ ажъ дванадцять годъ, покы його ухопывъ съ пидъ кобылы, та вовкы такы ногу у його й одирвали, винъ и остався на трьохъ ногахъ. Чурыло бувъ дуже радый, шо йому такъ скоро пощастыло піймать и выгодувать такого славного коня.

Писля того, якъ прыбигъ до його на третій день кинь, винъ и зачавъ казать йому:

— А шо, мій киню, шо, мій любый, украдемо у змія Елену?

— Ище бѣ, — каже, — мы въ його не вкрали, мы й його вѣємо, онъ якъ! Сидай, — каже, — на мене та поидьмо скоренько!

Отъ Чурыло сивъ на коня и побиглы. Прыбиглы вони до Елены, а вона все плаче. Чурыло пидйихавъ до ейи та й каже:

— А ну, давай теперь тикать: теперь насъ не наздожене.

Вона його злякалась: вона думала, шо винъ прыйихавъ мертвый до ейи й не хотила йихать. Винъ тоди самъ ййи ухватывъ на руки й побиглы скоро-скоро. Говорючыи голубъ упъять полетивъ за зміємъ и каже:

— Ты все пѣешь та гуляешь, а про домашне не знаешь: прыйихавъ Чурыло и упъять укравъ Елену.

— А хыба винъ живой? я жъ його зарубавъ! — каже змій.

— То шо, шо ты зарубавъ, а винъ живой. Леты скорише, а то не наженешъ: у його кинь луччий за твого.

Змій полетивъ додому та заразъ до коня:

— А шо, мій коню, наздоженемо йихъ?

— Э, ни, — каже кинь, — не наженемо, хоть ты мене й зарижъ! А все такы давай спробуемъ!

И пойхавъ змій доганять Чурыла. А Чурыло нарощне спынывъ свого коня та жеде змія. А винъ ось скоро й летить.

— А шо, утикъ?— крькнувъ змій на Чурыла и погнавъ свого коня, щобъ убыть його. Чурыливъ кинь заразъ до того й заговорывъ:

— На що ты, брате, таку гадыну на собі носышь? Я бъ давно його вбывъ! Винъ злый, винъ тебе не пускавъ до матери кормыця, а мій хазайинъ мене пускавъ ажъ на тры ночи и винъ мене зъ матери такъ ухопывъ, шо мене вовкы и не зачепылы, а тоби, бачъ, одирвалы ногу. Леты пидъ хмары та кыдай його объ землю! Се хазайинъ буде луччий.

Якъ схватыця той кинь и полетивъ ажъ пидъ сами хмары зъ зміємъ, а тоди якъ кыне його объ землю, такъ сами кисткы осталысь! Отъ тоди Чурыло посадывъ Елену на зміевого коня, а самъ сивъ на тому и пойхалы собі помаленьку додому. Чурыло знавъ, де Иванъ живъ, дожыдався, покы винъ прыйде,—зайхавъ винъ до його, отдавъ йому коня свого й Елену, и самъ остався у своему доми жыть. Иванъ узявъ Елену и коня, прыйхавъ додому. Жинка його не знала де диця зъ радощивъ и почалы воны зъ радощивъ гулять, и я тамъ бувъ, медъ-выно пывъ, по бородини текло, а въ роти не було.

(Записано въ с. Нижней Сыроваткѣ Сумскаго у. Харьковск. губ. въ 1885 г. отъ хлопца.)

160. ЗМІЕВА ДОЧКА.

Жывъ собі багатый чоловикъ та й пойхавъ винъ у друге царство, въ друге государство торгуваты, а въ тому царствіи та не було воды, а чоловикови тому такъ схотилося

пыты, що хочъ умирай! Отъ винъ и пишовъ до царя (бо вже, звисно, въ царя вода ё), а царь и каже:

— Якъ дасы, чоловіче, те, що въ тебе дома, то дамъ воды.

— Окриме жинкы, усе дамъ!—каже чоловікъ. А въ того чоловіка та не було дітей и жинка була важка, а якъ чоловікъ пойихавъ, привела сына та такого хорошего, що й не сказати!

Отъ и росте той сынъ та й вирісь уже чымалый. Черезъ яку тамъ годьну пойихавъ чоловікъ додому; прыйихавъ, колы выбига до його назустрічь парубокъ. Чоловікъ и пытае його, чый винъ.

— Я-жъ вашъ сынъ, парубокъ каже.

Чоловікъ зрадивъ, а дали якъ заплаче!

— Чого ты, тату, плачешъ?—запытавъ парубокъ.

— Та це я такъ!—одмовывъ батько.

Отъ росте та й росте той сынъ и городывъ винъ разъ изъ батькомъ хливъ та й пайшовъ у загати запысочку; подывывся сынъ у запыску та й каже:

— Чомъ-же вы, тату, мени не сказали, що я одданий цареви?

А то була та запысочка, що въ йій батько обещавсь цареви за воду оддати те, що дома, бо батько якъ прыйихавъ додому, то заткнувъ запыску у загату. Дали й каже:

— Выражайте-жъ мене, тату,—пойиду я до царя.

Заплакалы батько та маты та й стали выражаты сына.

Прыйихавъ ото вже той сынъ до царя; а въ того царя та було тры дочки, отъ, найменша його зразу й полюбыла; а царь той бувъ самъ змій и знавъ багато чаривъ, а найменша дочка була ще билша чаривныця одъ батька. Отъ змій заразы поклыкавъ того парубка та й каже:

— Щобъ ты мени оцю рику за ничъ загатывъ и выоравъ и пшеницы насіявъ; щобъ пшениця выросла й поспила; щобъ ты ййи выжавъ, помолотывъ, перевіявъ, помоловъ и щобъ уранци мени булку прынисть изъ нейи!

Сумный выйшовъ парубокъ изъ хаты и пишовъ до найменчойи дочки, а та й пыта його:

— Чого ты такой, Иване, сумный?

— Якъ мени не сумуваты, колы твій батько загадавъ, щобъ я оту рику за ничъ загатывъ, выоравъ, насіявъ пшеницы, зібравъ, намоловъ и щобъ уранци булку пшенишну прынисть!

— Не журысь: все гараздъ буде!

Отъ, якъ полягли вси спаты, дочка свыснула,—прыбигло два молодци; вона й каже:

— Щобъ вы мени оцю рику за ничъ загатылы, насіялы пшеницы; щобъ та пшениця поспила, щобъ вы ййи зібрали й помолотылы, змолоты и щобъ прынесли мени зъ нейи булку.

— Добре!—сказалы молодци и позныкалы.

Прокынулась уранци дочка,—колы вже на столи стойть горяча булка; вона заразъ однесла ййи Иванови, а той змиеви. Заскреготавъ той зубамы, бо хотивъ якъ небудь стребыть Ивана, а теперь и не пощастыло, та ничего робыть! Отъ винъ и каже:

— Ну, на сю ничъ щобъ ты выйиздывъ коня, що стойть за дванадцятьма дверыма!

Прыйшовъ Иванъ до змиевой дочки та й каже:

— Загадавъ батько роботу, щобъ я за-ничъ выйиздывъ коня, що стойть за дванадцятьма дверыма,—се вже не така трудна робота!

— Е, нн! се ще трудниша: кинь—то мій батько; якъ тилько ты пидешъ туды, то винъ тебе и вбъе!—каже зміева дочка.

Тоди подумала, а дали й каже:

— Та вже дарма, я поможу тобі!

Тилькы ото вси полягали, вона заразъ свиснула, колы прыбигло два молодци; вона йимъ и каже:

— Пидить у конюшню, тамъ за дванадцятьма дверыма стойть кинь: щобъ вы його за ничъ выйиздылы!

Молодци пишли та заразъ у конюшню. Якъ узялы воны йиздыть на тому коневн, такъ уже йому й не хочеця; та-кый ставъ, якъ зъ воды вытягнений! Бигавъ, бигавъ той кинь, а дали й ставъ; молодци його й одвели въ конюшню.

Отъ уранци змій поклыкавъ Ивана та й каже:

— Ну, теперь же прыходъ до мене увечери!

Иванъ прыйшовъ до дочкы та й каже:

— Теперь казавъ батько, щобъ я прыйшовъ до його увечери.

— Якъ пидешъ, Иване, до батька, то винъ теперь тебе задушыть!—каже дочка.—Треба тикаты. Мы удвохъ утечемо!

Отъ заразъ воны зибралысь скорнше та й пишли. Идутъ та й идуть, колы це щось застугопило; прытулыла зміева дочка вухо до земли та й каже:

— Це за намы женуця. Ну, ты будь сторожемъ, а я стану пшеницею.

И стала зміева дочка пшеницею, а Иванъ сторожемъ. Отъ, прыбиглы слугы на конихъ до пшеницы та й пытають Ивана-сторожа:

— Чы не бачывъ, не биглы сюды двое: дивчына й парубокъ?

Иванъ и каже:

— Ни, бачывъ: биглы тоди, якъ сіялась оця пшениця.

Слугы й пойихалы додому, а змій и пытае:

— Що, не вагналы?

— Не вагналы.

— А не бачылы никого?

— Ни, бачылы сторожа, стеригъ пшеныцю.

— Ото-жь воны й есть! треба-бъ вамъ тилькы найбильшый колосокъ пшеныци зирваты, то бѣ вы взяли ййи за голову!

Отъ змій пославъ и вдруге. А Иванъ та зміева дочка упъять пишлы; идуть та й идуть,—колы шось застугонило; дочка прытулыла вухо до земли та й каже:

— Це за намы упъять женуцця! Ну, ты будь попомъ та чытай кныгу, а я стану церковкою.

И стала дочка церковкою, а Иванъ попомъ и ставъ служыть пипъ. Прыйиздять слугы та й пытаются у пона, чы не бачывъ винъ, не биглы сюды парубокъ та дивчына. Пипъ и каже, що бачывъ тоди, якъ стройилась ця церква; слугы й пойихалы назадъ. Прыйиздять додому, а змій и пыта:

— Не догналы?

— Ни!

— А не бачылы никого?

— Бачылы церкву, а въ церкви попа.

— То-жь и воны!

Отъ излизъ тоди змій на хату, та якъ крыкне:

— Подайте мени выла!

Подалы зміевы выла; отъ винъ пидиперъ однимъ кинцемъ вію, глянувъ та й каже:

— О, ще дожену!

Та заразъ и побигъ. А дочка прытулыла вухо до земли та й каже:

— Теперъ мы пропалы: за намы женецця батько. Ну,

ты будь козакомъ, а я стану крыныцею; якъ ставе батько пыть воду, то ты йому й одрубай голову!

И стала вона крыныцею, а Иванъ козакомъ изъ шаблюю. Прыбигъ змій до козака та й пыта, чы не бачывъ винъ, не биглы дивчыпа й парубокъ? Козакъ каже, що не бачывъ.

А змій тилькы глянувъ, то заразъ и догадався та й каже козакови.

— Дай же мени воды напыцця!

— Не можно: зъ цией крыныци тилькы отаманъ пье воду.

А змій не слуха та заразъ и нахылвся до крыныци, а козакъ йому й одрубавъ голову. Тоди крыныця стала упъять змиевою дочкою, а козакъ Иваномъ. Прыйхалы вони додому и загулялы весилля.

(С. Нижняя Сыроватка Сумск. у.).

Манжура, Сказки, стр. 40, Незнайко,—Рудченко сказки, I, № 47, 48 и 52; II, № 30.—Чубинский, Труды, II, отд. 1, № 4 и 5.

161. БАТЬКО Й ТРЫ СЫНЫ.

Жывъ соби чоловікъ, а въ його було тры сыны; найменчый бувъ дурный. Отъ, якъ умиравъ батько та й сказавъ своимъ сынамъ, щобъ вони кожни Риздвяни святкы носылы йому вечерю. Прыйшла черга старшому братови несты вечерю; винъ узавъ цеглыну, воды та й пишовъ. Прыходять на могылу та й каже:

— Тату, вставай, йижъ вечерю!

Батько вставъ, погрызъ цеглыны, напывсь воды, спытавсь одъ якого сына вечера та й полизъ упъять у могылу. Прыйшла черга середушному несты; вивъ бойицця та й ставъ просыть найменчого брата, щобъ той за його понисъ вечерю.

Середушый братъ давъ найменчому цеглыну й воды, той и понись. Прийшовъ на могылу та й каже:

— Уставай, тату, вечерять!

Батько вставъ, погрызъ цеглыны, напився воды, спытавъ одъ якого сына вечера та й полизъ упъять у могылу. Надійшли трети риздвяни святкы; найменчый братъ узавъ борщу, хлѣба, горилкы та й понись вечеряты батькови. Прийшовъ на могылу, покыкавъ батька. Батько найився та й спытавъ:

— Одъ якого сына вечера?

— Одъ найменчого.

Батько тоди якъ свыснувъ! Колы це прыбигае до його тры кони,—таки гарни!—Батько вырвавъ зъ йихъ по волосянцы, давъ сынови та й каже:

— Якъ шо тоби треба буде якого коня, то ты запалы зъ його волосынку, випъ такъ и буде.

Сынъ узавъ волосынкы, поклонывся та й пишовъ додому.

Колы це пишла чутка по всьому царству: хто доскоче конемъ до царивны (а царивна сыдила у высокому терему), зниме зъ ней перстень, то той визьме ййи за себе. Браты повыбиралы соби коней та й збираюцця въ дорогу. Найменчый сынъ попросывъ и соби кобылу.

— Та куды тоби!—казалы браты, а проте дали поганеньку кобылу. Винъ выйихавъ съ села, узавъ ту кобылу убоывъ, обидравъ шкуру та й крычыть:

— Сорокы, вороны, свиже мясо.

Тоди самъ выйшовъ у поле, запалывъ волосынку, колы прыбигъ до його сывый кинь. Винъ и каже йому:

— Несы мене до царя!

— Пане мій мылый, пане мій любый! лизь у ливе

вухо, а въ праве вылизъ та беры мени убрання хороше, а соби ще й лучше.

Найменчий братъ полизъ у ливе вухо, а въ праве вылизъ та зробывся такимъ козакомъ, що й не придумать! Кинь и пытаецця його:

— Якъ же тебе, пане, несты: чы поверхъ деревъ, чы о половыни деревъ?

— Несы о половыни деревъ.

Кинь якъ понисъ його! Ото нагналы воны бративъ; найменчий братъ и крычыть:

— Гей вы, мужыкы! простылайте сирякы, щобъ кинь конытивъ не помазавъ.

Браты йому й послали сирякы. Отъ розигнався кинь, якъ стрыбоне! доскочывъ до половыны терема та й назадъ. Люде ажъ роты пороззявлялы.

А братъ найменчий прыйихавъ додому, полизъ коневъ въ праве вухо, а въ ливе вылизъ такимъ дурнемъ, якъ и бувъ, прыйшовъ додому та й сыдыть у груби. Прыйихалы й браты та й хвалюцця: «отъ такъ плыгнувъ,—ополовыни терема!» Дурень выткнувъ голову зъ грубы та й каже:

— Може то я?

Браты ажъ за жылоты беруцця та сміюцця. Дурень и полизъ упъять у грубу.

Сталы збирацця браты удруге.

— Дайте й мени кобылу, и я пойду!—просыть дурень.

— А та-жъ де?—спыталы браты.

— Здохла!

Браты засміялысь та й дали йому другу кобылу. Дурень убывъ и ту, обидравъ шкуру та й крычыть:

— Сорокы, вороны, свиже мясо!

А самъ выйшовъ у поле, запалывъ волосынку,—до його й прыбигъ кинь гнидый. Дурень и сказавъ йому:

— Несы мене до царя!

— Пане мій мылий, паве мій любый! лизь у ливе вухо, а въ праве вылизь та беры мени гарне вбрання, а соби ще й лучше!

Дурень полизь у ливе вухо, а въ праве вылизь такимъ козакомъ! Кинь и вытае його:

— Якъ тебе, пане, несты: чы поверхъ деревъ ты ополовыни деревъ?

— Несы поверхъ деревъ!

Кинь и пошле його поверхъ деревъ. Нагнали вони бративъ, дурень и крычить:

— Гей вы, мужыкы! простылайте сирякы, щобъ кинь копытивъ не помазавъ.

Браты й прослали сирякы. Отъ розигнався кинь, якъ стрыбнувъ,—на сажень до царивны не доплыгнувъ тоди назадъ и вернувся.

Якъ прийихавъ найменчий братъ додому, влизь коневи въ праве вухо, а въ ливе вылизь такимъ дурнемъ, якъ бувъ и перше; прийшовъ додому, зализь у грубу та й сыдыть. Прийшли браты та й хваляцця тымъ, що бачылы.

— Може то я?—сказавъ дурень у груби. Браты тилкы засміялысь.

Отъ збирались браты и втрете. Дурень и соби попросывъ кобылу.

— А та-жъ де?—спыталы браты.

— Здохла!

Воны дали й третю кобылу. Дурень обидравъ зъ нейн шкуру й крычить:

— Сорокы, вороны, свиже мнясо!—та й кынувъ. А самъ выйшовъ у поле та й запалывъ волосынку,—до його прыбигъ вороный кинь. Дурень и сказавъ йому!

— Несы мене до царя!

Кинь каже:

— Пане мій мылий, пане мій любый! лизь у ливе вухо, а въ праве вылизь; та беры мени убрання хороше, а собі ще й лучче!

Дурень полизь у ливе вухо, а въ праве вылизь такимъ козакомъ, шо й Господы! Кинь и каже йому:

— Якъ-же тебе, пане, несты, чы поверхъ деревъ, чы ополовныи деревъ?

— Несы поверхъ деревъ!

Кинь якъ понисъ його выше лису, ныжче хмари. Отъ догналы воны бративъ; дурень и крычить:

— Гей вы, мужыкы! простылайте сирякы, щобъ кинь копытивъ не помазавъ!

Браты й попростылалы сирякы. Отъ кинь розигнався, якъ стрибонувъ,—доскочывъ до царивны. Найменчий братъ узывъ у ней й перстинъ, поцилувавъ ййи та й пойхавъ назадъ. Якъ прыйихавъ додому, полизь коню въ праве вухо, а въ ливе вылизь такимъ дурнемъ, якъ бувъ перше, прыйшовъ додому та й зализь у грубу. Прыйихалы й браты та й балакають:

— Отъ такъ плыга! Вияъ хороший та й кинь до його!...

Дурень выткнувъ голову зъ грубы та й каже:

— Може то я?

— Чы не згубывъ ты останнього розуму?—засміялысь браты. Дурень и полизъ назадъ у грубу.

Тымъ часомъ царь уп'ять пославъ сказать, щобъ збиралысь до його въ дворець уся: й старе, й мале, й ка-лишне.

Браты й балакають мижъ себе:

— Якъ намъ весты дурня—соромъ; та треба весты—такий прыказъ!

Отъ якъ зибралысь уси въ дворець, царь ставъ йихъ гостыты и медомъ, и выномъ,—усього такого багато! На останци стала частувать усихъ царивна. Частувала вона, частувала; колы прыйшла й до дурня; дурень и бере чарку ливою рукою. Вона спытала:

— А правою чого-жъ ты не берешъ?

— Та збывъ палець.

— А ну покажы, чы здорово?

Дурень розъязавъ палець, а перстинь такъ и осіявъ хату. Царськи слугы взяли тоди та того дурня умылы, вымылы зъ головы попилъ, прычесалы, винъ и оженився съ царивною та й жывуть соби!

(Записано отъ парубка Михайла Голуба въ Нижней Сыроваткѣ Сумск. у.)
Чубинскій. Труды, II, стр. 269—281, № 70—73.

162. ЯКЪ ЧОЛОВИКЪ У ЦАРИВНЫ ПЕРСТИНЬ УЗЯВЪ.

Одынъ царь звеливъ зибрать зъ усього свого царства людей. На другой день зибралысь уси люды. Тоди царь выйшовъ и сказавъ усьому народови:

— Хто доберецца до моейи дочки и зниме зъ нейи перстинь, тому оддамъ половину царства и дочку замижъ оддамъ за його.

Якъ царь проказавъ оце усе, тоди люды мовчали; тилькы одынъ чоловикъ обизвався до царя:

— Я доберусь до вашойи дочки и перстинь зъ нейи зниму.

Тоди царь сказавъ на того чоловика:

— Иды сюды!

Тоди той чоловикъ пишовъ до царя, а людямъ царь сказавъ:

— А вы уси идить додому!

Царь повивъ того чоловіка въ свою свитлицю та й каже тамъ йому:

— Якъ що ты найдешъ мою дочку черезъ мисяць, такъ оддамъ за тебе ййи и половину царства тоби оддамъ, а якъ що не найдешъ черезъ мисяць, такъ голову тоби зниму.

Тоди той чоловікъ пишовъ одъ царя туды, де часы роблють, та й каже тамъ одному чоловікови:

— Зробы меня таки часы, щобъ я у йихъ сыдывъ, и якъ часъ буде времени, такъ щобъ грала у йихъ музыка, щобъ тамъ танцювало у часахъ; а якъ зробышь, такъ ни-кому не продавай, тилькы царевн; а якъ продасы ихъ царевн, такъ скажы йому, щобъ винъ никому не визъ поправлять, якъ спортюця, тилькы тоби.

Тоди той чоловікъ зробывъ часы така, якъ було сказано, а той чоловікъ, що отдававъ йихъ робыты, сивъ у йихъ у середыну й сыдыть. Колы ось царь йиде. Якъ побачывъ винъ оци часы та й каже цьому чоловікови, що зробывъ часы:

— Продай мени оци часы!

А цей чоловікъ, що зробывъ йихъ, каже:

— Купить!

А царь каже:

— Щожъ тоби за йихъ?

— Сто рубливъ.

Царь каже:

— На сто рубливъ.

Майстеръ узявъ гроши, а царь узявъ часы та й повизъ додому. Якъ привизъ, то поставывъ йихъ у своей свитлицы.

А дочку винъ заховавъ у одну комнату и до нейи одна тилькы прислуга ходыла, а то ниhto до нейи не ходывъ. Якъ почула дочка, що въ часахъ грають и танцюють, то

вона попросила въ батька оти часы. Вияъ и давъ йй, вона прыйшла, взяла йихъ и понесла до себе въ хату и поставила йихъ. Якъ настала ничъ, то царивна скинула перстинь и подожыла його на вѣкно, а сама лягла спать. Тоди вночи чоловікъ той вылизъ изъ часивъ, узавъ той перстинь и упъять улизъ у часы и сивъ. Якъ устала царивна, такъ и ахнула, що немає перстиня та ще й часы спортылись. Вона сказала батькови, що часы спортылись и перстиня нема. Тоди повезлы ти часы поправлять до того чоловіка, въ кого купувалы. Якъ привезлы, то той чоловікъ, що бувъ у часахъ, вылизъ и пишовъ до царя. Якъ прыйшовъ до його та й каже цареви:

— Уже найшовъ твою дочку и перстинь узавъ.

Тоди той царь отдавъ дочку за його и половины царства отдавъ йому.

(С. Елизаветовка Славяносербскаго уѣзда Екатеринос. губ. отъ хлопця Мирона Высоцкаго.)

163. ПРО ДВОХЪ ВРАТИВЪ: УБОГОГО ТА БАГАТОГО.

Якъ жыло собі два браты: одынъ багатый, а другой убогий. Отъ, бидный ходе до багатого та й просе:

— Дай, брате, хлеба!

А той каже:

— Выколю я тобі очи, то й дамъ хлеба.

А той каже:

— Выколуй, а такы хлеба давай!

Вияъ повыколювавъ и давъ йисты. Отъ, той убогий покы ходывъ просить йисты, то той йому повыколювавъ очи, поодризувавъ уши, поодрубывавъ руки й ноги, — все за той сердешный хлебъ. Отъ, той чоловікъ, що безъ ушей и

безъ усячыны, покотывся тоди слипуючы та й укотывся у лысыччину норку та й лежыть. Боны се вночи якъ брязне, якъ свисне,—колы прыбигае Юрій изъ вовкамы, зъ лысыцями я зъ усякымъ звіромъ. Ставъ биля норы, що той чоловікъ у йій лежавъ, та й каже:

— Ну, глядять, не розкажуйте нікому шо я скажу: завтра буде така роса, що всякий, хто хворый, той выличця. И въ царя дочка хвора, та якъ бы йійи помазавъ сією росою, то вона бъ исцилылась. И въ людей воды нема, та якъ пиднять на такому то місци каминь, и вода стане текты.

Отъ той чоловікъ прокынувся уранци та якъ качнеця по трави,—колы руки й ноги стали. Винъ тоди помазавъ очи,—воны зачалы бачыть. Отъ винъ мазавъ себе, покы зовсимъ сцилывся, а потимъ набравъ тіей росы и пишовъ до царя, выличывъ дочку його, а за те його царь дуже наградывъ. Сцилывшы царивну, винъ пишовъ до тихъ людей, що воды немає, пиднявъ каминь, и потекла вода. Люде радіють и зновъ його наградылы щедро такъ, що винъ ставъ багатый; а той, що бувъ багатый, ставъ убогий, та й ходе просыть хлиба:

— Дай,—каже,—хлиба, та повыколюй мени очи, поодрубуй руки и ноги и одвезы мене у ту нору, що ты лежавъ тамъ.

А той братъ, що бувъ убогий, каже:

— Не треба, йижъ такъ!

— Ни,—каже,—поодрубуй ноги та руки та везы мене! Треба йому везты! Одвизъ його у ту нору.

Боны се якъ середъ пивночи стукотыть, грюкотыть,—колы се бижыть Юрій, ажъ спотыкаецця, та крычыть на звіра:

— А сяки-таки! розказалы; я буду васъ вишаты!

А кривенька лысычка у нору, колы лежыть той чоловік. А вона й каже:

— А, ось хто сказавъ!

Тоди звиря якъ ухопляцца, такъ и розирвали того чоловіка.

(С. Нижняя Сыроватка Сумскаго у., отъ хлопца въ 1885 г.)

Рудченко, Н. сказки, II, № 35. Чубинский, Труды, II, стр. 45—52.

№ 10 и 11. Стр. 386, № 108.

164. ДВА БРАТЫ.

Було собі два брати: одинъ багатый, а другой убогий. Отъ прыйшовъ менывныкъ багатого; винъ называвъ повну хату гостей, а убогого брата не покликывъ. Отъ убогий братъ и каже:

— Шо Богъ дастъ, пиду!

Та й пишовъ до брата въ гости.

— Брате,—каже, — ридный! хочъ я й не буду йисты й пыты, а тилькы надывлюсь на твое щастя та побажаю тобі ище билшого.

А багатый братъ якъ закрычыть на його:

— Мени не треба такихъ волоцюгъ, якъ ты, убирайся къ чорту!

— Дарма, я пиду й до чорта,—одказавъ убогий та й пишовъ.

Прыйшовъ до мирошныка та й пытаецця:

— А скажить, будьте ласкави, де тутъ е чорты?

— Та отутъ у кручи; пlyingай—такъ и найдешъ!—одказавъ мирошныкъ.

Отъ, тоди убогий пlyingнувъ у воду та й дывыцца; колы стойить хата; винъ увійшовъ у ту хату; колы тамъ никого

нема; такъ винъ и заховавсь пидъ прыничокъ. Коли це увійшовъ у хату одынъ чортъ, дали—другый... третій... и багато йихъ насходьлось та й хвалюцця:

— Отъ мы такъ надосадували мирошныжови: усе розрываемъ та й розрываемъ йому греблю, а ййи поправыть не трудно: тилькы треба назламувать дубцивъ зъ усякого дерева та й замостыть: тоди вже нишо не розирве гребли...

И довго ще такъ вони хвалылись, а дали й поросходьлысь. Отъ тоди убогий братъ вылизъ съ пидъ прыпичка, выйшовъ съ хаты та й vyplивъ знову на верхъ. Потимъ прыйшовъ до мирошныка та й каже:

— У васъ тутъ усе греблю розрыва щось, чы що?

— Та еге-жъ,—одказавъ мирошныкъ.

— А я знаю, чымъ ййи поправыть.

— Ни, мы вже шо не робылы, такъ усе розрыва.

— А я якъ поправлю, такъ уже цила буде.

— То вы тилькы скажите, якъ поправыть, такъ вамъ панъ за це багато грошей дастъ.

Отъ бидный братъ и сказавъ. Греблю поправылы и вже ййи ниhto и не розирве.

Панъ за це давъ бидному братови цилый визъ червинцивъ. Якъ прыйизавъ той додому, то й пославъ своего маленького хлопця до багатого брата по кружку, щобъ мкрыты гроши, бо своейи у йихъ не було.

— Шо вони будуть мкрыть? — сытавъ багатый братъ у хлопця.

— Та я не знаю!—одказавъ хлопецъ.

Отъ тоди багатый братъ вымазавъ усередыни кружку медомъ, щобъ прыстало те, шо мкрытымуть, та й оддавъ хлопцеви. Убогий братъ помкрывъ червинци та й оддавъ кружку назадъ багатому. Той глянувъ у кружку, колы-жъ

тамъ приставъ одынь червинець. Винъ такъ и сплеснуть
рукамы:

— Теперъ уже братъ богатый одъ мене!

Та й пишовъ до його.

— Де ты стилкы грошей набравъ?

Той розказавъ багатому усе, якъ було. Отъ, тоди ба-
гатый братъ пишовъ до кручи та й прыгнувъ у воду. Ко-
лы й побачывъ хату, якъ казавъ бидный братъ. Отъ тоди увій-
шовъ у ййи и сховався пидъ прыпичкомъ. Ко-
лы це посхо-
дылысь чорты та й балакають:

— Теперъ уже не можна розирвать гребли намъ: замо-
щено дубцями зъ усякого дерева; та хто-жь воно довидався
про це? Може тутъ у насъ хто слуха, шо мы розказуемъ?
А ну пошукаемъ!

У багатого брата и пишовъ морозъ по за спыною. А
чорты дуже чують духомъ, такъ скоро й найшли багатого.

— Ага, такъ оце ты тутъ пидслухавъ!

И розирвали його на шматкы.

(С. Нижняя Сыроватка Сумск. у.)

165. ИВАШКО—ВЕДМЕЖЕ ВУШКО.

Якъ ото колысь бабы зибрались у лисъ по опенькы.
Ходылы-ходылы, колы одна баба, Кулына, та й упала у вед-
мидячий барлигъ. Прийшовъ ведмидь и не розирвавъ ййи,
а ставъ изъ нею жыты. Тамъ и жыла вона ажъ тры годы.
Отъ, у ейи родывся сынъ. Вона його прозвала Ивашко—Вед-
меже вушко,—у його та булы ведмидячи уши.

Отъ, той Ивашко росте та й росте та такъ пывыдко.
Вырись здоровый хлопецъ та й пишовъ свить за очыма. Иде
та й иде. Ко-
лы стойить Дубовыкъ и пытае його:

— Куды ты идешъ?

А винъ каже:

— Свить за очыма.

— Ну, й я съ тобою пиду.

— Ну, йды!

Пишлы воны вдвоухъ. Идутъ,—колы такой чоловікъ ись
такымы довгымы усами, шо нымы винъ ловывъ рыбу, и
пытае йихъ:

— Куды идете?

А воны кажутъ:

— Свить за очыма.

А винъ и каже.

— Пиду й я зъ вами!

— Ну и йды!

Отъ воны пишлы втрюхъ. Идутъ та й идутъ колы
убачылы хатку на курячыхъ нижкахъ. Воны тоди пишлы у
ту хату, колы тамъ сыдыть такой дидъ старый, у його бо-
рода у аршынь; винъ сыдыть у ступи, зализнымъ товкачемъ
поганяе, а митлою сльдъ замитае. Винъ на йихъ якъ за-
крычыть:

— Чого вы прыйшлы, чы быцця, чы мырыцця?

Воны кажутъ:

— Давай быцця!

Отъ выйшовъ Дубовыкъ, дидъ той якъ ухвате того
Дубовыка, такъ його и вбывъ та ще й голову на килوکъ на-
стромывъ.

Тоди выходе той чоловікъ, шо зъ довгымы усами, быцця,
а той дидъ його якъ ухвате, такъ його и вбывъ та ще й
голову його на килوکъ настромывъ. Тоди на прыпослїдку
выходе быцця той Иванъ. Отъ той Иванъ якъ ухватывъ съ
тымъ дидомъ,—той дидъ ажъ захрыпывъ и каже:

— Коли ты поборовъ мене, то я тобі дарую усе мое добро и мою дочку беры собі замижъ; и якъ буде тобі чого треба, то на тобі оце яйце и скажы: яечку, одчынысь и выпады, то шо тобі треба, те воно й выпаде.

— И той чоловікъ, шо зъ ведмежими ушыма, узавъ те яйце, оженивсь съ тією дівкою, а той дидъ скоро умеръ, а вони осталысь одни, жыуть та пожывають та добра наживають.

(Записано въ с. Нижней Сыроваткѣ Сумскаго у. Харьковской губ. отъ хлопця въ 1885 г.)

Сравни. Чубинскій, «Труды», т. I., стр. 212—216.—«Малор. преданія», стр. 255. № 1. Манжура, «Сказки», стр. 43. Киріакъ-Кобылячій сынъ, Верныдубъ, Верныгора та Прутивусъ.

166. ХЛИВОРОВЪ.

Жывъ собі такой багатый панъ, шо мигъ-бы закушты селъ зъ десятокъ, и въ того пана та було багато земли; тилькы де винъ уже не шукавъ, не мигъ найты такого чоловіка, щобъ добре знавъ хлиборобське дило. Коли це разъ прыходыть до його чоловікъ та й каже:

— Я добре вмю хлибъ робыть и служыть буду вирно; прыйми мене, пане!

Панъ прыйнявъ. Служыть той чоловікъ уже пъять годъ, и хлибъ пры йому такой родыть, шо, здаецця, кращого уже й не бува. На пъятый рикъ хлиборобъ и каже панови:

— Прослужывъ уже я вамъ, пане, чымаленько, теперъ и росчытайте: пиду въ свою дорогу!

А панови не хотилось утратыты такого чоловіка. Помиркувавъ собі, а дали й каже:

— А шо-жъ тобі, чоловіче, дать за службу?

— Та дайте, пане, мени оцього билого коня.

Панъ зродывсь. А той кинь та бувъ такий, що на війни якъ почне скакати межы неприятелемъ, такъ такъ усього й перетопче; а його німба ни куля, ни шабля не бере; тилькы про це ніхто не знавъ, окрімъ хлибороба. Чоловкъ-хлиборобъ узавъ тоди коня, подякувавъ панови та й поймавъ. Йиде та й йиде та займавъ у такий густый та темный лисъ, що й Господы! Дывыця, ажъ стоить маленька хата.. Хлиборобъ увійшовъ у ту хатку, ажъ тамъ сидить така стара та жовта баба; винъ запытавъ її, куды це винъ займавъ. А баба похытала головою та й каже:

— Несчастный ты, що сюды займавъ: тутъ що-ночи злитаюця видьмы, все хочуть звесты мене съ свиту.

— Та вже-жъ що Богъ дасть те й буде! видказавъ чоловік и зоставсь у тій хати.

Баба дала йому поведеряти та й каже:

— Поможы мени, чоловіче добрый: переночуй у цій хати хочъ тры ночи, а я за це дамъ тобі велику плату: я навчу тебе, якъ и оборонятись.

— То й навчить, а я вже й переночую,—згодывсь хлиборобъ.

Баба каже:

— На тобі оцей хрестъ, пида въ ту хату, обчеркны кругомъ себе оцымъ хрестомъ, тоди визьмы хрестъ у руки та й сиды, а якъ назлитаюця видьмы, то ты не бійсь.

Хлиборобъ узавъ хрестъ, пишовъ у другу хату, зробывъ такъ, якъ казала баба, та й сидить. Колы це якъ загуде щось коло хаты, колы и влетила видьма у хату, дали друга, третя... та багато такихъ назбиралось, що не помистянця и въ хати; танцюють, крычать, у долони выбывають, кругомъ хлибороба бигають, та ніякъ не можуть перейти черезъ кружокъ; оце рожженеця видьма, добижыть до кружка, та такъ назадъ и одскоче; що вже не робылы,—ничого не вдіють.

Божы пивель ян хати у бабы: «бу-ку-ри-ку!» Видьмы такъ и шезеснулы у вѣкна, ажъ хата затруселась. Хлиборобъ перекрестывсь и пшповъ у хату до бабы. Та, якъ побачыла його, такъ и зрадила:

— Ты щаслывый, чоловіче, ты ще не багато нагришывъ, я видьмы тебе бояця.

— Та я-жъ чесно робывъ дома хлибъ, а дали тежъ чесно служывъ у пана, а може й нагришывъ, то нехай Богъ, простыть!

Оттакъ перепочувавъ хлиборобъ ще дві ночі. Якъ переночувавъ третю нічъ, баба каже:

— Спасыби тобі, чоловіче добрый, що ты вызволивъ мене зъ великой биды, бо мени труднише сыдиты: я бѣлышъ нагришыла; на-жъ тобі за це оцѣй мечъ-самобіецъ: якъ траниця тобі воюваты, то ты тилькы скажы: «мечъ-самобіецъ, берись!» то винъ тобі перебѣе усе войско. Ище я тобі дамъ пораду: якъ оженися, то ничего великого не вирь жиючи до семы годъ и семы тыждинъ.

Хлиборобъ уклонився баби, подякувавъ та й вѣйхавъ. Прыйпхавъ у той городъ, де живе царь, колы тамъ тривога: наступае великый ворогъ на городъ, уже побывъ усе царське войско и скоро визьме й городъ. Хлиборобъ и каже:

— А ну, поведить мене до царя!

Ти й повелы.

— Чого тобі треба?—запытавъ царь.

— Та кажуть, що на городъ наступае великый ворогъ!

— Эге-жъ.

— Я вамъ, якъ Богъ поможе, побью його; тилькы що-жъ вы мени дасте за це?

— Половину царства дамъ.

— Ни, мени не треба царства, а оддайте за мене свою дочку, я їїи люблю!

Царь поклякавъ свою дочку и запытавъ ѳи, чы вона-жъ справди любыть хлибороба.

— Таточку-голубыку! виддайте мене за його; я його люблю, виддайте—я за васъ Бога благатыму!

Царь згодывсь. Отъ тоди хлиборобъ и каже:

— Дайте-жъ коневи тры миркы вивса, а мени видро вына.

Царь дававъ усього, що тилькы хлиборобъ запрошувавъ. Отъ тоди винъ сивъ на коня й пойхавъ. Выйхавъ за городъ, колы-жъ дывыця: стойть війська така сыла, що й лику нема. Хлиборобъ якъ крыкнувъ:

— Мечъ-самобіецъ! берысь!

Мечъ самобіецъ якъ полетыть по надъ головами та й валыть одну за одною. А кинь якъ скаконе помнжъ військомъ, такъ и бѣ копытамы. Оттакъ усе військо й перебылы. Хлиборобъ вернувсь назадъ у городъ. Царь щыро подякувавъ йому. А ворогъ такы не хотивъ покынуты свое діло; винъ зибравъ упъять війська ще бильшъ. Упъять зробылась тривога. Хлиборобъ пойхавъ бытысь упъять. Винъ побывъ ворога и вернувсь назадъ. Други цари позавыдувалы своему цареви, зибралы свойи війська умисце и пишлы війною. Царь боявсь: винъ думавъ, що сійи сылы хлиборобъ уже не побѣе. Та хлиборобъ побывъ и се військо. Тоди вернувсь у городъ и оженивсь исъ царською дочкою. Щыро винъ любывъ свою жинку, любила й його жинка. Промынуло тры рокы. Жинка стала пытать у хлибороба, чымъ винъ такъ бѣ ворога. Хлиборобъ не втерпівъ и сказавъ. А ворогъ такы не кыдавъ свого, винъ ставъ выпытывать та пидкупаты хлибобову жинку, щобъ вона сказала, у чому йійи чоловікъ мае сылу. Та поласувала на велыкы гроши и вкрала мечъ-самобіецъ и виддала ворогови, а чоловікови пидложила другый, а коня не змогла вкрасы: хлиборобъ беригъ його якъ

ока и спавъ зъ нымъ укупн. То той ворогъ и распочавъ війну упъять. Хлиборобъ сивъ на коня взявъ мечъ и поймъ хавъ супроты врага. Якъ прѣихавъ туды, такъ и крыкнувъ:

— Мечъ-самобіецъ, берысь!

Не берецця.

— Мечъ-самобіецъ, берысь!

Не берецця Хлиборобъ здывувався; колы якъ роздывався на його, то дизнавсь, що це вже другый, винъ догадавъ, де мечъ-самобіецъ дився и заплакавъ. Та робить було ничого, мечъ-самобіецъ чesавъ уже його військо; осьъ винъ прѣлетивъ и до хлибороба; зъ одного разу винъ зризавъ йому голову. Їивъ тоди дуже росердывсь, що вбылы його хазяйина, и пишувъ лютувать; винъ перебувъ усе військо, тоди прѣйшовъ до трупу хлиборобового та й стойть. Царъ той трупъ перевизъ у городъ и хотивъ ховать; колы прѣходе така стара баба зъ иконкою та й каже:

— Пустить мене до хлиборобового трупу.

Йийи пустылы. Баба взяла, умочыла икону въ воду; тоди тѣю водою облыла трупъ хлиборобивъ Хлиборобъ оживъ. Баба йому й каже:

— Бачъ, ты не послухавъ мене: сказавъ велику тайнисьть жинци та трохи й не згынувъ навикы. На-жъ тоби знову мечъ, я його знайшла, тилькы бильшь не кажи великойн тайности жинци до ссмы годъ и ссмы недиль, а то згынешъ!

Хлиборобъ оженивъсь изъ другою жинкою й живутъ у двохъ собн. Жывуть не горюють, хлиба не купують. Оттака-то казка!

(С. Нижняя Сыроватка Харьк. губ. Сумскаго у. отъ парубка. Записано грамотнымъ много читавшимъ крестьяниномъ по памяти.)

**167. ЧОЛОВИКЪ ВОЛТАНСЬКЫЙ, БАГАТЫРЬ ВУ-
СУРМАНСЬКЫЙ.**

Жывъ, бувъ соби мужычокъ убогый; найшавъ винъ соби, значыцца, выорать чвертку на паръ. Отъ прыйшлося йому жыто сіять, а наймыты й кажутъ: той—дай п'ять карбованцивъ, а другый—четвертыну горилкы купы. Мужычокъ подумавъ соби, подумавъ: «що-жъ, баже, я п'ять карбованцивъ дамъ, або четвертыну куплю... ни, дорого буде,»—та й пішовъ соби на ярмарокъ и купывъ коня, давъ за нього три злоты и десять шагивъ. Отъ винъ теперъ купывъ соби, значыцца, ту коняку, зробывъ рало й пішовъ ралыть самъ,—а чвертка його пидъ лисомъ була. Ну, отъ винъ теперъ ставъ ралыть, а на коня насидало комаривъ и оводивъ, за боки його ти оводы й комари кусають и ралыть не дають; отъ мужычокъ вкрывъ коня рядныною, а витеръ схопывся и рядныну скинувъ. Мужычокъ ухопывъ ту рядныну, махнувъ по коню и убывъ 30 оводивъ, а комаривъ и щоту нема. Ставъ винъ тоди, дывыцца та й думае: «чого я буду по-невиряцца? я теперъ такый багатырь, що за однимъ махомъ 30 багатыривъ побувахомъ, а дрибнои слыы й щоту нема.» Отъ винъ соби и надумався: «пойнду я по свитахъ, бо дома въ запичку сидить та цвиркунивъ слухать надокучыло.» Заклавъ винъ собыру за поясъ, нахынувъ на свою коняку рядныну, сивъ и пойихавъ.

Отъ винъ и йиде соби, та й йиде и прыйиздыть на перехресну дорогу, а тамъ стовпъ стойить. Мужычокъ подумавъ, подумавъ, а дали злизъ съ коня, пидійшовъ до стовпа и нанывавъ таблычку, (а винъ бувъ чоловикъ грамотный), напысавъ, значыцца, «що пройиздывъ чоловикъ болтанськый, багатырь басурманськый—за однимъ махомъ 30 багатыривъ побувахомъ, а дрибнои слыы й щоту нема»,—та й пойихавъ дали.

Отъ бижить Бова-Королевычъ, — наскочывъ на той стовпъ, дывыця та й думаетъ: «що це таке? — произдывъ чоловікъ болтанський, багатырь бусурманський, що за однимъ махомъ 30 багатыривъ побывахомъ, а дрибнои сылы и щоту нема. Проты насъ трьохъ нема въ свити дужчого, а це дужчий найшовся.» Ну й давай винъ по тій дорози гнаця. Гнався винъ, гнався, дывыця: йиде якыйсь мужычокъ на такій коняци, що тилько шкура тилипаецця та кость гнецця. Бова-Королевычъ и каже: «здраслуй, мужычокъ!» А той каже: «здравъ!», — «Чы не ты, — пытае, — чоловікъ болтанський, багатырь бусурманський, що за однимъ махомъ 30 багатыривъ побывахомъ, а дрибнои сылы й щоту нема?» А мужычокъ каже: «я». — «Ну, выбачай, що мужычкомъ назвавъ.» — «А ты хто?» — пытае мужычокъ. — «Бова-Королевычъ.» — «Ну, ставай рядомъ — пойидемо.»

Отъ теперъ бижить Ярусланъ Лазоровычъ; подывывся на той стовпъ та й каже: «що це таке: проты насъ двохъ нема дужчого, а цей дужчий выходить, бо винъ за однимъ махомъ 30 багатыривъ побывахомъ, а дрибнои сылы й щоту нема?» Отъ винъ прочытавъ ту табличку та й давай гнаця, потимъ доганяе: «здраслуй, — каже, — Бова-Королевычъ! чого ты зъ мужыкомъ йидешъ?» А той каже: «мовчы!» Ну винъ догадався та й пытае мужычка: «чы не вы, — каже, — чоловікъ болтанський, багатырь бусурманський, що за однимъ махомъ 30 багатыривъ побывахомъ, а дрибнои сылы и щоту нема?» А той каже: «я». — «Ну, выбачайте, що мужыкомъ назвавъ.» — «А ты хто?» — пытае мужычокъ. — «Я Ярусланъ Лазоровычъ.» — «Ну, ставай упоручъ — пойидемо!» Та й поихалы.

Теперъ бижить Илля Муромецъ та й чытае на стовни: «Господы, — каже, — проты мене нема дужчого, а цей дужчий буде, бо за однимъ махомъ 30 багатыривъ побывахомъ, а

дрибнои сылы и щоту нема!» Ну й давай гнацца та й доганяе багатыривъ. «Чого вы,—пытае,—зъ мужычкомъ йидете!» А ти кажутъ: «цыть, мовчы!» Отъ винъ и догадався та й пытае мужычка: «чы не вы чоловикъ болтанськый, багатыръ бусурманськый, що за однимъ махомъ 30 багатыривъ побывахомъ, а дрибнои сылы и щоту нема?»

А той каже: «я». — Ну, выбачайте, що мужычкомъ назвавъ.» — «А ты хто?» пытае мужычокъ. «Я Илля Муромецъ, дужый видъ успихъ багатыривъ на свити. — Ну ставай въ середины!» — И поихалы.

Теперь тры багатыри радяцца, щобъ йнахатъ у дыкы стены, тамъ царивна така е, що хто до нейи дойиде, за того вона й замижъ пиде. Отъ вони йнахалы та й йнахалы и прыйиздять у ти дыкы степы, роблють тры курини и выкыдають тры хлакы. Мужычокъ съ коня ряденце знявъ, коня въ степъ выгнавъ на пашу, а самъ ряденцемъ укrywся та й лигъ соби, спыть.

Отъ царивна глянула въ пидзорну трубу, дывыцца та й каже до свойихъ князивъ: «на мойи степы выйнахалы тры багатыри, выкынули тры хлакы; вырядить,—каже,—мойи люби князи 6 багатыривъ, 6 звиривъ, а дрибнои сылы, щобъ и щоту не було, та нехай вони побьють цихъ багатыривъ и мени голowy ихъ на показъ привезуть.» Князи заразъ вийсько збодувалы и у степъ послали.

Отъ Бова-Королевычъ глянувъ у пидзорну трубу та й каже до свого товариства: «що будемо робыть: выходыть проты насъ 6 багатыривъ, 6 звиривъ, а дрибнои сылы и щоту нема?» Товариши й кажуть: «спытаймо мужычка.» Приходьтъ Бова-Королевычъ до мужычка и каже: «чоловикъ болтанськый, багатыръ бусурманськый, давайте намъ раду: пиде на насъ 6 багатыривъ, 6 звиривъ, а дрибнои сылы и щоту нема,—що теперь намъ робыть?» А мужычокъ п каже: «ты,

— каже, — славный багатырь Бова-Королевычъ, сядь на своего коня, та й пойидь йимъ на зустрічъ; ты 6 багатыривъ, якъ шисть оводивъ побъешъ, а дрибну сылу твій кинь вытопче. » Бова-Королевычъ сивъ на своего коня, пойихавъ и давай быцця: 6 багатыривъ и 6 звиривъ порубавъ, а дрибну сылу конемъ вытоптавъ, одного тилько зоставывъ, запыску напысавъ и царивни звистку подавъ. Отъ тоди царивна выпускае на ихъ 9 багатыривъ, 9 звиривъ, а дрибнойи сылы и щоту нема

Ярусланъ Лазоровычъ глянувъ у пидзорну трубу та й каже до товариства: «а що будемо робыть: выступа проты насъ 9 багатыривъ, 9 звиривъ, дрибнойи сылы — щоту нема?» Товариши й кажуть: «иды спытай мужычка!» Прыйшовъ Ярусланъ Лазоровычъ до мужычка та й каже: «чоловикъ болтанськый, багатырь бусурманськый, давайте намъ раду: выступа проты насъ 9 багатыривъ, 9 звиривъ, дрибнойи сылы — щоту нема, — що намъ робыть?» А мужычокъ и каже: «ты славный багатырь Ярусланъ Лазоровычъ 9 багатыривъ, якъ 9 оводивъ, побъешъ, а дрибну сылу твій кинь вытопче: выходи йимъ на зустрічъ.» Ярусланъ Лазоровычъ коня осидлавъ, сивъ та й пойихавъ. Ну, отъ давай винъ съ тымы багатырямы быцця, давай быцця: 9 багатыривъ и 9 звиривъ побывъ, а дрибну сылу його кинь вытоптавъ, одного тилько зоставывъ, запыску напысавъ и царивни звистку подавъ. Тоди царивна вырядыла проты йихъ 12 багатыривъ, 12 звиривъ, а дрибнойи сылы и щоту нема.

Отъ Илля Муромецъ раненько вставъ, у пидзорну трубу глянувъ та й каже до товариства: «а що будемо робыть: выступа проты насъ 12 багатыривъ, 12 звиривъ, дрибнойи сылы — щоту нема?» Товариши й кажуть: «иды спытай мужычка.» Прыйшовъ Илля Муромецъ до мужычка и пытае: «чоловикъ болтанськый, багатырь бусурманськый, давайте намъ

раду: выступа проты насъ 12 багатыривъ, 12 звиривъ, дрибной силы—щоту нема,—що намъ робыть?» Мужычокъ и каже: «ты славный багатырь Илля Муромецъ, сядь на своего коня и поидь йимъ на зустрічъ: ты 12 багатыривъ, якъ 12 оводивъ побъешъ, а дрибну сылу твій кинь вытопче.» Илля Муромецъ осидлавъ коня, сивъ и пойихавъ. Ну, давай винъ съ тымы багатырямы быцця, давай быцця: 12 багатыривъ и 12 звиривъ побывъ, а дрибну сылу його кинь вытоптавъ, одного тилько зоставывъ, запыску напысавъ и царивни звистку подавъ.

Отъ царивна бачыть, що не перелывкы, клыче до себе свойихъ князивъ та й каже: «що будемо робыть: ци тры багатыри побылы всехъ нашихъ багатыривъ, всехъ звиривъ, а дрибной силы и щоту нема.» А князи й кажуть: «выпустымъ ще на йихъ дванадцаты-главного змія, що сыдыть закованный на 12 цепахъ; якъ той зъ нымы не вправыцця, то тоди мусымо йихъ до себе за гостей прыймать.» Табъ воны порадылысь та й спустылы съ ценивъ дванадцаты-главного змія. Змія той летыть, ажъ земля двыгтыть, звирря въ лись ховаецця, а дрибне птаство за море втикае.

Отъ Илля Муромецъ раненько вставъ, у пидзорну трубу глянувъ, та й каже до товариства: «погано, панове товариство, на насъ дванадцаты-главный змій летыть, пидъ нымъ земля двыгтыть, звирря въ лись ховаецця, а дрибне птаство за море втикае» — «Що-жъ,—кажуть товариши,—ходимъ до мужычка.» Отъ прыйшлы до його та й кажуть: «чоловикъ болтанський, багатырь бусурманський, мы свое одбулы, а теперь ваша черга прыйшла: летыть на насъ дванадцаты-главный змій,—идить теперь справлятысь зъ нымъ.»

Чоловичокъ ставъ та й думае: «ну, кинецъ моему лыцарству! Пойиздывъ я трохи по свиту, побачывъ людей, теперь прыходыця живцемъ зміеви виддатысь, бо тутъ не

выкрутышся.» Отъ винъ уставъ, рядною своего коня вкрывъ, сокрыку за поясъ заткнувъ, сивъ и йиде. Багатыри й кажутъ йому: «визьмить у котрого зъ насъ коня, бо вашъ ледви дыше, ще й до змія не довезе.» А винъ каже: «не треба: ваши кони мене не выдержать, а цей выдерже.» Та за обротьку смыкнувъ и пошкандыбавъ. Ото пидйиздыть винъ до того змія. Змій на нього летыть, ажъ земля двыгтыть, звирря въ лисъ ховаецця, а дрибне птаство за море втикае. Мужычокъ соби и гадкы не мае, за обротьку смыкае коня, а кивъ потыхеньку шкандыбае. Глянувъ змій на цього лыцаря, та й ставъ и стойить: «що це таке,—каже змій,—посмиюка зъ мене?» А мужычокъ каже: «эге!» Та съ коня скочывъ, сокрыку зза пояса вытягъ и махнувъ змія по голови, такъ одна голова и покотылась, потимъ по другій и друга спала. Тоди тры багатыри бачуть, що змія чоловікъ болтанський, багатырь бусурманський побыває и у нихъ славу одіймае, силы на кони и вдарылысь на того змія зъ двоохъ бокивъ, а третій за хвоста схопывъ,—побылы його, порубалы, на огни спалылы и попилъ по витру пустылы.

«Теперь,—каже мужычокъ,—можна намъ и до царивны йихать свататысь; погано тилько, що вы завыслывы багатыри: я змія хотивъ сокрыкою порубать, а вы не дали; нащо вы не въ свою чергу въ дыке поле выступалы?» Та й grimнувъ на йихъ. Отъ тоди Илля Муромецъ, якъ найстаршый, и каже: «выбачайте, нашъ славный чоловікъ болтанський, багатырь бусурманський, вы надъ нами теперь старшына: хочте идить съ царивною винчацця и царство соби забирайте, а хочте пойидемо ще по свитахъ свою сылу показувать.» А чоловікъ болтанський и каже: «спасыби за честь! тилько царивни я не женихъ, бо вы мене мужыкомъ звалы, а по свитахъ свою сылу показувать, людей дывувать та людський спокій бентежить, тежъ не прыходьця. А вы, якъ славны багатыри,

маєте убрання багате и коней дорогыхъ, выйиздить до царивны свататысь, а я позаду пошкандыбаю.»

Отъ багатыри одяглысь у свое найкраще убрання и поийхалы впередъ, а мужычокъ коня напоивъ, рядныною його вкрывъ, сивъ на нього, смыкнувъ за обротку и пойихавъ за ными.

Царивна бачыть, що всехъ багатыривъ ййи побылы, дванадцяты-главного змѣя на попилъ спалылы, та й думаетъ: «ничого робыть—треба дорогыхъ гостей стричать.» Отъ вона поклыкала своихъ князивъ та й каже: «очыняйте ворота, розстылайте рядна до мого палацу та багатыривъ хлибомъ-силлю витайте.» Отъ, очынылы ворота, съ хлибомъ-силлю багатырямъ вклонылысь, а царивна на кганокъ выйшла и двери йимъ у свѣй палацъ очыныла; багатыривъ вона витае и за стилъ садовыть, дорогымъ выномъ-медомъ напувае. А чоловікъ болтанськый, багатырь бусурманськый, пидйихавъ до палацу, конячку бия кганку прывъязавъ, рядныну зъ нейи знявъ и пидъ палацомъ ййи пославъ та й лигъ соби и люлечку курыть.

Отъ багатыри пють-гуляють и кожый зъ нихъ на царивну поглядае, та й думаютъ: «кого то вона зъ насъ трьохъ уподоба?» Царивна бачыть, що вси багатыри одынъ одного кращи, одынъ одного мылищи и сама не знае съ кымъ ййи шлюбъ браты. Пють вони, значыцца, гуляють, а до дила не доходятъ. Царивна тоди й каже: «хто зъ васъ, славни багатыри, мого дванадцяты-главного змѣя побывъ, нехай той зо мною чарку вына выпье.» Багатыри глянулы одынъ на одного: тыць-мыць, а того багатыря, що дванадцяты-главного змѣя вбывъ и нема. Вони тоди, ничого робыты, и кажуть: «е ще зъ намы чоловікъ болтанськый, багатырь бусурманськый, що за однимъ махомъ 30 багатыривъ побывахомъ, а дрибноий сылы и щоту нема; винъ теперъ пидъ палацомъ

лежыть и люлечку курыть,—нехай сюды прыйде; та тилько винъ хымерный чоловикъ: у простій одежи ходыть, на здохлятыни йиздыть, а якъ спыть, то рядвыною вкрываецця.» Царивна й каже: «якъ такъ, то й такъ: хай мойи князи його якъ слидъ одягнуть и до столу прыведуть.» Заразъ вона роспорядокъ учыныла; князи чоловика болтанського, якъ славного багатыря, одягли и за стиль посадылы.

Ну, отъ царивна налива всимъ по чарци та й каже: «хто зъ васъ, славни багатыри, мого дванадцаты-главного змія побывъ, нехай той зо мною чарку вына выпье.» А мужычокъ не злякався, руку простягъ, чарку пиднявъ, та й каже: «я.» Отъ тоди царивна зъ нымъ повинчалась п його царюваты въ своему царстви поставыла.

Я въ нього бувъ, горилку зъ нымъ пывъ, а це до васъ прыйшовъ и цю казочку росказавъ,—може й вы по чарци на стиль поставыте.

(Отъ крестьянина Вакулы Сидляренка, лѣтъ 75, въ с. Жилиане Кіевскаго уѣзда записалъ въ 1891 г. О. Ус—ко.—Сообщилъ В. Т. Андріевскій.)

168. ТРЫ ДЕНЕЖКЫ.

Якъ живъ соби на свити одынъ хлопецъ сырота та й пишовъ винъ наймацця у наймы. Иде винъ та й иде, колы чоловикъ и пытае його:

— Куды ты, малый, идешъ?

А винъ каже:

— Наймацця.

— Наймысь у мене! Я тебе буду гарно годувать и зодягать ище й денежку дамъ.

— Добре, каже хлопецъ и нанався до того чоловика.

Служывъ йому цилый годъ и годывъ йому гарно такъ, шо той чоловикъ його и не лаявъ. Прослужывшы цилый

рикъ тому чоловікови и пры конци року якъ зачавъ винъ одходыть видъ його, давъ денежку той чоловікъ хлопцеві. Отъ той хлопець иде собі дорогою одъ того чоловіка и зостричае крыныцю у земли выкопана.

— А ну,—каже,—чы вирно прослужывъ годъ? Ябъ вирно, такъ денежка оця не потоне, а якъ не вирно, такъ потоне.

Упустывъ винъ денежку у крыныцю, а вона й потонула.

— Не вирно,—каже,—я прслужывъ подъ. Пиду упъять наймаця до другого чоловіка.

Ото пишовъ, найшовъ ище такого чоловіка, що наймыта йому треба було, нанявсь у його и служывъ йому уже такъ славно, що хазяйинъ його ни разу и не замитывъ у худому дили. А якъ кинчывсь рикъ, такъ той чоловікъ давъ йому денежку. Той хлопець узявъ денежку та й зновъ до тіей крыныци та й каже:

— А ну, чы вирно прослужывъ цей годъ?

Укынувъ денежку у крыныцю, а вона й потонула.

— Не вирно прослужывъ годъ,—каже той хлопець,—пиду упъять ваймаця: що буде, те й буде!

Нанявсь винъ упъять до чоловіка и такъ уже вирно служывъ, такъ вирно тому чоловікови годовъ, що чоловікъ нымъ и не схвалыця. Пройшовъ рикъ, той чоловікъ дае йому денежку ище й свыту. Той хлопець узявъ ту денежку и зновъ прыходыть до тіей крыныци:

— А ну третій годъ чы вирно прослужывъ?

Укынувъ ту денежку у крыныцю, колы та денежка потонула и вырнула съ тымы двома, що винъ упередъ укынувъ у крыныцю. Отъ винъ узявъ ти тры денешкы и пиповъ собі додому. Иде, колы зостричае винъ чоловіка, у мишку несе кота вбывать.

— Шо ты,—каже,—несешъ, ката? продай мени його!

— Купы!

— А скильки тоби за його?

— Та давай денежку!

Отъ той хлопецъ давъ тому чоловікови денежку, а соби взявъ ката та й понисъ додому. Иде та й иде, колы чоловікъ веде собаку вбывать.

— Продай,—каже,—собаку, чоловіче!

— Купы!

— А скильки тоби за ейи?

— Та давай денежку!

Отъ той хлопецъ виддавъ тому чоловікови денежку, а соби взявъ собаку та й иде додому. Колы винъ иде та й иде, ажъ дывыцяя народу стойить дуже багацько и чогось дуже крычать. Приходять той хлопецъ туды, ажъ то люди бьють гадюку, а вона бидна уже й не полизе. Той хлопецъ пожаливъ тую гадюку и каже:

— Не быйте ййи, я вамъ дамъ за ейи денежку.

Ти люди зохотылыся и оддалы йому за денежку ту гадюку. Той хлопецъ узявъ ту гадюку, завернувъ ейи въ платокъ и понисъ ййи додому. Ката винъ пустывъ у хату, собаку впустывъ у хливець, а гадюку винъ пустывъ на пичъ.

Хлопецъ той мабутъ рокивъ изъ тры жывъ ще дома и вырисъ здоровый и ставъ свое поле держать и орать. Ото було пойиде винъ соби у поле робыть, прыйизжае додому, а дома у печи стравы понаварювано и хлибъ напечений на лави лежыть, а никого такого не було ридного, щобъ за його домомъ прыглядавъ. Отъ винъ думавъ, думавъ: хтожъ це його домъ прыглядае?...—А ну,—каже,—давай пидстережу я його. Отъ винъ заховавсь десь и пидзырае, хто буде хазяйнувать. Дывыцяя, колы якась дивчына гарна-гарна выйшла изъ хаты одтыкать верхъ, щобъ топыть у печи. Той хлопецъ заразы кынувсь у хату та заразы надивъ на шыю тій дивци хрестъ,

отъ та дивка перестала быть гадюкою, а стала дивкою гарною-гарною. И зачала тому хлопцеви дивка рассказывать про себе:

— Я, — каже, — була царивною, бувъ у мене батько, була въ мене маты, я гарно у йихъ жила и кохалася. Коли прыйизжае до мене одынъ парубокъ, князивъ сынъ, сватать мене. Я за його не пишла; такъ винъ мене проклявъ на пъять рокивъ, щобъ я була гадюкою. А якъ ты оце на мене надивъ хрестъ, такъ зъ мене проклятія изійшло, и я стала теперь дивкою.

Отъ той парубокъ узявъ ту дивку замижъ и теперь живутъ щасливо. Кить мышей ловыты ходыть у клуню, а собака йихъ хазайство уночи береже одъ лыхого чоловика та одъ вовкивъ.

(Записано въ с. Нижней Сыроваткѣ Сумскаго у. въ 1885 г. отъ хлопця.)

169. ЯЕЪ ВОГЪ ДАСТЬ, ТО И ВЪ ВИЕНО ПОДАСТЬ.

Тры брата бидни та пишлы шукать грошей. Ото воны нишлы та выйшлы на гору. А одынъ братъ каже:

— Давайте вернимось: якъ Богъ дастъ, такъ и въ виєно подасть.

А воны кажутъ:

— Чы подасть, чы ни, а то найдемъ та й будуть тоди гроши, а тоби нехай подасть Богъ у виєно.

Тоди воны пишлы шукаты грошей, а цей братъ вернувся та пишовъ до церкви до вечирни. Та якъ прыйшовъ додому та лигъ спать. А ти браты ходылы, ходылы и не найшлы ничего та й пишлы додому. Коли дывляця, лежать собака дохла. Воны взяли собаку та й кажутъ:

— Давай мы ййи вкынемъ у виєно йому.

Отъ тоди понесли ту собаку та и вкынули въ виєно тому братови, шо не пишовъ изъ йимы, та тоди и пишлы

додому. А той братъ уставъ, дывыця, колы собака лежить у хати, а винъ:

— Тю!

Вона не бижить. Винъ узявъ кочергу та якъ ударе, а вона розсыпалась на гроши. Винъ тоди помоловсь Богу та заховавъ гроши та тоди пожива собі.

А браты дывляця, що братъ багатіе, та тоди пытають:

— Де ты взявъ грошей?

Винъ усе не признаецця. Та тоди каже:

— Мени Богъ подавъ у викно.

Воны все не вирылы. Винъ тоди сказавъ:

— Мени хтось собаку въ викно вкынувъ, а я вдарывъ ййи кочергою, а вона розсыпалась на гроши. Отъ вамъ и подавъ Богъ у викно.

(Записано въ с. Алексѣевкѣ (Ширманивка) Славяносербскаго уѣзда, Екатеринославской губ. отъ хлопця.)

170. ДИВЧИНА У РОЗБІЙНИКІВЪ.

Жывъ собі купецъ богатый и була у його дочка. Ото купецъ пойхавъ за гряницю краму купуваты, а жинка й дочка дома zostалыся. Жинка умерла, дочка осталась. Отъ разъ дочка пишла на вечорныци, колы вернулась вона додому, дывыця,—колы свитыця у хати. Глянула у викно, ажъ тамъ розбойныкы. Вона пишла у слободу, объявила у полицію. Полицевськи пишлы до нейи додому.—колы розбойныкы не було вже у хати.

Розбойныкы забулы нижъ у хати. Полиція пишла, а дивка позамыгалась и лягла спать. Колы слуха,—лизе одынъ у викно. Вона стала коло викна. Тилкы одынъ розбойныкъ голову у викно,—вона йому одрубала голову. Тоди другой лизе,—вона й тому. И такъ вона поодрубувала усимъ оды-

надцятьомъ головы, а одынь остався. Той тилкы хотивъ лизты,—вона йому вухо праве одрубала. Тоди винъ пишовъ и каже:

— Ну, стой! я жъ тебе піймаю!

Тоди винъ изробывся купцемъ, справывъ соби пару коней, накупывъ соби краму, почавъ торгувать, зачавъ съ тымъ купцемъ знакомыця, зачавъ його дочку сватать, ту, шо йому уху одрубала. Ну, батько оддавъ. Тоди винъ оженився й пойхавъ додому. Йихавъ дорогою, а тоди повернувъ у лисъ. Дивка пытае:

— Куды ты йидешъ? Хыба тоби дороги нема?

Пройихалы воны лисомъ пѣтдесять верстовъ, дойихалы воны до землянки,—высочылы видтиля дванадцять розбойныкивъ. Взялы воны ту дивку, зѣязалы и положылы пидъ землянкою, а самы стали гулять. Гулялы, гулялы и поснулы за столомъ.

У йихъ була дивчынка нима и хлопчыкъ. Нима морга на хлопчыка, шобъ винъ розѣязавъ дивку. Той хлопчыкъ розѣязавъ и почалы воны тикать. Утеклы воны изъ хлопчыкомъ скиллы тамъ верстовъ.

Одынъ робойникъ прокынувся, высочывъ изъ землянки, колы дывыця,—нема дивкы й хлопця. Розбойныкъ побудывъ усыхъ, посхвачувалысь уси и посадалы на коней и пойихалы доганять. Хлопчыкъ почувъ и каже дивчыни:

— Давай лизты на дуба, бо це за намы женуця розбойныкы.

Излизлы воны на дуба, заховалысь у лысти та й сыдять тамъ. А розбойныкы биглы прозь той дубъ и щось тамъ помятылы, та не хотилы злазыть. Стрельнулы вгору и пидстрелылы дивци ногу. Вона вдержалася, не крыкнула. Тоди пробиглы розбойныкы,—нема ни хлопця, ни дивчыны. Розбойныкы вернулысь назадъ. Тоди хлопчыкъ и каже дивчыни:

— Давай злазаты додолу!

Воны злизлы додолу и пишлы. Выйшлы зъ лису, колы ось стойить трахтырь беля лису. Хлопчыкъ и каже дивчыни:

— Ходимъ у трахтырь!

Пишлы воны у трахтырь и просюця, шобъ трахтырщыкъ йихъ пустывъ. Трахтырщыкъ йихъ прыйнявъ, и воны стали у його жыть.

А розбойныкы такы не кывулы шукаты тиейи дивкы й хлопчыка. Воны поробылысь той старцемъ, той купцемъ, той плотныкомъ, и вси такъ пишлы—той туды, а той туды. Ото воны посходились уси ввечери. Старецъ и каже:

— Я найшовъ йихъ у трахтырщыка.

Тоди одынь розбойныкъ и каже:

— Давайте я васъ позамотую у рогожки и покладу васъ на визъ и повезу до трахтырщыка и скажу трахтырщыкови, шо «я везу казенную вещь,—пусты ночувать мене до себе.»

Ну, такъ воны й зробылы. Прыйихавъ той розбойныкъ исъ своимы товаришамы до трахтырщыка та й каже:

— Я везу казенную вещь,—пусты ночувать мене до себе, а колы ты не пустышь,—якъ обкрадутъ, то ты вывовать будешъ.

Трахтырщыкъ пустывъ до себе ночувать. Розбойныкъ побачывъ трахтырщыковыхъ сынивъ и каже:

— Це ваши хлопци? Хай пидуть побережуть казенную вещь.

Тоди выйшлы ти хлопци и почалы коло возивъ крутыця та роздывляця та якось и доглядились, шо воно е. Одынъ и каже:

— Це не казенная вещь, а це розбойныкы. Какъ бы намъ папашэ сказать?

Тоди одынъ хлопчыкъ и сказавъ батькови. Тоди трахтырщыкъ и каже на розбойныка:

— Постойте, я покы возьму своихъ хлопцевъ,—отъ пысьмо напышу до брата въ млынъ, шобъ на завтра борошна прывизъ на вечеръ.

Тоди трахтырщыкъ напысавъ пысьмо, посадивъ хлопчыкивъ и пославъ до брата. А братъ той державъ полкъ салдатовъ. Хлопчыкы прыйихалы и оддалы братови пысьмо.

Братъ подывывся и крыкнувъ на салдатовъ. Салдаты почалы сидлатъ коней.

Тодя братъ дойихавъ изъ салдатамы до трахтырщыка и сказавъ, шобъ обвелы двиръ цепомъ. Салдаты обвелы цепомъ. Братъ тоди увійшовъ у хату до брата, а розбойныкъ и пыта у трахтырщыка:

— Хто се?

Трахтырщыкъ каже:

— Это мой братъ.

Полковныкъ и пыта у трахтырщыка:

— Хто это?

Трахтырщыкъ каже:

— Это—чоловѣкъ везетъ казенную вещь.

Тоди полковныкъ и каже:

— Чей это ножъ и ливорвиръ?

Розбойныкъ и каже:

— Мой.

Полковныкъ якъ ухвате леворвиръ та розбойныка у груды ударывъ. Розбойныкъ упавъ. Розбойныкы повставалы ти, шо лежалы на повозцы. а салдаты усихъ и порубалы.

Тоди та дивка вернулась до батька.

(Записано въ 1888 г. отъ хлопця 12 лѣтъ Григорія Чалаго изъ с. Бугайивки Славяносербскаго у. Екатериносл. губ.)

Рудченко, Сказки, I, № 77.

171. ДУРНИ ЛЮДЕ.

Жывъ соби чоловикъ та жинка, (уже стареньки воны булы), а въ йихъ було двійко дитей: дочка й сынъ. Ото разъ воны сыдять у хати та й балакають:

— Якъ буде въ насъ сынъ Иванъ та злизе винъ на ступу, упаде съ ступы та й убъеця... А мы будемъ тужыть...

Та й ставъ дидъ изъ бабою тужыть на всю хату! Сынъ почувъ та й убигъ излякавшыся:

— Що тутъ такє?

Дидъ розказавъ, що такє й такє горе...

— Дурнй вы! тутъ и кышкы можно порвать, зъ васъ сміючысь!...

Узявъ та й заперъ йихъ у погрибъ.

— Якъ що найду людей дурнишыхъ одъ васъ, такъ выпущу!—сказавъ сынъ и пишовъ шукаты дурнишыхъ людей.

Отъ иде та й иде... Коны жене баба квочку съ курчатамы та такъ пирчыть ййи дубцемъ!...

— А щобъ ты здохла, а щобъ ты пропала... ни цыценькы нема, ни маленькойи нема! Навела курчатъ, а чымъ ты йихъ годуватымешъ?

Та ще дужче бѣе.

— Защо вы ййи бѣете?—спытався той чоловикъ.

— А якъ-же ййи не быть! Курчатъ навела, а нема ни цыцечкы, ни маненького пыпытка,—чымъ вона йихъ годуватыме?

— А у васъ е пшоно?—зновъ спытався чоловикъ.

— Есть, шывку!

— Ну, такъ дайте мени!

Отъ баба дала пшоно. Чоловикъ посынавъ його квочки; вона съ курчатамы й йистъ пшоно. А баба тоди:

— А яжъ и не жнала; оце спасыби вамъ, що навчылы!

Чоловикъ и пишовъ дали. Иде та й иде.. Колы дывыця, — сыдыть на хати дидъ безъ штанивъ; баба стойить на земли та держыть у рукахъ штаны; дидъ одставывъ ногу, — хотывъ плыгаты съ хаты. Чоловикъ пидйшовъ и пытаецця:

— Що це вы, люде добри, робыте?

— Та це я до шестыдесяты годъ не надивавъ штанивъ, боявся, щобъ не задавылы, а теперъ баба пошыла, такъ не знаю, якъ надивать; такъ оце баба держыть штаны, а я злизъ на хату та й хотывъ плыгаты у йихъ! — каже дидъ.

— Излазь, диду, сюды! — каже чоловикъ.

Дидъ излизъ.

— Задерай у штаны ногу!

Дидъ задравъ.

— И другу!

Дидъ и другу туды.

— Отъ и такъ!

— А, шпашыби вамъ за порадоньку! — каже баба, — а мы й не жналы.

Чоловикъ и пишовъ. Иде та й иде... Колы дывыця, — стойить дидъ на хати та тягне бычка за налыгачъ, а баба ззаду поганя:

— Гей, гей, бычку, щобъ ты живой бувъ, на хату травы йисты!

Чоловикъ пидйшовъ и пытае, що це воны роблять.

— Онъ на хати трава росте, такъ мы хочемъ, щобъ бычокъ ййи пойивъ; оце женемъ-женемъ, та нйякъ и не жженемъ! — каже баба.

— А я знаю!

Отъ узавъ чоловикъ косу, полизъ на хату, покосывъ траву та й оддавъ бычкову.

— Оце спасыби вамъ, а мы-жъ и не зналы! — каже баба.

Чоловикъ и вернувся додому та й думае:

— Э, ни, е дурниши люде и одъ мого батька та матери!

Узявъ та й выпустывъ ихъ.

(Записать М. М. Нечипоренко отъ парубка Михайла Голуба въ с. Нижней Сыроваткѣ Сумскаго у. Харьковск. губ. въ 1885 г.)

Чубинскій, Труды, II, стр. 504, № 9. Дурни.

172. ДУРНЫЙ ЙОСЯ.

Жывъ соби чоловикъ та жинка и въ ихъ бувъ сынокъ Йося, та дурный. Отъ той Йося росте й росте, пора його й женить. Отъ його й пытаются:

— А кого за тебе засватаемъ?

— Пыгынку (значить—Горпынку).

Отъ воны и наладналысь до весилля якъ слидъ: наготовылы грошей, наварылы пыва и поставылы у бочци у хати, а його послали на базаръ, шобъ винъ купывъ на весилля солы, меду, мяса, бублыкивъ, сала, горшкивъ, пшона. Отъ той Йося накупывъ усячыны и несе додому. Иде винъ льодомъ, колы лідъ репнувъ,—винъ його й замазавъ медомъ. Иде, иде,—колы собака дохлый лежить, выскалывъ зубы. Йося до його й каже.

— Ты мяса хочешъ, цюця?

И отдавъ йому кусокъ мяса. Иде и иде,—колы ворона: «бра! бра!»

— А, такъ я вкравъ? На тоби кусокъ сала та не кажы, що вкравъ!

Отъ винъ иде дали,—пыты йому схотилось. Отъ винъ набравъ воды, покуштувавъ—не солона. Узявъ тоди, усю силу у воду высыпавъ, розсоловъ, напывся. Иде дали, пивень злетивъ на тынъ и закубурикавъ.

— А ты пшонця хочешъ? на!

И высыпавъ йому пшоно.

Иде дали, колы стоять прыкилкъ у тыну высоченьки.

— А вы, хлопци, померзлы,—нате вамъ шапочки!

Понадивавъ йимъ горшкы.

Иде дали, колы хлопци по ульци бигають.

— Вамъ хочецця бублыкивъ? нате!

Роздавъ винъ и бублыкы, а самъ пишовъ додому безъ ничого. Приходе додому, а маты й пыта:

— Де ты подивавъ усе? Чы ты купувавъ шо, чы ни?

— Та я всего накупувавъ, та вытратывъ.

— Якъ?

— Та иду я льодомъ, а людъ репнувъ, топнуть бы мени,—такъ, я й замазавъ медомъ. Иду дорогою,—колы собака хоче мене порвать,—я кынувъ мясо. Иду дали, колы ворона каже: «укравъ!» Хыба я кравъ,—кажу,—я купувавъ, а колы голодна,—на кусокъ сала, а не кажы вкравъ! Иду дали, пыть схотилось, а вода не солона, я й посолывъ и напывъ гарно. Иду дали, пивень просе пшона, а я й высыпавъ, найився винъ. Иду, колы хлопци безъ шапокъ стоять, просять у мене,—я й понадивавъ горщечкы. Иду дали, хлопци просять бублыкивъ, а йимъ и давъ по бублычку.

— А дурный ты, нависный, Йосю! Хыба жъ можно такъ робыты? Посыдь же дома, я пиду накуплю.

Отъ вона пишла, а Йося остався дома. У хати була бочка съ пывомъ. Пыво вщолоча та все булька: буль-буль-буль!

А дурень:

— А такъ я дуръ-дуръ-дуръ!... Мовчы!

А воно всс: буль-буль-буль! Винъ якъ ухвате сокыру, порубавъ обручи, пыво и вытекло. Отъ винъ узывъ ночвы

сивъ у йихъ, узавъ у руки лопату и йизде по хати Пры-
йшла маты додому и каже:

— Йосю, одчыны!

— А отъ дойду!—крычыть Йося; дойхавъ, одчынывъ,
а пиво такъ у двери й полылося.

— Шо се ты наробывъ, Йосю!?...

— Та се пиво мене дурнемъ узывало, такъ я й вы-
пустывъ його.

— Дурный ты, Йосю,—то воно вщолочало та булькало,
а не взывало тебе дурнемъ.

Ну, робыть тому ничего, засватаы за його Пыгынку й
живуть воны помаленьку. Отъ разъ Пыгынка й каже:

— Пойидьмо у гости до мого батька! Тамъ е вареныкы,
сметана, пиво, усе е.

— Пойидьмо!—одказавъ Йося.

Отъ воны й пойихалы: прыйихалы, уси посидалы оби-
дать, а Йося пишовъ по горилку и остався голодный. Пры-
йшла ничъ, полягалы уси спаты, а Йося:

— И пыты, Пыгынко, мени хочецця, и йисты!

— Та полизъ, отамъ на печи у макитри пироги.

Полизъ Йося на пичъ, та не напавъ пироги та напавъ
кошенята у горшку,—пойивъ йихъ. Тоди упъять каже:

— Пыгынко, мени пыты хочецця.

— Та возьмы жъ кирецъ та напыйся зъ бочки квасу!

Пишовъ винъ та й попавъ не кирецъ, а решето. Точывъ-
точывъ у решето,—не наточывъ и не напывся. Пишовъ винъ
упъять до Пыгынкы та й каже:

— Я розливъ квасу трохы.

— Ну, засыпъ попеломъ,—тамъ стойить у мишку у
синяхъ.

Винъ пишовъ у сины, та не напавъ попилъ та най-
шовъ гречане борошно у мишкахъ. Высыпавъ зъ мишка, а

засыпать не засынавъ. Прыйшовъ, лигъ у хати й заснувъ. Прокынулысь,—а Йося ще спавъ,—дывлюця—нема ни кошенять, ни квасу, ни гречаного борошна,—показайнувавъ усе Йося. Посміялыся воны тоди зъ його такъ, що йому стыдно туды у гости було й йихаты.

(С. Нижняя Сыроватка Сумск. у.).

Манжура, Сказки, стр. 79. Дурень.—Чубинскій, Труды, II, стр. 497—502.

178. ДВА ВРАТЫ, РОЗУМНЫЙ ТА ДУРНЫЙ.

Жыло два браты, — одынъ розумный, а другой дурный. Розумный бувъ меншый, а старшый дурень. Отъ, меншый братъ оженився и взявъ соби жинку хорошу. Отъ и каже жинка чоловікови:

— Давай, чоловіче, подилюсь изъ братомъ хазяйствомъ! Теперъ шо дамо йому, то те й возьме, а то якъ оженыця та возьме соби жинку розумну, то треба даваты половыну.

Отъ почалы войны зъ братомъ дилыця хазяйствомъ и вдилылы дурневи коростявого бычка. Отъ дурныкъ и дума:

— Шо мени робыты, чымъ мени бычка годуваты? у мене нема ни сина, ни соломы, —мабуть поведу продамъ.

Отъ и повивъ Семень коростявого бычка продаваты Веде Семень, дывыця, — стойить лисъ. Отъ Семень повивъ у лисъ бычка продаваты. Дывыця Семень —стойить пеньокъ. Отъ Семень и дума:

— Мабуть поведу продамъ пенькови.

И повивъ Семень до пенька продаваты бычка. Прывивъ и почавъ изъ пенькомъ здоровкаця:

— Здоровъ, пеню!

Тоди самъ соби й одказуе:

--- Здоровъ, Сеню!

— Купы, пеню, бычка!

Тоди самъ соби й каже:

— Продай, Сеню, бычка!

Отъ Сеня привъязавъ бычка до пенька и каже:

— А гроши?

И тоди самъ соби й отказуе:

— Та прыйды завтра!

Отъ Сеня пишовъ додому. Переночувавъ и йде до пенька по гроши. Прыходыть до пенька, а бычка вже нема, мабуть вовкы ззили. Отъ винъ поздоровкавъ и каже:

— Давай, давай, пеню, гроши!

Тоди самъ соби й каже:

— Та прыйды завтра.

— Ахъ ты жъ такый-сякый! помы я буду ждать?!

Якъ ударе його чоботомъ, а пеньокъ бувъ гнылый, — такъ винъ його ногою й збывъ, а съ лидъ пенька гроши посыпалысь, бо тамъ хтось ихъ мабуть ище давно заховавъ.

Отъ пишовъ Семенъ додому. Прыходе й каже братови:

— Дай мени воливъ и кобылы, — пойиду по гроши.

Отъ братъ и дума:

— Де бъ винъ сколько набравъ?

А жинка й каже:

— Та дай! Ты знаешъ, якый винъ: якъ пойиде, то дурно не прыйиде.

Отъ братъ запрягъ волы и кобылу, Семенъ и пойихавъ по гроши. Прыйихавъ до пенька, забравъ гроши и пойихавъ додому. Прыйиздыть додому, уйиздыть у двиръ, выпрягае волы. Выйшовъ братъ, подывывся та й каже до жинкы:

— Правда, шо Семенъ казавъ, — привизъ гроши.

И каже:

— Якъ мы будемъ гришмы дилыця? Мабуть пиды до попа, позычъ миркы.

Та й забулы сказаты, щобъ не казавъ, на що миркы. Отъ, пишовъ Семень до попа по мирку, приходить, колы попа нема й дома. Винъ поздоровкався съ попадею и просе миркы. Попада й пытаецця:

— На що вамъ миркы?

— Та будемъ гроши мирыть.

Попада дала мирку. Семень пишовъ додому, приносить мирку, а братъ пытаецця:

— Якъ ты казавъ?

— Такъ, щобъ дала миркы грошей дилыть.

Отъ братъ Семенови й каже:

— Пиды й стань на угли, и якъ йихатыме пипъ, то ты свысны, такъ мы скорише ховатымемъ гроши.

А Семень узявъ кійокъ и пишовъ и ставъ на угли. Отъ ставъ йихать пипъ, а Семень якъ свысне того бидного батюшку кійкомъ и убывъ попа. Иде Семень до брата. Отъ пыта Семена братъ:

— Шо, йихавъ пипъ?

— Та я його вбывъ.

— Та на що жъ ты його вбывавъ?

— Та ты жъ казавъ — свысны, — ну, я й свыснувъ його кійкомъ.

— Отъ дурный, такъ дурный!... Де жъ винъ?

— Та онъ на угли.

Братъ пишовъ, ухватывъ попа та й затигъ у порожній погрибъ.

А попада шукала-шукала попа, — не найшла. И такъ подумала, що його вже на свити нема, и стала справляты помыны. Блычуть в Семеноваго брата. Отъ и каже братъ Семенови:

— Гляды, Семене, не ходы, а то якъ ты тамъ искажешъ!...

— Та я не пиду.

Пишовъ Семенивъ братъ, а Семень и дума самъ собі:

— Шо я буду за дурный, шо не пиду на помынки?—
самъ нарядывъ!...

И пишовъ Семень на помынки. Прыходьть, увійшовъ у хату, поздоровкався, ставъ у кутку и стойить,—нихто йому и чаркы не дае. Отъ винъ думавъ-думавъ и каже:

— Самъ и помынки нарядывъ, а мени й чаркы не дають!

А матушка й пытаецця:

— Якъ то ты нарядывъ?

— Та я батюшку вбывъ.

— Де жъ винъ?

— Та у насъ у порожньому погриби.

А братъ мерщи побигъ та батюшку вытягъ, а мисто батюшки укынувъ заризаного цапа. Отъ попада й каже до Семена:

— А ну, веды, де!

Семень и повивъ. Довивъ до погриба й каже:

— Ну, лизьте, матушко!

А матушка каже:

— Лизь ты!

Отъ Семень полизъ и каже:

— Шо, матушко, вашъ батюшка изъ ушыма?

— Изъ ушыма.

— Изъ бородою?

— Зъ бородою.

— Изъ рогами? (сказано, дурный!...)

— А ну, тягны!

Отъ вытягъ Семень цапа, а матушка засміялась и такъ поросходьылась.

(Записано въ с. Нижней Сыроваткѣ Сумск. у. отъ хлопця въ 1885 г.)

Подобные рассказы см.: «Малор. пред.», стр. 332. № 23.—Чубинскій,
Труды, II, стр. 195, № 4. Про троухъ бравивъ.

174. ДУРЫСВИТЫ.

Якъ живѣ соби чоловикъ та жинка. Отъ воны нанялы роботныка, не дуже великого хлопця. А той роботныкъ та вмиѣвѣ дурыть людей. Той чоловикъ и каже:

— Ты вмиѣшь дурыть людей?

Винъ каже:

— Вмию.

— Ну, ходимъ, и я вмию.

Отъ воны дойшли до села, де бувъ ярмарокъ, а чоловикъ и каже:

— Гляды жѣ, хлопче, якъ будуть чоловики выйиздыть изъ села та будуть пытать, изъ якого ты села, а ты кажы: изъ Грыгорода. А якъ пытатымутъ: чы здорова тамъ капуста? — а ты скажы: я не знаю, а мени матыказала, шо пидъ однимъ лыстомъ заховалось у дощѣ сорокъ чумакивъ изъ воламы, изъ возамы. А якъ пытатымутъ: чы здорова гречка? — а ты кажы: я не знаю, а матыказала, шо сорокъ буханцивъ изъ одныей гречынкы спеклы.

— Ну, добре, — каже, хлопецъ, — я такъ казатыму.

Той чоловикъ пишовъ на ярмарокъ, прыйшовъ до капусты та й каже:

— Оце тутъ така капуста?

Той чоловикъ, шо продае, каже:

— Така е!

— А въ насъ така, якъ цилый городъ здорова-здоровая!

Той каже:

— Ты брешешъ!

— Ни, — каже, — не брешу.

— Ни, брешешъ!

— Ни, не брешу!

— Ну, давай у закладъ!

— Давай!

Отъ той чоловікъ пойхавъ изъ йимъ туды, де той казавъ, шо капуста така. Колы зостричае того хлопця та й пытае:

— Де се есть така капуста, шо якъ цилый городъ?

А той хлопецъ каже:

— У нашому сели есть, та я тилкы не знаю, а маты мени казала, шо пидъ однимъ капустянымъ лысткомъ заховалось у дощъ сорокъ чумакивъ изъ воламы, изъ возамы.

— А зъ якого ты города?

— Изъ Грыгорода.

Чоловикъ той подумавъ:

— Чого жъ и йихаты туды?

И вернувся упъять у городъ и давъ тому чоловікови грошей такъ якъ за правду.

Отъ упъять той чоловікъ пидійшовъ туды, де продавали гречку.

— Оце, — каже, — у васъ така гречка мала? А въ нашому сели така здорова: одно зерно таке якъ добрый горшокъ та великый.

— Брешешъ! — каже той чоловікъ.

— Ни, не брешу.

— Ну, давай у закладъ на гроши!

— Ну, давай! — каже той, шо дурывъ.

Узявъ коня той, шо зъ гречкою, та й пойхавъ у те село. Йиде, колы зостричае того хлопця та й каже:

— Чы велика у васъ гречка?

А той каже:

— Я не знаю, а маты казала шо зъ одныей гречынкы сорокъ буханцивъ пекла.

— А зъ якого ты города?

— Изъ Грыгорода.

— Ну, — думаетъ чоловікъ, — такъ, якъ винъ казавъ!

И пойхавъ назадъ; прыйиздыть, дае тому чоловикови грошей такъ якъ за правду. Отъ той чоловикъ и хлопецъ надурлы грошей, подилылысь и тоди розійшлысь...

(С. Нижняя Сыроватка Сумск. у.)

Манжура, Сказки, стр. 81. Якъ чоловикъ людей колысь дурывъ.

175. ВОРЪ АНТОНЪ.

Иде батько съ сыномъ дорогою; колы бачуть,—веде чоловикъ цапа. Сынъ и каже:

— Тату, я вкраду цапа!

— Та якъ-же ты його вкрадешъ?—чоловикъ держыть у рукахъ,—каже батько.

— Та я вже вкраду!—одмовля сынъ.

Отъ, узавъ тоди сынъ та скинувъ зъ ногы чобить. (а въ його воны булы вже поганеньки), помазавъ його у калъ та й положывъ на дорози, куды мавъ иты чоловикъ съ цапомъ.

Якъ надійшовъ чоловикъ до його, взявъ у руки та й дума:

— Якъ-бы була йому пара, то бъ можно вже й обитерты, а такъ не годыця!—та й кынувъ на дорогу. Сынъ тоди, звалы його Антономъ,—скинувъ и другой чобить та й той кынувъ на дорогу. Чоловикъ надійшовъ до його та й зрадивъ:

— А, це йому й пара!

Потимъ привъязавъ цапа до вербы, що росла близько, та й вернувся по той чобить, що покынувъ. Антонъ до цапа, одъязавъ та драла додому!... Дома того цапа зжарылы. Антонъ и каже:

— Щобъ-же я первый почавъ йисты!

Отъ якъ посадалы за стилъ, батько й каже:

— Я—батько,—меня первому треба почывать йисты!

Антонъ выбигъ на улыцю та й крычыть:

— Не я цапа вкравъ,—батько вкравъ!

Батько перелякався, тягне його въ хату:

— Та йды вже йиждь первый.

Отъ Антонъ найився, тоди взявъ цапыну голову та й пишовъ у лозы; тамъ настромывъ голову на прыкилокъ, а самъ сивъ за кущемъ та й крычыть:

— Мекеке!

Хазяйинъ цього цапа недалечко порався, почувъ та й иде въ лозы: колы выдно голову,—винъ:

— А, мій биденькый! чого сюды ты забрався?—та за голову,—голова знялася.

— Я знаю, хто вкравъ мого цапа!—сказавъ чоловикъ и пишовъ до пана казаты, що Антонъ укравъ цапа. Панъ покыкавъ Антона.

— Ты цапа вкравъ?—пыта панъ.

— Я!—одмовывъ Антонъ.

— Богы жъ ты такый, вкрадь у мене коня!

— Вкраду, пане!

Отъ панъ звеливъ чотырьомъ чоловикамъ держать коня за ноги, двомъ за гриву, одному за обротъ, а одному сыдиты на коневи.

Якъ люде, що берегли коня, такы не втерпили—поснули, Антонъ потыхеньку пересадывъ того, що сыдивъ на коневи, на сволокъ; тымъ що держалы за ноги, давъ по прыкилку тымъ, що держалы за гриву, давъ по повисму прядива, а тому, що державъ за уздечку, такъ и оставывъ уздечку, тилькы знявъ ййи съ коня, а самъ гайда!...

Увійшовъ панъ уранци у конюшню, глянувъ—та якъ засміецця!... Отъ покыкавъ Антона:

— Ты вкравъ коня?

— Я!

— Украдь у мене симъ паръ воливъ!

— Украду, паве,—сказавъ Антонъ.

Отъ павъ наказавъ роботныкамъ, щобъ вони пойихалы ораты та щобъ увесь день не выпрягали воливъ.

Роботныкы пойихалы и стали ораты саме пидъ лисомъ. Антонъ увійшовъ у той лись та й крычыть, якъ-бы дывуецця:

— Ну та й дыво! отъ дыво, такъ дыво!...

Роботныкы й кажуть:

— Що тамъ за дыво? а ну пидить половинына подывицця, а половинына буде биля воливъ!

Отъ и пишла половинына въ лись. А Антонъ иде дальше въ лись та все:

— Отъ дыво, такъ дыво!

Роботныкы за нимъ. Друга половинына ждала, ждала—нема:

— Мабуть тамъ велике дыво, а мы й не побачымо: ходимъ!

Отъ и пишлы; биля воливъ zostавсь тилькы одынъ роботныкъ.—Той ждавъ-ждавъ—нема:

— А хыба я дурный буду, що не пиду?—та й соби пишовъ.

Отъ Антонъ завивъ роботныкивъ далеко въ лись, выйшовъ до воливъ, одрубавъ хвистъ у одного быка та й усунувъ у ротъ другому; того съ хвостомъ у роти й zostавывъ коло воза, а шистъ паръ и одного погнавъ.

Роботныкы блудылы, блудылы,—насылу выйшлы зъ лису! Дывляться—ажъ воливъ нема—тилькы одынъ, а въ того у зубахъ хвистъ. Вони й лають:

— Отъ проклятый вилъ: усихъ пойивъ, тилькы хвистъ и zostавсь!—и пойихалы до пана, рассказали—такъ и такъ...

— Та то Антонъ воны покравъ, а одрубанный хвистъ утѣнувъ у ротъ.

Роботныкы подывылысь—такъ: хвистъ одрубаный. Панъ покыкавъ Антона.

— Ты покравъ волю?

— Я, пане!

Украдь-же у мене барыню!

— Украду, пане!—сказавъ Антонъ.

Отъ панъ обложывъ билъ себе роботныкывъ, роботныцъ и бабу, а самъ обнявъ паню та й поснулы вси. Антонъ увійшовъ у хату, кынувъ мижъ роботныци кендюхъ и косы нить позъязувавъ; мижъ роботныкывъ наливъ гущи изъ сыривцю и волосся смолою позлиплювавъ; панови давъ колоду, а самъ за паню та драла. Панъ оглядився, що въ його въ рукахъ колода та на бабу:

— Свиты, свиты скоріше!

Баба стала роздувать огонь, тамъ роботныци прокынулысь, крычать:

— Це ты привела дытыну, сяка-така!

— Та брешешъ, се ты! ой, ще й скубешся!

— Ой рятуйте! не скубы!... Привела дытыну, ще й скубешся!... ой-ой!...

Тамъ и роботныкы прокынулысь:

— Це ты укалявсь!

— Брешешъ, це ты; ой, ще й скубешся!

— Ой-ой! не скубысь ты!

Панъ думавъ, що воны подурилы, та съ хаты...

Ну, та вже баба, хоть зъ горемъ, засвитыла свичку!

Роздывылысь... вси сміюцця!

Панъ заразъ пославъ по Антона. Антонъ прыйшовъ.

— Ты вкравъ паню?—пытаецця панъ.

— Я, пане!—каже Антонъ.

— Де-жъ ты ййи дивъ?

— Оддавъ чортамъ за тры возы грошей!

— Верны мени ййи!

— Якъ дасы коробку грошей—верну!

Панъ давъ йому коробку грошей. Антонъ узавъ повисмо прядива, пишовъ до болота та й плете вирьовку. Чортъ выбигъ изъ болота та й пытае:

— На що ты плетешъ вирьовку?

— Буду болото пидъ манастырь розмирать та вась, чортивъ, выганять!—каже Антонъ.

— Не плеты бо!—просять чорты.

— Э, ви! хыба оддасте паню, то не буду плесты!

Чортамъ жалъ було пани,—воны поховалысь. Антонъ сыдыть та все плете. Богы це выбига чортъ та й каже:

— Давай наввыпередкы: хто кого выпереде, то того буде й паня!

— Я не хочу съ тобою и поганыця, —лучче хай побижыть мій сынокъ!—каже Антонъ.

— Нехай и сынокъ!—говорыть чортъ. (А Антонъ уже наготовывъ двоухъ зайцивъ, бо винъ знавъ йихъ (чортячи) норовы!) Антонъ пустывъ одного зайця—той якъ чкурне въ лисъ!... Чортъ оббигъ кругъ озера та до Антона, а Антонъ и показавъ йому другого зайця.

— Твій сынъ мене выпередывъ!—каже чортъ и оддавъ Антонови паню. Антонъ пана прогнавъ, а съ панею живе соби—не горюе, и хлиба не купуе—чого-жъ ище треба?

(Записалъ М. М. Нечипоренко отъ парубка Михайло Голуба въ с. Нижней Сыроваткѣ Сумск. у.)

Чубинскій. Труды, II, стр. 621, № 90. Рудченко, Сказки, I, № 74.—

176. НЕВЫЛЫЦЯ 1.

Выйихалы тры браты въ поле ораты; два-жъ розумни, а третій дурный; и захотилы воны вогню розвесты, такъ

нема ни кресала, ни губкы, а въ поли видно вогонь горыть. Отъ и пишовъ старшый братъ просыть вогню; иде та й иде старшый братъ, колы дывыця—дидъ сыдыть (а то бувъ самъ змій). Винъ и каже:

— Здоровъ, диду!

— Здоровъ!

— Дайте менн вогню!

— А скажешъ казкы?

— Не вмію.

— Скажешъ прыказкы?

— Не вмію.

— Скажешъ небылицы?

— Не вмію.

— За не вмію деруть зъ спины до потылякы реминю, яшною половую натырають.

Отъ и обидравъ дидъ у того брата съ спины до потылякы реминю, яшною половую натеръ та й пустывъ. Пишовъ тоди пидстаршый братъ просыть вогню. Дидъ и пытаецця:

— А казкы скажешъ?

— Не вмію.

— А прыказкы?

— Не вмію.

— А небылицы?

— Не вмію.

— За не вмію деруть съ спины до потылякы реминю, яшною половую натырають.

И цьому братови дидъ обидравъ шкуру. Прыходыть найменчый дурный братъ просыты вогню. Дидъ и пытаецця:

— А казкы скажешъ?

— Не вмію.

— А прыказкы?

— Не вмію.

— А небылицы?

— Небылицы скажу, тилкы не кажы, диду, брешешь!

— Не скажу!

— Иду я, диду, иду у Петривку по льоду, колы скачуть тры кози на одній нози; я якъ шпурнувъ палку, такъ такъ усихъ и побывъ! Правда, диду?

— Правда, сыну!

— Познимавъ я шкуры съ тыхъ кизъ та й пошывъ тры торбы. Отъ иду та й иду, колы бьюця чмиль изъ ведмедемъ. Я й думаю: кого-жъ його вбываты: чы чмиля, чы ведмедя? а дали взявъ та й убывъ чмиля та й набравъ зъ його тры торбы меду. Правда, диду?

— Правда, сынку!

— Отъ иду я та й иду та такъ мени схотилосъ пыть, колы дывлюсь — стойить колодязъ; отъ я взявъ та й укынувъ у колодязъ торбу меду, покуштувавъ воды, — тилкы трошкы солоденька; я й другу торбу зъ медомъ укынувъ, покуштувавъ — билше солоденька; такъ я й третю торбу вкынувъ. Якъ покуштувавъ, — колы здорово солодке! Отъ я знявъ черепъ зъ головы та й выпывъ нымъ усю воду! Правда, диду?

— Правда, сыну!

— Отъ я черепъ положывъ проты сонца, щобъ высохъ, а самъ лигъ догоры пузомъ та й заснувъ; прокынувся, — колы въ мене пузо репнуло и вискъ выступывъ; зробывъ я съ того воску кобылку, сивъ на ййи та й пойихавъ. Йиду та й йиду, — колы лапнувъ за голову, — нема черепа; вернувся я, надивъ черепъ та й йиду упгять. Кобылка тупъ-тупъ, а сокырка цюкъ-цюкъ, (за поясомъ у мене була) та й перерубала сокыра задъ кобыли. Що його робить? Здумавъ я, що дома ё вербовый тыбель, той, що пластыны збывають. Пишовъ я додому, взявъ тыбель та й збывъ кобылку, сивъ та й йиду.

Колы оглянувся—ажъ росте изъ кобылки верба та така висока—ажъ у саме небо! правда, диду?

— Правда, сыну.

— Отъ я полизъ на небо по вербычци, подывывся скризъ, тоди й хотивъ излизты, колы гляну,—кобылка про-йпхала! Знявъ я зъ себе поясъ—мало; колы це щось засвербило; поглядивъ я,—колы воша. Облупывъ я ййи та й на-дравъ сто сажень шкуры и прычепывъ до пояса; упяты за-свербило, поглядивъ,—колы блоха; облупывъ я ййи та й на-дравъ ище сто сажень шкуры п ти прычепывъ. Тоди гля-нувъ—недалеко одъ земли до вирьовки; отъ я злизъ на крайокъ та й плыгнувъ на землю, та й провалывся ажъ на той свить, колы тамъ лежыть мій батько у кази, а твій у меди; правда, диду?

— Правда, сыну!

— Мій же батько коло твого медъ лыже, а твій коло мого казъ...

— Брешешъ, брешешъ, сучый сыну!

Такъ дурный узаявъ тоди та й забывъ дидову бороду въ пенюкъ, а самъ набравъ огню та й понисъ до бративъ.

(С. Нижняя Сыроватка Сумск. у.)

Манжура, Сказки, стр. 124. Небылицы.—Малор. пред., стр. 338, № 26.

Чубинский, Труды, II, стр. 517. № 13.

177. НЕВЫЛЫЦЯ 2.

Якъ ходывъ я на Динъ овецъ пасты. Нанявся я у чо-ловика. Пасъ день, пасъ другой, а третій день бувъ такый холодный та витряный, що не доведы, Боже! Трудно мени було въ той день, ніякъ я овецъ не впасу, усе додому ти-кають, ніякъ не заверну. Тутъ недалеко бувъ ячминь. Я за-гнавъ овецъ у той ячминь та й лигъ спать. Увечери вставъ,

почавъ выганять овецъ изъ ячменю и ніякъ не выжену: съ того краю выжену, пиду на другой выганять, то въ тому, шо выгнавъ, упгяять увійдуть. Думавъ я, думавъ, якъ выгнать, и придумавъ: возьму та пидпалю изъ за витру, то ячминъ буде гориты та й выганятыме овецъ. Тилько я пидпалывъ, то ячминъ кругомъ зайнявся и вивци погорилы. Якъ побачывъ я це та й думаю:

— Шо його робыть? Буду тикаты!

Побигъ я. Бижу та й бижу, ажъ бачу, оре чоловикъ. Я пидбигъ до воза, ухватывъ торбыну съ хлибомъ та навти-кача. Чоловикъ побачывъ, шо я зробывъ, сивъ на кобылу, догнавъ мене, однявъ торбыну, прыкувавъ мене до кобыля-чойи ноги зализнымъ путомъ та такъ и ставъ волочыты. Я такъ славно привчывся ходыты: шо кобыла ступне спутаною ногою, то й я спутаною ступну.

Отъ увечери чоловикъ заснувъ, а я взявъ хлѣбъ, пидсунувъ путо пидъ колино, очипывсь за кобылу та й йду.

Йду, йду та прямо въ болото та й загрузъ. Колы-це слухаю,—ляпъ... ляпъ!... Я думавъ, шо то чоловикъ женецця та й боюсь, ажъ то вовкъ одынъ и другой и третій та ище багато!... Злилы кобылу ажъ до колинця. Я тоди путо скинувъ, найився хлѣба, тоди выйшовъ изъ болота.

Иду та й иду, ажъ везуть робочи спыртъ. Я прыставывся болящымъ, сивъ на дорози та й дождаю робочыхъ. Якъ воны дойихалы, я й прошуся, шобъ воны мене пидвезлы. Воны й кажутъ:

— Сидай отамъ на задньому вози и пидвезешся, и кобылу панятымешъ.

Я сивъ. Йдемъ, йдемъ, стали перейиожать черезъ гору. Я взявъ та й прыпыняю кобылу. Ото якъ воны зайихалы за гору, я якъ давъ ногамы въ дно у бочку,—воно такъ и выскочыло и горилка вытекла. Я тоди зъ воза та

въ жыто й сыжу. Тоди якъ далеко зайихалы робочи, я вылизъ, напывсь горилкы, тоди лигъ та й сплю.

Якъ я прокынувся, ажъ коло мене пьяныхъ журавливъ зъ десять. Я взявъ одного та й понисъ продаваты. Дали думаю:

— Вернуся та всичъ журавливъ заберу, то лучше буде.

Вернувся я, забравъ усихъ журавливъ, позатыкавъ за поясъ та й иду. Коли це одынъ журавель «курлу», а за нымъ уси—якъ пиднялы мене высоко-высоко!... Я летивъ-летивъ та якъ кахыкну, а поясъ порвався, а я и впавъ та въ болото.

Сыжу въ болоти; колы прылетила чайка, намостыла на мойй голови гниздо, знесла яйце. Я й думаю:

— Хай же знесе друге, то я тоди одно иззимъ, то вона ще одно знесе.

Колы це прыйшовъ вовкъ, пойивъ яйца та тилько повернувся иты, а я його за хвистъ та якъ крыкну:

— Гій, тулюлю!..

Вовкъ якъ побижыть, та й вынисъ мене зъ болота.

Я тоди пустывъ вовка и пишовъ.

Иду, иду, зайшовъ у село. Зайшовъ у одну хату и прошуся ночувать. У сій хати була маленька дытына и хазийка сейи хаты послала мене кыкать бабы въ гости. Пишовъ я до бабы, баба незужала, такъ я посадывъ ййи въ санчатка и повизъ. На дорози бувъ колодязъ. Такъ я взявъ да й перекынувъ бабу въ колодязъ, а самъ вернувся та й кажу хазийци, шо баба не хоче йты. Хазийка й каже мени:

— Ну, ты погляды дытыны, щобъ не кусалы мухы, а я сама пиду поклычу.

Я взявъ макогинъ та й стережу дытыну. Колы це муха сила на дытыну. Я хотивъ ййи вбыть, якъ гыгну макогономъ дыгыну та и вбывъ. Тоди втикъ додому та оженився.

Якъ гулялы весилля, то и я тамъ бувъ, медъ-вино пывъ,
по усахъ текло, а въ роти не було.

(С. Нижняя Сыроватка Сумскаго у. Харьковской губ.)

178. ДИДЪ ТА Я.

Якъ пойхавъ я зъ дидомъ у лисъ по дрова. А дидъ
бувъ тоди маленький, а батька ще й на свити не було. Я
до куща,—колы видтиля воркъ пы-ы-р-рхъ! Я туды,—колы
тамъ семеро яецъ. Ото мы забрамы ти яйця, привезлы додому
та й пидсыпалы пидъ свиню. Отъ, и вылупыла свиня тры
пары воливъ и одного бугая. А вже-жъ и волы добри! Ото
й пойхалы мы тымы воламы орать; орамы тры дни й тры
ночи та й наоралы скилкы око згляне: такъ якъ одъ тебе
та до мене, ще трохы й одсунься! Отъ, якъ насіялы мы жыта,
та якъ стали збирать! збиралы, збиралы та назбиралы цилый
снопъ!... Тоди якъ стали мы возыть!... Возылы, возылы та
не знаемо де диты: такъ багато, що ни де й не помипаецця;
отъ мы взялы та на коминъ и сперлы той снопъ. Мыши
дизналысь, що на комени есть снопъ, та туды, йилы, йпалы
та й звалылы той снопъ у помыйвыцю. Мы той снопъ вы-
тяглы съ помыйныци, обсушылы та й стали молотыть. А
знаете, скилкы намотылы жыта? У, багато: прокололы вере-
тенемъ тры яны, та такъ усе й понасыпалы жытомъ.

(Село Нижняя Сыроватка Сумскаго уѣзда, записаль М. М. Нечипоренко.)

Сравни.: Манжура, Сказки, стр. 123. Якъ мы зъ дидомъ багатылы, а
батька ще на свити ни було.—Записки о Южной Руси Кулиша, I, стр.
228—230.

179. ХТО ЧУДНИШЫЙ?

Йиде чоловикъ конячкою, та сокырка у рукахъ. Конячку погана, а позаду сокыркою все клюкъ та клюкъ и одрубавъ коняци задъ. Дывыця—на дубови шистъ чоловика горохъ молоте: горошиння додолу падае, а горохъ на дубови остаецця. И каже той чоловикъ, шо конячкою йиде:

— А й чудно мени зъ васъ!

А воны одвичають:

— Чого жъ тоби чудно?

— Бо я отсе ще вперше такое бачу, шо отсе вы робыте.

— А памъ,—кажуть,—ше чуднишь съ тебе,

— А чого жъ чуднишь зъ мене?

— Бо ты йидешъ конячкою, а въ нейн заду немае.

Оглянувся чоловикъ назадъ, подывывсь на свою конячку й каже:

— Насмѣялась,—каже,—верша зъ болота,—оглянулась, ажъ и сама въ болоти.

(Черкаскаго у. с. Русская Поляна. Изъ бумагъ Т. А. Зиньковского).

---

180. ЯКЪ ОДЫНЪ ЧОЛОВИКЪ ТА ХОТИВЪ ЗА- ВАГАТИТЫ.

Жывъ собі чоловикъ та жинка, и въ нихъ було трое дитей. Коны чоловикъ и жинка умерлы й оставылы трьомъ сынамъ по сто рубливъ.

Отъ, ти два браты завелысь хазяйствомъ, а третій на-купывъ собі скляной посуды, зайшовъ у пусту хату почувать, лигъ собі та й думае: «оце я продамъ,—получу ще сто рубливъ; тоди куплю та продамъ та возьму ще сто, потимъ ще сто, потимъ ще сто, потимъ зроблю домъ такой, якъ у царя, засватаю дочку у царя та мовъ изроблюсь хво-

рый, а вона прийде та й казатыме: «чого треба тобі?»
А я якъ дрыгну ногою!... Та якъ дрыгне,—такъ усю по
суду винъ и побывъ!... Оставсь винъ ни съ чымъ.

(Записано отъ хлопця въ 1885 г. въ с. Нижней Сыроваткѣ Сумскаго у.
Харьк. губ.)

181. ВОЯЗЬКЫЙ ЧОЛОВИКЪ.

Жывъ одынъ чоловікъ та такой боязкый, що якъ
излякаецця, такъ заразъ бижыть до жинкы та крычыть. Ото
одынъ разъ жинци треба було кудысь иты. Отъ вона при-
казуе своему чоловікови, щобъ не боявся у хати самъ сы-
дять, и каже:

— Чоловиче, чого тобі бояця у хати сидить? у печи
горыть, дытына у колысци; — не бійся, сиды у хати!

Отъ, тоди жинка пишла, а чоловікъ сидыть на лави
та й каже:

— Чого його бояця? у печи горыть, дытына у ко-
лысци, чого його бояця?

Отъ винъ сидивъ, сидивъ та якось хотивъ устать,—
колы щось держыть; винъ удруге,—держыть, такъ той чо-
ловікъ и замеръ зъ ляку. А що жъ його держало? А ось
що: винъ носывъ ножыкъ била пояска ззаду на мотузочци.
Отъ винъ якъ сивъ на лавку, а ножыкъ и залізъ за лавку,
а винъ хотивъ устать, держыть щось. Ото винъ сидивъ,
сидивъ, тилькы що хоче устать, а воно не пуска, и лава
за нимъ тягнецця. Отъ винъ побачывъ, що жинка йде уже
додому, та якъ побижыть, а лава за нимъ,—побывъ усе, що
було на лави, та прямисилько до жинкы. А жинка й пыта:

— Чого ты бижышь?

А чоловікъ:

— Щось мене у хати держало.

— Та щожъ тамъ тебе держало?

— Та хто й зна, що держало!...

Жинка якъ убигла въ хату, такъ и охнула:

— Охъ ты, Боже мій! що це ты наробывъ?

А чоловікъ и каже:

— А на вищо воно мене держало? Ты те лай, що мене перелякало, а на мене!

Тоди уже той чоловікъ боявся и систы на лаву, щобъ бува часомъ не ухватило що за поясъ,—такъ винъ уже сидавъ не на лави, а на полу.

(Д. Алексѣвка Славяносербскаго уѣзда Екатериносл. губ.)

---

182. РОЗУМНЫЙ ВАТЬКО.

Бувъ батько та сынъ Грыцько. Отъ, Грыцько пишовъ на вулицю, а злодій зализъ у комору. Батько чуе, що тамъ щось стука, та й пытаецця:

— Це ты, Грыцько?

— Та вже-жъ не хто!

— Берешъ кожухъ?

— Та вже-жъ не шо!

— Визьмы й сирякъ!

— Та вже-жъ не якъ!

— А може й куцыну?

— Та вже-жъ не покыну!

Позабравъ усе та й пишовъ. Приходять уранци Грыцько, а батько пытаецця:

— Ты приходишь уночи?

— Ни.

Оглядились, ажъ одежи ничего немає и zostались вогы такъ, що ничымъ и пальця обгорнуты.

(С. Чунышина (Семеновка) Константиноградскаго у. Полтавской губ.
отъ молодыци въ 1883 г.).

183. ГЛУХЫЙ ТА ГУВАТЫЙ.

То бувъ йиденъ чоловікъ глухый, а другой гымбатый (*губатый*) дуже. То той гымбатый Богу молюцца у церкви, а глухый усе прислухаецця, чы винъ свыще, чы Богу молюцца. Посли зайшовъ съ правого боку, унѣять прыклада вухо до губивъ тому—все слуха, чы винъ свыще, чы Богу молюцца. Писля зайшовъ та тарахъ його у морду. А той гымбатый пытае:

— Ты,—каже,—за що бѣешь?

А той:

— А ты нащо свыщешъ у церкви?

— Я,—каже,—не свыщу, я такой гымбатый.

А той каже:

— Чортъ тебе беры, що ты багатый,—въ церкви не свыщы! Мій,—каже,—тато бувъ багатый, та не свыставъ у церкви, а ты такой хармакъ та свыщешъ у церкви!

(Изъ бумагъ Т. А. Зиньковского. Записано въ 1883 г. въ Кіевщинѣ.)

184. МАЗУРЪ ТА ЁСЬОНДЗЪ.

Бувъ соби Мазуръ,—такъ соби простакъ. Пишовъ до попа на сповидъ та й каецця:

— Такъ, пане ёсьонже, назнавъ я шпачыне кубелечко, —хотивъ, диждавши, якъ вылупляцця, шпаченята по-выдыраты.

— А грихъ, чоловиче, грихъ: треба буты мылосердному и до птыци и до всякойи твари... А скажы-но, де се ты назнавъ кубельце?

— А тамъ-то й тамъ.

Другого дни йде Мазуръ, баче, понови диты несуть шпачынята.

— Де се вы набрали? Хто вамъ сказавъ?

— Батько!

— А!—думае,—стрывай, и я тебе пиддурю!

Прыходе.

-- Паноченьку! назнавъ я дивчыну,—уродлыва така. Чы цилуваты можна ейи?

— О, нп! побраты шлюбъ та тоди. А яка се дивчына? де вопа живе?

— Э, чорта зъ два, паноче: се тоби не ппачынята!

(Изъ бумагъ Т. А. Зиньковского).

Номись, Укр. приказки, № 13712.

---

185. ЛИЧИЛНЫЕЪ.

Це якъ чоловикъ вивци личывъ. Увійшовъ у хливъ та почавъ:

— Ну, це баранъ, геть його! Одна вивця, друга вивця, третя, четверта... а пъятойи нема!... Жинко!—каже,—було въ насъ пъятеро овецъ, а теперь тилькы чотыри...

— Та шо ты кажешъ?

— Та отъ хочъ сама подывысь!

Пишла й вона.

— Ну, оце-жъ баранъ,—и геть його! А теперь вивци: одна, друга, третя, четверта, а пъятойи и нема!...

— Та якъ же ты личышь?

— Та ось-же: це жь баранъ,—Його геть! А теперъ вивци...

То винъ забува, значить, про барана та й не щита Його,—ну, въ Його й виходить чотыри замість п'яты.

(С Великая Даниловка Харьк. у., дідь Иванъ Ковалевъ).
Манжура, «Сказки», стр. 103. «Чоловикъ вола загубивъ».

---

186. ОХОЧЫЙ ДО СОЛЫ.

Одынъ дураковатый челядныкъ розказувавъ, що якъ винъ йиздывъ у Крымъ по силъ, дакъ хоча-жъ и солы найивсь у волю:

— Оце якъ одвернеця хазяинъ, дакъ я наберу повну жменю да у ротъ.

(Записалъ М. С. Гавриловъ въ Черниговской губ.)

---

187. ГОМИНКА.

Одынъ парубокъ хотивъ поговорити зъ дивчиною и не знаючы чымъ ййи зачепыть, почавъ такъ:

— Чы ваша гусы несущця?

— Несущця.

— И наша одна сира несещця.

Тилко й гоминкы було.

(Записалъ М. С. Гавриловъ въ Новозыбковскомъ у.)

---

188. СМЕРТЬ.

Одынъ хвѣлозофъ, чы й богословъ, казавъ промову надъ якимсь помершымъ паномъ:

— Що се лежыть?—Тило.— «Чого-жъ воно лежыть?»—
Бо йихъ благорсдіе вмерлы.— «Чого-жъ воны вмерлы?»—Бо
душа съ тиломъ розсталася. О смерть, смерть, сухоребрыце!
Трясця твой матери! Не дурво тебе Латынці называють
mors: бо якъ морснешъ кого, то й нѣгы задерє!»

(Записаль М. С. Гавриловъ въ Черниговскомъ у.)

189. НЕ КИНЬ, А КОБЫЛА.

У розгонѣ (крымська війна) непрытель бомбадыруваѣтъ
Петровське (на Азовському морі.) Чорноморський сотныкъ
гука на свойихъ:

— Гей, паны-браты, берить кони та тикаймо звидциль!

А одынъ козакъ:

— Та въ мене, пане сотныку, кобыла.

— Та сидай хочъ на кобылу та тикэй швидче!

(Изъ бумагъ Т. А. Зиньковского).

190. П Р Ы Б А З Ь Ы.

Записаны *М. С. Гавриловымъ* (разные уѣзды Черниговской губерніи),
Б. Д. Гринченко (Харьковской, Зміевской и Сумской у. Харьковской
губ., Константиноградскій у. Полтавск. губ., Славяносербскій у. Екатери-
нослав. губ. и Черниговскій у.), *М. Н. Гринченко* (Богодуховскій у.
Харьк. губ.) *П. Н. Соломкою* (Черниговская губ.) и *В. Ф. Сте-
паненко* (Каневскій у. Кіевской губ.) *НВ.* Сокращенія при «приказкахъ»
означаютъ: первое—губернію, а второе—уѣздъ.)

1. **А**бы жывъ до жывъ, а въ жыва й абы хто обидать
поклыче. Черн.

А де будешъ молотъ? (Пытають стрившы гончаря зъ
горшками. Гончари сього не люблять, сердюцця и

одказують: «де чорты будуть твого батька колоты!»)
Черн. Городн.

А де рубавъ? (Пытають стрившы кого зъ дровамы або зъ деревомъ. Якъ скаже: «на зворотяхъ», то се укравъ десь: де звернуть зъ дороги, тамъ и вырубавъ.) Черн. Городн.

— А лзусь, мура! Галушкы обернула. Черн.

5. — А щобъ тебе намочыло! Черн.

А щобъ за тобою вировка потяглася! Каневск.

Багатого скризъ багатшуть. Харьк. Зміевск.

Багато, якъ гною Черн.

Багато, якъ грязи! Черн.

10. Балака такє—не свое! Харьк. Зміевск.

— Балакала покійна до смерты—казаты ничого. Харьк. Зміевск.

— Балакала покійна до самойи смерты, та все чортъ-знащо. Харьк. Богод.

— Безъ тебе (його, насъ) и вода не освятыця! Черн.
Бый сына, покы винъ уперекъ лавкы лягае, а не тоди, якъ стане вже вдовжъ ййи лягаты. Черн.

15. Бодай ты скысь! Черн.

Бувъ соби Лазоръ велыкый стрилецъ: устрелывъ разъ винъ горщокъ масла, коробку еецъ. Черн.

— Бувъ, та загувъ. Харьк. Харьк.

— Була правда, та пощербатила. Черн. Нѣж.

Буде жъ йому одна неповна! Черн. Нѣж.

20. Буде мени по два сьомакы й по чотырнадцать (буде мени лыхо!) Полт. Конст.

Будешъ говить?—Ни.—Чому?—Торикъ сусидъ говивъ.
Черн. Нѣж.

Ваше й шыло гоыло, а нашъ и нижъ не бере.

Черн. Черн.

Вербу носыть (почавъ пыты на довго). Черн. Нѣж.

Видьма хлибна. Черн. (Номис, № 8928.)

25.—Винъ живе якъ сорока на терныни: витеръ повернувся,
— полетила! Харьк. Харьк.

Вже на його давно на тимъ свити чорты пайокъ по-
лучають. (Якъ хто довго заживсь на свити) Черн.
Черн.

— Воды не лый да дручкомъ не бый, дакъ йому й вику
не буде! (одказують гончари бабамъ, якъ ти пы-
тающа, чы крипкый горпцыкъ). Черн.

Вона на це й пуна не порывала, а лизе! (Вона и не
робыла, а хоче, щобъ и йй тутъ частка була).
Полт. Конст.

Воны все въ одну дудочку грають (одно роблють).
Харьк. Харьк.

30. Воны тилькы языкомъ ляскають. Харьк. Харьк.

— Въ чужій церквѣ свичокъ не поправляй Черн. Нѣж.

Галушку галухъ изивъ. Полт. Конст.

— Геть, цуръ тобі, осына, ще й печене кошеня! Харьк.
Харьк.

— Гнатъ не выновать, Булына не вынна. Черн. Черн.

35. Гны тоди, якъ ще дубчыкъ а не тоди, якъ уже ко-
локъ стане. Черн.

— Годи тобі мышей топтать! (Якъ хто ходыть по хати
не знать чого). Черн. Черн.

Городъ любыть горбату бабу! (щобъ поралась на йому
зигнувшысь). Черн.

Господы мылостывый! якн люде нечестыви: корчма
горыть, а воны руки гріють! Черн.

Грихы мойн чубати! Полт. Конст.

40. Гуляй съ хаты! (Шуткуе молодижъ, ныбы вдержуючы,
якъ хто хоче йты съ хаты). Черн.

Давайте говорыть, що будемъ на завтра варыть! Черн.
Стародуб.

Дай, Боже, здоровья! Приставшымъ душамъ царство
небесне, перомъ йимъ земля, а живымъ пошлы,
Боже, здоровья та викъ довгий; ворогамъ нашымъ
хай такъ икнеця, мовъ собака съ тыну ввирвеця.
Каневск.

Дай, Боже, купця на гнылый товар! Полт. Конст.

Дай, Боже, щобъ наскризь пройшло! (шуткують надъ
другымъ, пьючы горилку.) Черн. Городн.

45. Дамъ такъ, що на трейтій день будешъ головы шукать!
Черн.

Дарма, що дурна, абы чорноброва. Черн. Черн.

Дидови напряде (дидъ одвичатыме). Харьк. Зміевск.

Дила-дила, — ажъ голова била! Полт. Конст. (Номис,
№ 10032).

Дытны дай волю, такъ самъ пойдешъ въ неволю.
Черн. (Номис, № 9218).

50. Дмы-не дмы, — не къ Риздву йде, а къ Велыкодню!
Полт. Конст.

Добре дытя бойиця й кыва, а ледаче не бойиця й
кыя. Черн.

Доброго молодця и кровь гріе, а ледачого и' кожухъ не
вгріе. Черн. Нѣж.

Добро зъ добромъ не бѣеця. (Не пошкодыть, якъ до
добра ще добро буде). Черн. Черн.

Добрыдень, сулійко!—Здоровъ бувъ, Матвійко! (Дорикають тому, хто пѣе самъ, такъ соби, безъ усякой причепкы). Черн. Черн

55. Довгий якъ Павлівка (слобода въ Богодух. у.) Харьк. Богод.

До Юрѣя щобъ стало сина и въ дурня, а въ розумного й до Мыколы. Харьк. Харьк.

Друге бъ и думало, та мовчало: на животи бъ гнело (?) Черн. Черн.

Дурный не дурный—и розумный не такой, Харьк. Зміевск

Душа въ тили, а сорочку давно воши ззили. (Убоги таки). Полт. Конст.

60. Дядьку, йдять у хату!—Чого?—Родычи прийихалы.—Яки?—Сватового сусида молотныкы. Черн. Городн. (Номис, № 9350).

—**Ж**артувала баба съ колесомъ та й крычала не своимъ голосомъ. Каневск.

Жинка е?—Е.—Диты е?—Е.—А хлибъ?—Хм!... Черн. Черн.

Жыдъ, Жыдъ, Жыдова! не йиждь молока,—молоко скысне, чортъ тебе стысне! (Диты дражнють Жыдивъ). Черн. Черн.

Жыдивська помийныця. (Кажуть на тыхъ, хто служить у Жыдивъ). Черн. См. № 160.

65.—Жыття панське, та шана собача. Полт. Конст.

—**В**ъ батькомъ сулъ коротенький. Харьк. Зміевск.

Забувсь, назадъ обувсь! Черн. Черн.

— Зайхавъ за Дунай та й додому не думай Черн. Нѣж.

Заломилы (або: загнулы) чорту ковбасу! (Йидучы, гака дамы). Черн Новозыбк.

70 За нею смерть сладкомъ ходе. Харьк. Зміевск.

Зарикалась свыня... йисты; бижыть, ажъ дви кучкы лежыть,—не втерпила та й ззила.

Затымъ йены (хахлы) й дьошевы, што йихъ не ѳдятъ; а што бѣ йихъ ѳли,—йены бѣ дарагій булы. (Лытвыны сміюцца зъ нашихъ). Черн. Новозыбк.

Зѣ Богомъ! семеро своихъ пишло! (глузуютъ ись такыхъ спивакивъ, що якъ утнуть, то наче старци). Черн. Нѣж.

— Знала кобыла, на що голобли была—хочъ хвостомъ везы! Харьк. Зміевск.

— 75. Зѣ рудыхъ нѣма святыхъ. Черн. Черн.

И винъ съ своимъ требомъ! Харьк. Зміевск.

— И гныды кашляють. Харьк. Богод.

Изъ голыка не буде волыка. Черн. Черн.

— И крутыцца, мовъ кызякъ вѣ ополонци! Каневск.

80. И знаю, на якой паласѣ, да не знаю, у якомъ канцѣ! (Будимъ такъ молодыця казала, понисшы чоловикови обидаты вѣ поле, якъ винъ тамъ оравъ. Глузуютъ, що у Польщи таки довги та вузьки нывкы, що якъ не знаешъ, у якому кинци, то кругу дасы чымало. У насъ про таки нывы дывысь № 197). Черн.

И мычокъ не мычешъ, а кашляешъ. (Кажуть на коняку, якъ кашляе) Черн. Борз.

И не радъ за горячий каминь, да треба обиручъ! Черн. Борз.

— И плутаецця, мовъ Настя вѣ конопляхъ! Каневск.

И самъ не гамъ, и людямъ не дамъ. Черн. Черн.

- 85. **И**ижъ, Хома, хочъ ложки нема! Черн.
 Йй-же то-Богу, я бачывъ, якъ собака у Петривку по
 льоду бигъ! (Петривка—село Городнянського повиту).
 Черн.
 Йому тры чысныця до смерты. Харьк. Богод.
- **К**азавъ Девысь: матери вашій бись! Черн.
- Казавъ Тарась: начхать на васъ! Черн.
90. Куды стрило, туды й брело. Каневск.
- Кыны, кыпы, кашко, покы прыйде Йвашко. Харьк.
 Харьк.
 Коза не хоче на торгъ, та ведуть. Полт. Конст.
 Козакъ-Муха зачепывсь по вуха (на диты). Киевск.
 Козыный кожухъ, а вербови дрова, то й смерть готова.
 Каневск.
95. Козу водыть (пыты почавъ на довго). Черн. Нѣж.
 Колы бъ не клынъ да не мохъ, то бъ и майстеръ
 здохъ. Черн. Нѣж.
 Короста не велика й не мала, якъ на дубови кора,
 що ни стругомъ не встругаты, ни сокырою не
 врубаты. Полт. Конст. (Номис, № 8163).
 Ботрый кожухъ найковтуноватищый? (Скороговорка).
 Каневск.
 Крыця—не лошыця, вогонь—не кобыла! (Иронія).
 Полт. Конст.
100. **Л**етивъ горобецъ черезъ безверхый хливецъ та вхо-
 пывъ гороху безъ червотоку, безъ червоточыны,
 безъ прачервоточыны, — та й пурхъ, полетивъ! (Скоро-
 говорка). Каневск.
- Лыхо мое чубатее: ниhto мене не сватае! Черн. Черн.

Мали диты спать не дають, а велики—жыть не дають. Черн. (Номис, № 9191).

Матланкы даты (за волосся поскубты). Харьк. Зміевск.

Матчыно бойло не болыть. Черн. Черн.

105. **М**ыкыта сино визъ—не довизъ: покынь саны, визьмы визъ. Баневск.

Мы на гроши тилькы голодни, а хлеба слава Богу! (сказала жинка заможна). Харьк. Харьк.

Мовчы, не крычы,—якъ Богъ убывъ, дакъ не хытайсь! Черн. Черн. (А. Гарнье).

Молока! (каже дытына).—Хай же подойимъ быка! (отказують). Черн. Черн. (Номис, № 12378).

— **Н**а вику доведеця варыть и въ глеку. Черн. Новозыб.

— 110. **Н**агомонивъ по сами вуха. Харьк. Харьк.

— **Н**агомонивъ симъ мишкивъ гречавойи вовны. Харьк. Харьк.

На добраничъ, воши ваничъ! (кажуть дитвора одно одному, рсходячысь зъ юлыци спаты). Черн.

Найивсь? пытають у дытыны.—Найивсь!—Молю Бога, щобъ не россивсь! Черн. Черн.

На оце: шагъ доложышъ та бублыкъ купышъ. (Смюцця, якъ хто дае покыдьокъ). Харьк. Богод.

115. **Н**апъецця й слюозъ, абы віозъ. (Про коня: одынъ напувавъ, а другый приказавъ). Черн.

— **Н**аша Гапа за хлибъ лапа,—слава жъ тоби, Господы! (про дытыну, якъ уперше берецця). Харьк. Богод.

— **Н**аша перепелычка мала й невелычка пидъ полукнипомъ выпидишьомкалась. (Останне слово дев'яти разивъ). (Скороговорка). Полт. Конст.

Нашій Ганни ридный швецъ. Черн. Черн.

Нашымъ усе чарчына ворочаецця. Полт. Конст.

- 120. Нашого паламаря нихто не перепаламарюе. (Скороговорка). Полт. Конст.
- Нашому ковалеву черезъ юлицю бондарь. Черн. Черн. Нашъ Карпо розпоукарпывся на маленьки полукарпенята. Каневск. (Скороговорка).
- Не було на молоди, то не буде й на сыроватци. Полт. Конст.
- Не въ сей день згадуючы. (Якъ про скоромыну збалакающа въ писть). Черн.
125. Не вирышь,—забожысь! (Перекручуе: каже, щобъ той забожывся, хто не вирыть.) Черн. Черн.
- Не возомъ тебе зачепыятъ! (Чого сердышся,—хыба жъ я тобі що велике зробывъ?) Харьк.
- Не дають и вгору глянуты (дила багато). Харьк. Богод.
- Не журысь рано вставшы, молодымъ оженившысь: рано вставшы—багато вробышь, молодымъ женившысь—дитей до розуму доведешъ. Харьк. Богод.
- Не журысь, що въ мене нема грошей: и въ тебе скоро не буде. Черн.
- 130. Не журысь, що нема чобить: менше буде клопить, а то ще мазаты треба та вбуваця. Черн. Черн.
- Не здобыхомъ-быхомъ! быто Сакова, быто Якова: черезъ бе-ге-ге та втерялы ги-ги-ги. (Злодійи хотилы вкрасы коня (ги-ги-ги), а вивци (бе-ге-ге) счутылы,—йихъ піймано й побыто). Каневск.
- Не здужае здохты! Черн.
- Не зивай, Клымку,—на те ярмарокъ. Харьк. Зміевск.
- Не знаешъ чымъ удавытысь?—тры пальци въ ротъ! Каневск.
135. Нема сылы сміятися, а треба пытатыся. Полт. Конст.

Не плачъ, мы заразъ вернемся! (сказавъ поштаръ, йидучы черезъ чуже село дытны, що плакала, сыдючы бия ворить). Черн.

Не прадеця,—нехай воно зведеця! Черн. Черн.

— Не пхай — повалюсь! Черн.

— Не разъ сучка санкы мчала (про що неможливе.) Харьк. Богод.

140. Не тратъ, куме, сылы,—пускайсь на дно! Черн.

Нехай выясныця, а то, бачъ, нахмарыло! (Якъ чого хто просе, а друге не хоче даты чы зробыты.) Черн. Нѣж.

— Нехай, хлопче, перелопче. Харьк. Богод.

Не шукай моря: въ калюжи втопнешъ. Полт. Полт.

Ни къ Богу свичка, ни къ дидьбу ожыго. Каневск.

145. Ни се, ни те—нате, люде, йижте! Каневск.

Ни сило, ни впало,—дай, бабо, сало. Черн. Нѣж.

Нп, це вже балы! (—дудки!) Харьк. Харьк.

Но-о! щобъ вы живи булы! щобъ васъ попы не ховалы! (на коней кажутъ). Черн. Борз.

Однією рукою поганяе, а другою слъозы втырас. (Конн такы погани). Черн.

150. Одъ хлиба люде мруть. Каневск.

Ой, маснычко! яка ты була!... Якъ бы тебе симъ недиль, а посту одна! Полт. Конст.

— Ой ты, рудый, ходы сюды, а ты, билый, стій тамъ. Черн.

Ой якъ бы мойи лита молодыйи,—далеко бъ я бачывъ! Харьк. Харьк.

Оттакый велыкий росты! (пиднимаючи дытнуу вгору). Харьк.

— 155. Оттакойи — пресвятойи, на копійку солы! (Нисевитныцю хто сказавъ). Харьк. Харьк.

— Оце той Лазоръ, що я його знавъ. Була въ його сира свыта, дакъ я й тую знявъ. Черн.

Оце ще Ныконъ! (Якъ хто ныкае то туды, то сюды.) Черн. Черн.

Очыма бѣ йивъ! (такъ хочецця). Полт. Конст.

— Шаны! по семеро въ (одни) штаны та й ще матня телипаецця! Черн.

160. Панська помыйныця. (Кажуть на тыхъ, хто служить у панивъ). Черн. См. № 64.

Паршыве порося и въ Петривку мерзне. Харьк. Харьк.

Перепелычко мала-невелычка, чы ты вже выпид-пудьомкалася? (Скороговорка). Каневск.

Писля обидъ полежаты часокъ, то завъяжецця сала кусокъ. Черн. Черн.

Пишла бѣ туды вытрышкы ловыты. Харьк. Харьк.

— 165. Побый тебе бабына молитва! Черн. Борз.

Пойнавъ сухымъ ротомъ! (кажуть, якъ дытына переверне або розилле те, що йй дала). Черн.

Полекшало нашій матери: то сыдила, а то й лежаты не дае. Харьк. Харьк.

Попивна замижъ хапалася та й доси сыдыть. Черн.

Послидня кахтызьма. Послидню кахтызьму дочытуе. (Кажуть на того, хто скоро вмере). Черн. Нѣж.

— 170. По старому закону, паляныця попу й дякону. Черн. Черн.

Правда, та шербатенька. Черн. Нѣж.

Прахъ йому й попилъ! Харьк. Зміевск.

Прыгвоздылась якъ гвоздыкъ. Харьк. Зміевск.

Прыйшла ваша собачка та й ззила ваше м'ясце. Харьк.

Богод.

175. Пры нуждѣ—павозачка, а пры смерти—грабокъ. (Сміюцца изъ лытвынського воза). Черн. Новозыбк.

Продалы, якъ дурно виддалы (дешево). Харьк. Харьк.

Прощавай, скоромыно, йды, писныно! Полт. Конст.

П'яныця,—пропывъ штаны да й хвалыця! Черн.

Рада гныда, що вийшла за Демыда, рада воша, що вийшла за Тymoша. Полт. Конст.

180. Разъ, та гараздъ! Харьк. Харьк.

Разъ умираты, не десять разивъ. Полт. Конст.

— Ракове здвыженнє. (Кажуть тому, хто допытуецця свята або каже, що свято тоди, якъ його нема). Черн. Городн.

Розбылы глекъ (—посварылыся). Полт. Конст.

Се не возьме тебе болячка, шо ты такъ робышъ? Черн. Черн.

185. Сыды, грибе, покы тебе лыхо здыба! Каневск.

Се такый нисъ, що чуе, якъ на небі млынці печуть. Черн. Черн.

Слова съ писни не выкыдають. Каневск.

Снипъ-якъ снипъ, а молотныка й чортъ визьме. Полт. Конст.

Снылось свыще,—ходыть по двору та й свыще. Черн. Нѣж.

190. Старый довгъ якъ нахидка. Полт. Конст.

Старцю село не накладъ. Черн. Новозыбк.

Съ своимъ хлибомъ пообидаетъ. (Такый скупый). Черн.

Съ хлибомъ йистъ! (кажуть проты того, якъ хто доводыть, що буцимъ отой не пье). Черн. Нѣж.

Сьогодні хочъ вола ззижъ, а завтра все одно схочеця.

Полт. Конст.

195. Сюды тень, туды тень—и промайнувъ увесь день.
Каневск.

Сядьмо, щобъ хазяйину болячки сидалы. (Прымовка
проты того: сядьте, щобъ усе добре сидало). Черн.
Городн.

Така довга, якъ польська кышка. (Про довгу та вузьку
нывку). Черн.

Тамъ така хата: витромъ обгорожена, небомъ укрыта.
Харьк. Сумск.

Тамъ тебе хапунъ ухопыть, лызень злыже. Черн.

200. Такъ то и вмерты, лыха не набравшысь! Черн.

— Тая, що хвостомъ мотает. Черн. Черн.

— Твоя маты у очипку сало товче, а батько у штаняхъ
паску святывъ. (Дражнють дитей, и якъ яке не
розуміе, то й до плачу доведуть. А якъ инше, то
видкаже: «а вже жъ не безъ очипка и не безъ
штанивъ!») Черн.—Екатериносл. губ.

Терпы, козаче, горе;—пытимешъ медъ! Полт. Конст.
(Номис, № 2406).

Тикай лышъ одъ печи,—попарю плечи! Полт. Конст.

— 205. Тилькы й земли маю, що по-за нихтямы. Каневск.

Ты його жалій, та тилько щобъ винъ не знавъ сього.
(Про дытыну). Черн.

Тисяча висимсотъ высимдесять пъятого годà уродылася
Домаха руда, наробыла кваши двадцять чотыри
видра, а вы, куци свынн, пиднимаите хвосты,
а бо вамъ черезъ цю квашу бресты. Харьк.
Сумск.

Товкачеве вознесеніе. (Кажуть тому, хто допытуюцца свята або каже, що свято тоді, якъ його нема).

Черн. Городн.

Требови й кивця нема. Харьк. Харьк.

210. Тряеця на колицяхъ. (Якъ чого дае трохи). Черн.

Тутъ и соха й борова, и кобыла ворона. (Тутъ його все, якъ бачите!) Черн.

Тхны—роды! Харьк. Зміевск.

— У його усе бубна козырь (—умертый). Черн. Черн.

У кого нема, то не здохне. (Якъ що здохне та за нимъ жураця, то приказують). Черн. Нѣж.

215. У людей жменьку (визьменитъ), а чортъ у тебе мирку.

Черн. Черн.

У насъ грошей лежанихъ нема. (Такихъ, що безъ-дила лежать). Харьк. Зміевск.

У ночи хочъ якъ трищитъ, а удень все проты сонечка плющитъ (—на весну повернуло). Полт.

Конст.

Утяла—ажъ пальци знаты. Харьк. Богод. (Номис, № 7533.)

Ухватывъ, якъ собака обметыди. Черн.

220. Хай такы мій чортъ старшій! (—хай буде, якъ я хочу!) Черн.

Хвалы товаръ,—руку выдко! Каневск.

Хай такы мое зверху буде! Харьк. Харьк.

Хыба я вамъ межу переоравъ, чы що? (—Я жъ вамъ ничего не зробывъ,—за що жъ гнивається?) Черн.

Хочъ голубъ дыкый, хочъ вовкъ молоденькый. Черн Борзенск.

225. Хочь горшкомъ звить, абы у пичь не ставлялы. Черн.

Нѣж.

Хочь лычавый, та не позыченный Харьк. Харьк.

Хочь не тильный, а телысь! Полт. Конст.

Хочь свыни йилы, хочь шляхта попасувала. (Кажуть на тыхъ, хто йившы понагыжувавъ). Черн. Городн.

Хочь съ колпна выколупы! Черн. Городн.

230. Хочь у самій льоли, абы до любовы. Харьк. Богод.

Хочь чынъ ледачый, та ковниръ стоячый. Черн.

Хочеця йисты, ажь шкура болыть. Полт. Конст.

(Номис, № 12136).

Хрестъ на хрестъ не вадыть. (Кажуть, якъ двичи або трычи перехрыстыцця). Черн.

Хто бреше, тому лекше. Харьк. Харьк.

235. Хто везе, того й поганяють. Черн. Нѣж.

Хто годуе, той и бѣе. Черн.

Хто не вгуренъ, той не голоденъ. Каневск.

Хто празныка пытае, той пани-стару латае. Харьк.

Харьк.

Чымъ вы, хлопче, дома втыраетесь?—Батько—рукавомъ, маты—подоломъ, а я на печи такъ сохну. Черн. Городн.

240. Чы надобень надолобень?—поганяй соби дальше. Каневск.

Чого зажурывсь? Що молодъ оженивсь? Черн.

Чого це я сыжу? (Треба, бачъ, иты).—Такъ ляжете полежете! (одказують). Черн. Черн.

Чортъ його наплачеця, якъ що-дня мруть! Полт.

Конст.

Чортъ биса пизнавъ та й на обидъ позвавъ. Каневск.

245. **Ш**объ ты ходыла увесь свуй вѣкъ, якъ вѣтеръ у
поли! Черн.

Штурхъ Панька въ око, а вѣвъ и такъ слѣпый. (По-
дольск. губ. І. Журавскій).

Щасливому грибы брать, а нещасному сорочку драть.
Черн. Черн.

Щобъ на тебе свить не свитавъ и сонце праведне не
сходило! Харьк. Харьк. (Номис, № 3770).

Щобъ тебе грець попоносывъ на вылахъ! Харьк. Харьк.

250. Щобъ тебе орда взяла! Полт. Конст.

Щобъ ты зозули не почувъ! Каневск.

Щобъ ты каменемъ сивъ! Каневск.

Що се тобі? прадиды въ вичи лизуть? (Пытають, якъ
хто бува не до ладу почне казаты що). Черн.
Черн.

Що ступне, то й брехне. Харьк. Харьк. (Номис, № 6913).

255. Щось гавка на собаку. (Слова переставляно). Полт.
Конст.

Що тато робе?—Пообидавъ та хлѣбъ ѣсть. Бѣвск.
(Комаровъ, № 573).

Що ты снідавъ?—Дайте хлѣба, дакъ скажу. (То бѣ
то: ничего). Черн.

Що це на тебе Пылыпивка насила? (Бажуть на лю-
дыну, якъ кашляе, бо у Пылыпивку мнють конопли,
и зъ ѣихъ летыть такыи пылъ, що нехотя за-
кашляешъ). Черн. Борз.

Що якъ-бы у тебе отакъ ротъ стоявъ? (пытають у
того, хто йде и двери навстѣжъ кыне). Черн.

260. **Я**къ бы дѣтки усе спали, то не булы бѣ маткы

стари; а якъ бы диткы не мерлы, то вони бѣ и небо пидперлы. Черн. Черн.

Якъ бы не мерлы, то и небо бѣ пидперлы. Черн. Нѣж.

Якъ де робыть купа, то не болыть у пупа. Харьк. Змиѣвск. (Номис, № 10761).

Якъ есть старый кустъ (?), такъ и двирь не пустъ, а якъ есть стари люде, такъ и всего прыбуде. Черн.

Якъ куры съ сидала повстають, такъ и снигу не буде. (Такъ скоро зйде, що тилькы до курячого вставання додержыцця. (Про недовговишнѣе що). Харьк. Змиѣвск.

265. Якъ на скору робыцця, дакъ слипее родыцця. Черн.

Якъ не дасть Богъ смерты, то не возьмутъ и черти. Черн.

Якъ посієшь наволокомъ, то и вроде якъ нарокомъ, а якъ посієшь густо, то не буде пусто. Харьк. Харьк.

Якъ рука въ гною, дакъ душа въ раю. Черн.

— Якъ разъ Савци свята, мовъ на його й шыта. Каневск.

270. Якъ хто икне, то каже: хтось спомынае!—А якъ дивчыни, то додають:—хто за свою мае. Черн. Черн.

Яке тоби дило, що робыть Самійло?—про те Гапка зна! Полт. Конст. (Номис, № 9579).

272. Яки бѣ ще ридниши родычи? Полт. Конст.

191. ЗАГАДКИ.

(Загадки, взятыя изъ бумагъ Т. А. Зиньковского, обозначены сокращеніемъ: «Т. Зинк.» а доставленные В. Ф. Степаненко—«Каневск.»)

Визъ, саны та ярмо. 1. Одно каже: мени зимою лучче, друге каже: мени литомъ, а трете каже: мени хочъ

лито, хочъ зима,—перемпы меа. Зміевск. у. Харьк. губерня.

Видра та коромысло. 2. Дви сестрыци пишы напытысь водыци, а брать зигнувшысь стоявъ та сестрычокъ чекавъ. Каневск.

Виныкъ. 3. Крутыця-вертыця, пидъ прыпичкомъ снать ляговыця. Каневск.

Вогонь. 4. А шо важче видъ усього? (Зміевск. у.)

Гадюка. 5. Середъ лиса-лиса лежыть шмать зализа,—ни втыть, ни взять, ни на визъ положить. Сумск. у. Харьк. губ.

Годыныкъ. 6. Стука та й стука,—що воно за штука? Кому воно въ прыгоди? Кумедія та й годи! Каневск.

Гребинець та воши. 7. Чорный бутурлынь зъ горы свини потурлывъ. (Зміевск. у.)

Гримъ. 8. Заривъ вилъ на сто гиръ, на тысячу болота. (Т. Зиньк.) 9. Бигъ кинь билобокый черезъ яръ глыбокый, якъ заиржавъ,—на весь свить чути. (Подольск. губ.—Т. Зиньк.)

Груды. 10. Жовте якъ вискъ, надуте, якъ михъ, на столи не бувало, а весь миръ прогόδувало. (Сумск. у.)

Гуска на яйцяхъ. 11. Сыдыть на билыхъ горахъ, дожыдае живыхъ и мертвыхъ. (Зміевск. у.)

Двери. 12. Одно рядомъ симъ бабъ тягло. (Зміевск. у.)

Дзвинь. 13. Божу хвалу за хвистъ тягнуть, вона крычыть квалтъ! (Т. Зиньк.)

Иванъ Хреститель охрестывъ. 14. Що Богъ не мавъ, чортъ не хотивъ, а чоловікъ Богови давъ? (Т. Зиньк.)

Калына. 15. За лисомъ, за пролисомъ червонн чоботы высьать. (Зміевск. у.)

Карасерь. 16. Якъ розилещъ—вонюче, а запалышъ—горюче. (Сумск. у.)

Кошарь. 17. Летела пташка широкоуста, свыснула, гукнула
громкимъ голосомъ, ззила царя й царицю, короля й
королицю, рыбы не йила, бо въ води. (Сумск. у.)

Коромысло. 18. Два прямыхъ, одинъ горбатый та и йиздять
по жинкахъ. (Зміевск. у.)

**Ложку несутъ чотыри велики пальци та п'ятый ме-
зынный.** 19. Чотыри чотыречкы та п'ятый Макаречко
несутъ кривулечку черезъ тынь та въ вулечку. (Т.
Зиньк.)

Макивка. 20. Повна бочка жыта, п'ятачкомъ накрыта. (Т.
Зиньк.)

Мисяць. 21. По надъ лисомъ-лисомъ высыть дѣжа съ ки-
стомъ. (Т. Зиньк.) 22. По нидъ лисомъ-лисомъ котыця
дѣжа съ кистомъ. (Сумск. у. Харьк. губ.)

Мисяць та зирочки. 23. Шматокъ хлиба горохомъ пры-
сыпаний. (Зміевск. у.)

Морозъ, крыга та весна. 24. Прыйшовъ дидъ, зробывъ мистъ
прыйшла дивка красуха, по мосту тупа,—мистъ розва-
лывся, а дидъ ажъ на мори опынывся. (Сумск. у.)

Мычки у коней. 25. Чотыри дѣда назадъ бородами.
(Славяносербск. у. Екатерин. губ.)

Мыша, пивонь, кить, хливы, пичъ. 26. Выйшовъ царь
земляный п пыта царя Куркодима, чы не бачывъ царя
Цурупала.—Ни каже, бачывъ: ходывъ нидъ Грыго-
родамы и пишовъ на Бытынську гору спочываты. (Сум. у.)

Образа, прыкрить. 27. Гостре, а не иижъ, рѣже, ажъ до
сердца доходе, а кровь не йде. Каневск.

Огирокъ. 28. Лежыть нидъ хворостомъ мыша съ хвостомъ.
(Зміевск. у.)

Очи. 29. Безъ виконъ, безъ дверей туды ввійшовъ Галлелей.
(Сумск. у.)

Перецъ. 30. Чорненьке, маненьке усе поле збигало, а въ
короля пообидало. (Зміевск. у.)

Поригъ. 31. Маленькый Макарьчкы усьмъ... пидглядчкы.
(Зміевск. у.)

Свичка. 32. Кисткамъ товчу, вытовкую, у печи варю, выварюю, прыжарюю, кручу, верчу, въ серединыу врьовочку вкладаю и царю на подарокъ ставляю. (Сумск. у.)

Своложъ. 33. Цыганка въ хати, а цыцькы на дворн. (Славяносербск. у. Екатер. губ.)

Смерть. 34. Надъ Бога менча, надъ царя старша. (Зміевск. уѣзда).

Старци. 35. Загадаю загадки на тры граматкы, шо тымъ трьомъ попередъ викномъ. (Зміевск. у.)

Ступа. 36. Не бый мене, не лай мене,—лизь на мене й хытай мене, до самого поту проганий охоту. Каневск.

Терныця. 37. За горою камъяною безчерева сучка бреше.
(Т. Зиньк.) 38. За лисомъ, за пролисомъ таратайка бреше. (Т. Зиньк.)

Церква. 39. Стоить дона на донахъ, на дванадцятыхъ ногахъ.
(Славян. у Екатер. губ.) 40. Стоить кгонъ на кгонахъ на дванадцятыхъ ногахъ, клыче сына Северына изъ Билгорода. (Богодух. у. Харьк. губ.)

Церква та люде. 41. Стоить верба, паросты пустыла до кожного двора. (Зміевск. у.)

Цыбуля. 42. Ты въ кожній господи въ великій прыгоди, а хто роздягаты тебе визьмеця, той слизьмы заллеця. Каневск.

Штаны. 43. Шляхомъ пишовъ та два знайшовъ,—я надивъ йяхъ на себе та й зъ дому пишовъ. Каневск.

Яйце. 44. Кругленьке, маненьке; впале—розибъеця,—такого бондаря нема, щобъ його зложывъ. (Т. Зиньк.)

45. Видъ чого качка пlyinge?—*Видъ берега.* Каневск.

46. Скильки спыць треба въ добре колесо?—*Ни однойи.* Канев.

ДОБАВЛЕНІЯ.

(Матеріалы, доставленные во время печатанія).

Бъ отдѣлу 1-му.

192. ДРИКЪ ТА ВИЛЪ.

Казавъ здруоку вуоль:

— Я бѣ одѣ тебе утьокъ, екъ бы не боявся, що земля провалыцца!

А здруокъ йому каже:

— Я бѣ тебе на дуба загнавъ, дакъ не можу за ре-
готовиъ.

А воно, бачыте, здруокъ. якъ уджыгне скотыну, то заразь и впаде додолу; тутъ його заразь и накрывай шапкою, а такъ зроду не поймашъ.

(Записаль М. С. Гавриловъ въ Черниговской губ.)

---

193. КОМАРЬ ТА ОВОДЕНЬ.

Казавъ комарь оводню:

— Якъ-бы на меня така одежда, якъ на тоби, дакъ я-бъ съ хлопцями дрова рубавъ.

Бо бачъ, яки ци проклятіи комари: усе лито вони до самойи осени кусающця, и хочъ якый холодъ улитбу, то не боящця, дарма що таки сухи; а якъ-бы, мовлявъ, на йому така одежда, якъ на оводню, то й именно, що й зимою-бъ кусалы кони да товаръ.

(Записалъ М. С. Гавриловъ въ Черниговской губ.)

---

194. ГУСЫ.

Гусы якъ идуть у шкоду, дакъ и розмовляють:

— По два на колосокъ! по два на колосокъ!

А тилькы вберущця въ шкоду, такъ и закрывать уси:

— Всякъ соби! всякъ соби!

(Записалъ М. С. Гавриловъ въ Черниговской губ.)

---

196. КУЛЫКЪ.

Якъ зацвите гречка, дакъ кулыкъ литае да й крычить:

— По-о-о-гыбъ! по-о-о-гыбъ!

Скризы биліе, дакъ винъ и думаетъ, що снигъ выпавъ

(Записалъ М. С. Гавриловъ въ Черниговской губ.)

196. СОРОКА.

На Сорокѣ Святыхъ сорока на гнѣздо покладе сорокѣ палычокѣ.

На Похвалу сорока похвалыцца яйцемъ — знесеція.

(Записаль В. Ф. Степаненко въ с. Полствинѣ Каневск. у. Кіевск. г.)

197. ЗИНСЬКЕ ЩЕНЯ.

Нащо зинське щеня рыть? — На те, щобъ Богъ йому давъ очі. Богъ сказавъ йому, щобъ воно нарыло стільки кучокъ, скільки на небі зирочокъ.

(Зміевской у. Харьковской губ.)

Бѣ отдѣлу П-му.

198. ПЫПОТЬ.

Пыпотъ (*типунъ*) у курей після ячменю робыцца, — воны тоді кыркають. Бабы вміють його зривати.

(Кіевск. губ. — Изъ бумагъ Т. А. Зиньковского.)

199. НОВЕ ЙИСТЫ.

Якъ що уперве (того року) почынають йисты (курча, яблукко, огирокъ), то перегынають за голову руку и заготовують отакъ: «нова новына, щобъ не болить пи жывить, ни голова!»

(Валковскій у. Харьковской губ.)

200. ПРЫКМЕТЫ ОДЪ СТАРЫХЪ ЛЮДЕЙ.

1. Коли скотына выбрыкуе, йдучы до воды або на пашу, то треба чекаты дощу.

2. Ко́лы собака або китъ пасецця,—буде дощъ.
3. Ко́лы влитку вранци роса буде на трави,—чекай на дру-
гый день годыны, а якъ нема ййи,—буде негода.
4. Ко́лы у мисяця молодыка гостри рижкы,—буде дощъ,
а якъ тупи—посу́ха.
5. Ко́лы галычъ у повитри шугае, буде хуртовына, а ко́лы
понадымаецця—дощъ.
6. Якъ мае буты бу́ря,—скотына пидй́мае морды й нюхае
напроты витру.
7. Ко́лы мыша влитку высоко гниздо мостыть, буде дуже
снижна зима, а якъ навпа́кы,—то снигу буде мало.
8. Ко́лы дымъ стелецця зъ вывода по землі,—буде дощъ, а
якъ-же йде вгору ривно—буде морозъ.
9. Ко́лы собака качаецця по снигу, чы й по трави,—буде тепло.
10. Ко́лы мисяць и зори понадымаю́ця,—буде витеръ.
11. Якъ мисяць або сонце обгорезено кругомъ—буде лю́тый
морозъ, а влитку—витеръ.
12. Ко́лы скрипка або бандура голосо́сно грае,—буде одлыга
або й дощъ.
13. Ко́лы на Стричення капае съ стрихы,—буде капаты ще
й зъ носа вадъ морозивъ; ко́лы жъ буде холодно, то
буде къ посту тепло й скоро лито.
14. Яка годына на Благови́щення,—така й на Велькденъ.
15. Ко́лы влитку въ хати багацько блихъ,—буде гречка рясна.
16. Ко́лы снигъ иде до нового року, буде врожай на озы-
мыну, а писля нового року—на ярыну.
17. Ко́лы на Явдо́кйи витеръ в́іе зо схидъ сонця, буде шастя
рыбалкамъ на рыбу. (Каневъ).
18. Ко́лы зимою заметы лягають близько коло т́іни́въ,—
буде на все врожай, а ко́лы далеко,—на все сутужно.
19. Якъ выкыдають съ пидъ кути сиво, треба тамъ по-

шукаты волосыны, и лкойн масты видшукоецця,—
такойн масты скотына буде йты у руку.

20. Колы джа луццить,—скоро веспяля буде.

21. Колы пивень на покути знадвору заспивае,—чекай пев-
ныхъ гостей.

22. Якъ дивка заплитаецця, и все права коса товща, то ся
дивка пиде за парубка, а колы лива,—за удивця.

23. Колы сычи кукуванкають на хати,—треба чекаты мерця
въ хати; а колы борушкаюцця вдвохъ, а опися й
покотюцця по крышю ажъ додолу,—повынно вмерты
въ хати ажъ двое и дуже швидко.

24. Колы каша, якъ варышъ, вылизе зъ горшка,—чекай
мерця въ господи.

25. Колы окна впаде ни съ того, ни съ сього съ стины,—
чекай мерця въ хати.

26. Лава триццить,—на оказію въ хати.

27. Багацько мышей зъявляецця—на голодъ.

(Записаль В. Ф. Степаненко въ с. Полствинѣ Каневск. у. Кіевск. г.)

Еъ отдѣлу III-му.

201. ЯКЪ ВЫПЫСУВАТЫ ПРОПАСНЫЦЮ.

Щобъ пропасныця покынула трусыты, визьмы й вы-
пышы на чвертци шаперу ось ци слова, що будуть потимъ;
згорвы сей шапирецъ у восьмеро, перевяжы його ниткою и
вкынь у воду, на ричку, а йдучы видъ ричкы й до ричкы
не повыненъ ня съ кымъ и слова мовыты,—навить хто
скаже: «добрыдень» не одповидай нпчого й не озырайся
назадъ.

На папиръ той выпысують ось яки слова: «ишли Ыродовы дочки на свить окрашенный; зустрічае ихъ Божая Маты й пытае: «куды вы идете, Ыродови дочки? — На свить окрашенный. — «А чого жъ вы идете?» — Тила вьялыты, еерця сушыты, червону кровъ збавляты й жовтую кистъ ламаты раба Божого (имя рекъ). — «Авраме, Авраме, — виэмы ты сыхъ Ыродовыхъ дочокъ, зачыны йихъ зализнымы дверыма й замкны зализнымы замкамы, щобъ воны на свить украшенный не ходылы, тила не вьялылы, еерця не сушылы, червонои кровы не збавлялы й жовтои косты не ламалы». (Записаль В. Ф. Степаненко въ 1895 г. отъ Ивана Корніенка, старого дѣда который всѣмъ «выпысуетъ пропасныцю» въ с. Полствинѣ Каневского уѣзда Кіевской губ.)

202. СЕЛЬСКІЙ ЛѢЧЕВНИКЪ.

Нижепомѣщаемая рукопись доставлена намъ В. Ф. Степаненко и находилась въ бумагахъ его отца, грамотнаго и много читавшаго церковно-славянскихъ, русскихъ и польскихъ книгъ крестьянина изъ села Полствина Каневского у. Кіевской губ., Ф. Д. Степаненко. До женитьбы онъ служилъ на красильной фабрикѣ и въ это время много записывалъ изъ устъ народа сказокъ, пѣсенъ, знахарскихъ обычаевъ и пр. Но потомъ, подъ вліяніемъ чтенія религіозныхъ книгъ, сжегъ все собранное какъ грѣховное и неугодное Богу; случайно сохранилось только кое что. Печатаемая рукопись писана однако не его рукою и, по словамъ В. Ф. Степаненко, написана Пилявскимъ священникомъ. Она представляетъ изъ себя тетрадку въ восьмушку толстой синей бумаги; начинается съ 9-го листка и кончается 48-мъ; кромѣ того, въ срединѣ не достаетъ 24 листовъ. Письмо конца XVIII в.; мы вполне сохранили правописаніе, исправивъ иногда лишь знаки препинанія; кромѣ того, предлоги, почти всегда соединенные съ существительными и прилагательными, мы отдѣлили, а съ глаголами ихъ, гдѣ слѣдуетъ, соединили. Всѣ «способы» на «хворобы» и иные случаи расположены въ рукописи въ алфавитномъ порядкѣ; приписки на поляхъ тоже поставлены въ требуемомъ алфавитомъ мѣстѣ.

Большая часть этихъ «способовъ» выписана вѣроятно изъ рукописей, но есть и записанные прямо изъ устъ народа, напр. при статьѣ: «Способъ наилучшій, чтобъ пшеница родила и зони не было» — означено отъ кого записано средство: «Данило з Ромашокъ шинкаръ.»

Другіи способъ гостецъ лѣчити.

Мѣсто декокту: нарѣзать одънолѣтковъ дубини, вѣльшини и зѣноватѣ, материнки, конетню и бородача съ корѣнямъ, и тое все въ купу по ровной частѣтъ посѣкти дробно якъ можна и варити въ лехкомъ жару цѣлю (*) сутки; тимъ образомъ точно яко же и декоктъ, а люкрацію, сиестъ лакорицѣ чили наноротѣ солодкоу до тихъ зѣлій употреблять не надобно; пить надобно тое такъ, якъ и декоктъ — рано, въ полудень, наноцъ и частѣе — шесть недель, а иногда и болше.

А Меркурій истерти мяшко и водкою крѣпкою или спиритосомъ розвести и рани рано и наноцъ ежене мазати, а липовимъ листямъ молодымъ сиримъ или сухимъ розпаривши обкладати рани; или листямъ лататямъ водянимъ, которое на водѣ поверху плавае, а оно есть круглое и величиною якъ тарѣлки; аще гостецъ сухій, то липини не надобно. Пищу и питіе имѣть принимати точно такую, яко и прежде съ декоктомъ; надобно тое лѣкарство всегда пить теплое;

въ той болѣзни можна пить воду теплую;

въ ваннѣ надобно паритися ежене; ванну суху надобно дѣлати такимъ образомъ, — влѣзти въ ванъенку, съ верха накрѣтиса и на камень крѣпко горящій по немножко сипати декокту, или вареного вересу, или теплой води.

(*) Вездѣ, гдѣ въ этомъ № и въ № 204-мъ, стоитъ буква и, тамъ въ рукописи стояло и съ горизонтальной черточкой сверху; въ типографіи не оказалось этой буквы съ такимъ знакомъ, почему и пришлось поставить въ такихъ случаяхъ и.

ДРУГАЯ ВАННА.

Вересу горъщокъ большой изъварити и висипати у вѣдро, или другую зъгодную судину, и каменей три розна-лити, и кидати по одному, и стати надъ парокъ, или сѣсти, и въкритися по шію, чтобъ добре въпотѣти,—а по ваннѣ выпити декохту, положится, въкритися, чтобъ потъ пройшолъ.

Способъ, чтобъ гречка рясна била.

Уважай по новомъ году, якои неделѣ и якого дня первій иній сяде,—то по свѣтломъ воскресеніи, такой неделѣ и въ такіи день сѣять надобно гречку: то будетъ рясная.

Другій способъ на тое.

Уважай якого небесного мѣсяця и якои кватири, и въ которій день, первій иній сяде; аще зимового якого мѣсяця, первого, или второго, или третого, то такого мѣсяця лѣтняго, и такои кватири, и въ такой день, надобно гречку сѣяти, то будетъ именно рясна; аще осѣнного мѣсяца небесного Ноября, то сѣй весняного мѣсяця Мая небесного.

Съспособъ гнылецъ съ пчелъ вигубляти.

Надобно сахаръ бѣлій вътерти и съ водою непчатою добре съварити и тимъ пчели заражени гнильцемъ съколко двей годовати, хотяи 3 или 4 днѣ, то конечно гнылецъ вигубитъся.

Другій способъ, якъ мотелицю съ пчелъ вигублять.

Надобно Мая мѣсяця, или когда небудь, нарвати зелія копетню съ корѣнямъ, и оній копетень въ водѣ не початой съ медомъ добре съварити, и давати пчолоамъ цсти съколко разій, то пчола вичиститъ мотелицю.

**Гаданіє якій предъидущій будетъ годъ, хорошій
или худій.**

Аще хочеші вѣдати, якій иматъ предидущій бити годъ, то въ день чуда святого Михайла, знайди дубовіи яблучка и разълами ихъ, и аще обърящеші въ немъ наука, то худій годъ будетъ; аще же муху, средній годъ будетъ, аще же червѣ, то добрій годъ будетъ а егда ничтоже обрящеші, то боятися треба морового повѣтра. Аще дубовіи яблочка въ срединѣ будутъ добріи, то и лѣто будетъ доброе, и будетъ урожайное всякимъ сѣменемъ земънимъ; аще же тіи яблочка будутъ въ срединѣ мокріе, то и лѣто будетъ мокрое; аще же будутъ сухіи, то и лѣто будетъ сухое,—и сіе надобно вѣдати.

Вѣстно ти буди, аще есть когда небудь знаменіе воздуха тихое, теплое и мокротное, то въ тоє время къ путь ити, жениться, сѣяти, новія одежди дѣлати, будоватися и прочая и прочая.

Октоврія мѣсяця противъ 31-го числа зъвечера взявъ води въ скляницу полную якъ можна и поставъ на столъ на всю ноцъ, а вранцѣ узри, аще вода въ скляници прибудетъ и чрезверхъ потечетъ на столъ, то лѣто доброе дощовое и роджанное будетъ, аще же вода въ скляници не прибудетъ, то худій годъ будетъ.

Лѣкарство на гризъ, аще будетъ въ спинѣ или въ другой якой костѣ.

Викопати корень зелія переступня якъ можна увесъ що до кришки, а въ тую ямку положить хлѣба кусокъ, солъ и денежку и того кореня наскребчи и зъ масломъ смажити и на платку прикладати до спина. Корень аще не увесъ вивикопашъ, то не поможетъ.

Способъ къ полазъ чловѣка.

Дитя, когда матеръ отлучить отъ персей своихъ, нехай же тому дитяти не дастъ въ понеделокъ по жизнь его жадного скорому цсти, не толко отъ мясъ, но и отъ млечнихъ снѣдей и лець, даже до съмерти; то тое дитя будетъ добротливое во всемъ и будетъ помоществовати въ молитвахъ Сватихъ, и въ различныхъ лѣкарствахъ.

Лѣкарство на дикое мясо.

Аще будетъ на якомъ нибудь удѣ дикое мясо, то надобно засипати рану ско(лко) разій синимъ каменемъ, то камень впиеть; но надобно хорого выпюцти водкою, бо буде кричати зѣло.

Другій лѣкворъ на тое.

Стругати надобно пагностъ и засипати сколько разъ.

Третій способъ на тое.

Морьковъ стругати и прикладати.

Лѣкарство на живѣтъ или бѣгунку, сіестъ рѣзачку.

1. Аще попьсуется животь, то надобно куперьвасу спалити лотовъ зо три и росътерти надобно, и пити съ водькою густо наколотити на ноцъ, и натошахъ въранцѣ сколько разій.

Другое лѣкарство на тое.

2. Перъцю надобно тры десять зеренъ отгѣчати и рано натошахъ той перець цѣлій ковтънути посколько зеренъ, то рѣзачка вѣймется.

Третье лѣкарство на тоѳ.

3. Надобно раковихъ жоръновокъ, сиестъ камѣнцовъ, зѣ двайцать или съ трийцать мяхо истерти и съ водъкою крѣпкою пити рано натоцахъ, въ полудень и на ноцъ, то рѣзачка уймется.

Способъ на ослабителнѣй животъ.

Костей товарячихъ и косточокъ съ дахтаѣвъ съпалити на поѣлъ и натоцахъ въ тепловатой водѣ дати выпити, то установится.

Лѣкарство до живота на с...ку.

4. Надобно питъ сѣръку къруглую или зѣбрину съ водъкою или въ сировъцѣ рано натоцахъ, въ полудень и на ноцъ съколко разъ.

5. Надобно г...а свинячого спалити и пити въ пивѣ или сировъцѣ чили въ водѣ.

Лѣкарство до живота на рѣзачку.

5. Надобно, питъ натоцахъ Меръкурію съ водъкою но немного, вопервихъ (гостеръти) сътолько, якъ проса зеръно, въдруге сътолько, якъ полъ сѣмя, въ третій разъ цѣле сѣмя, а больше, якъ есть зеръно сѣмя, не принимай, бо умрешъ; такъ съколко разъ сіе употреби, то рѣзачка и ут(р)оба уймется.

Лѣкарство на жовъни.

Надобно сосонку (зеліе) полевою варити, которая росте на поляхъ въ якой небудь пашнѣ или на чистому, и оную добре уварити, накривши крѣпко, но смотри чтобъ не збѣгала, а уваривши, то тоєю сосонкою жовни обкладати, а юшъкою

очень теплою часто поливати; а попаривши надобно горупки, а иначей съверѣпки, чили рѣпки, сієсть рѣпаку, (которая росте на полѣ въ гречцѣ или въ просѣ и въ другомъ мѣсту), наѣня натерѣти мяхъко и съ медо преснимъ патокою съмажыти, и оною мастею платки бѣліи старіи мазати и на рани прикладати въ день и наноцѣ, но прежде зеліємъ сосонкою вѣсєгда окладати и юшъкою парити долго хотя и чєтири, пять, а посѣля плясѣтри власти, то конечно прійметъ уврачеваніє.

Лѣкарство на жовѣтѣницѣ.

Надобно дерева зостѣли галузокъ наламати и наварити въ непочатой водѣ и тимъ хорого обмити до сходѣ слонця въ первій чєтверѣ, но на такомъ мѣсту, гдє народи не ходятъ.

Другое лѣкарство на жовѣтѣницѣ.

Надобно лина разѣплатати и со вѣсѣми его утробами, якъ естѣ не полочучи, до перѣсей прямо серѣдца прикласти на цѣлую добу, а на другую добу другого лина, а на третью добу—третьєго, а можна ещє и больше, то Богъ дастъ помощь.

Трєтое лѣкарство до жовѣтѣницѣ.

Священникъ когда отѣслужитъ литургію святую, то руцѣ своя нехай уміє надѣ килѣхомъ и тоєю водою пополоче килѣхъ и тую воду тамъ же мѣстѣ больному дать выпитъ и посмотритъ въ килѣхъ.

Лѣкарство отъ жовѣтѣницѣ.

Наварити свинячихъ кизякѣвъ горщокъ чили два и въ тихъ скупати хорого и той кушѣлѣ на распутіяхъ виѣлѣяти или на распутіяхъ досходѣ слонца хорого облити нагого и йти додому, не озирайсѣ и малѣйше.

Еще отъ жовѣтѣницъ.

Надобно съ черчатого пояса нитку витягнути въ долготу хотяй 3 локоть и тую нитку въ купель вѣложить, нехай зѣварится, и въ томъ дитя съкупати раза вѣдва или три только, купель кожного раза чтобъ билъ свѣжій и вилить купель тамъ, где народъ не ходить.

Лѣкарство до зубѣвъ

1. Якъ выпаде дитяти первій зубъ, то той зубъ озми и въ хлѣбъ мяхъкушку залѣпи и собацѣ дай зѣцети, то никогда не будутъ болѣти.

Другое лѣкарство до зубѣвъ.

2. Шьпигинару краплѣ одну или двѣ испустить на зубъ болящій, то замѣре въ нѣмъ червѣякъ, и перестане зубъ болѣти, но острожне, даби яселъ не заразить.

Третье лѣкарство до зубѣвъ.

3. Взять надобно насѣня съ землія блекоти званного, а ивачеи нѣмицѣ, а еще ивачеи люлокъ, и тое насѣня вѣтерти мѣлъко очень и зѣмѣшати зѣ воскомъ пополамъ и съ того зѣдѣлати свѣчку, а якъ начне зубъ болѣти, то надоб въ тое время тую свѣчку запалити и деръжати прямо зуба болящаго, ротъ розѣнявши, чтобъ пламень горяздо доходитъ до зуба болящаго.

Лѣкарство до зубѣвъ.

4. Надобно сону кореня прикладать до зуба болящаго такого, которій не цвѣте нѣкогда.

Лѣкарство на болящіи зубы.

5. Святому священно-мученику Антипѣ тропаръ и кондакъ надобно читати до кожного мѣсяця нового, якъ только

первый разъ обачишь, то не будутъ пѣкогда болѣти. Априля 11. Еще и день его постити ежегодно.

Лѣкарство на болящій зубъ.

6. Аще зубъ болитъ съ правой стороны передній, то надобно съ правой съторони зъ воза, съ передняго колеса, смоли възати и на зубъ болящій приложити на цѣлій день. чили на ноцъ. Аще же съ правой стороны задній зубъ болитъ, сиестъ кутнѣй, то съ колеса задняго правой стороны възать смоли и прикладать. Аще же съ лѣвой съторони зуби которіи болятъ, то съ колесъ съ лѣвой стороны воза смолу бери по обычаю, яко же прежде речеся, и прикладай, то за помощію Божіею перестанутъ навсегда болѣти.

Надобно прикладати галасу (*) (сіестъ орѣхъ чернилній) надвое розрѣзати.

Еще громовихъ трѣсокъ наварити и парити.

Лѣкарство на болящій зубъ.

7. Аще кого зубъ болитъ, сице твори. Вперъвихъ надобно написать на бумазѣ латинскими великими початьковими словами MACREUS, посемъ хлѣбъ житній възати цѣлій; изъ еного хлѣба надобно цѣлушку малую отъ себе ножемъ зърѣзати и тую цѣлушку (сіестъ окраецъ) болящему зубомъ въ руку правую дати да нехай деръжитъ, а хлѣбъ, изъ него же изърѣзалъ еси цѣлушку, положить на столъ, а карътку, на немже написанънѣи слова MACREUS, лѣкаръ долъженъ въ рудѣ своей правой деръжати, а ножъ въ лѣвой рудѣ и тимъ

(*) Здѣсь вмѣсто буквы g въ рукописи стоялъ иной знакъ для обозначенія этого звука, похожій на букву г, въ которой правый кончикъ обращенъ остріемъ не внизъ, а вверхъ.

ножемъ перъвое слово М накрѣти, чтобъ того слова и трѣхи не видно было, а накрѣвши слово, питать больного, чи болить тебе зубъ; больной долъженъ праведно признать, аще болятъ крѣпко, аще легчае, то такъ вѣрно и казать. Потомъ другое слово А тѣмъ же ножемъ накрѣти и питать больного такъ, яко же и прежде, чи болить тебе зубъ, чи все одинаково, чи уже легчае и не такъ, а больной долъженъ вѣрно сказать, чи одинаково болить, чили легчае и не такъ чили уже совѣсѣмъ не болить, и такимъ образомъ на жодное слово ножъ покладать и по обычаю питати больного, чи болить однако, чили не такъ, или уже совѣсѣмъ не болить; а больной вѣрно долъженъ всегда отвѣщавать, то истинно зубъ перестане болѣти. И сіе вѣждь: аще на которой лѣтелѣ совершенно перестане зубъ болѣти, то уже болѣе на другихъ лѣтерахъ о той болѣзни не треба больного питать, но уже имѣешъ на той же лѣтерѣ перестати о болѣзни питать, на которой пересталъ зубъ болѣти. А когда же за первымъ разомъ на всѣхъ лѣтерахъ питавшися не перестане зубная болѣзнь, то начини и другій разъ по обычаю отъ перваго слова и до послѣдняго питати; аще же и за другимъ разомъ не перестане, то треба начати и третій разъ порядочно питать, то за помощію Божію прійметъ цѣльбу.

Лѣкарство до зубѣвъ.

8. Аще которій зубъ болить, то надобно до того болящаго зуба приложить грудочку соломянику или сътерѣти и въ тонкій платокъ завязати и прикласти до зуба на ночь чили на пощъ, то зубъ зъ яселъ совѣсѣмъ вылѣзе и выпаде.

Лѣкарство до зубѣвъ.

9. Аще зубъ которіи болить, то накопать надобно чорънобеля кореня Мая мѣсяця, а можна когда небудь, а подъ

корень положи на томъ мѣсту хлѣба крайчикъ и солѣ и того чорънобеля съвари въ водѣ непочатоу и тоєю юшъкою гарачою зубъ болящій понарити два или три раза, то больше никогда не будутъ болѣти, а болящій викришится.

Лѣкарство до зубѣвъ.

10. Аще которій зубъ болитъ, то надобно взятъ сливки венгерки половицу безъ кѣсѣтки и посипати тую слявку перъцемъ съ середини и такъ прикладай на зубъ болящій, то за помощію Божію пріймеш цѣльбу.

Лѣкарство на залѣръ живота.

1. Надобно глядѣти павутини зъ внутръ въ клунахъ или въ хижихъ или въ другихъ мѣстахъ, въ той павутинѣ знайдешъ на сподѣ мѣшечки и набери тихъ мѣшечковъ со всѣмъ, що только въ нихъ будетъ и съпази ихъ въ черепъку на огни и той попелъ розъмѣшай съ водою теплою густо или съ сировъцемъ, а еще лутше зъ дрощами добрими чарокъ зо двѣ или съ три и дати теплое выпити и зачати много ходити, а ложится ненадобно, то всеконечво пронесе.

Лѣкарство на залѣръ живота.

2. Надобно боряка солодъкого или моръквы застругати съ похова чопомъ, а медъ прѣсній пересолити и той борякъ, чили моръкву, въ той медъ вѣложить на цѣлу годину или двѣ; по семъ той борякъ, чили моркву, зъ меду взяти и вѣлхати въ задній нижній сосудъ больному.

Способъ на залѣръ живота, для вичищенія жолудка.

3. Надобно набрати коровячкивъ малихъ, а иначей зозовутся репяхи, которіи растутъ по подвѣрхъ или где

по гнояхъ. Ягодъки ихъ подолъговати и колющіе, величнною наштагтъ бобковъ; они чипляются въ вовну до кожухѣвъ, — тихъ коровячкѣвъ пять или шесть сътерѣти мяхъко и съ водою тепълою зъмѣшати чарокъ хорошихъ двѣ и выпить натошахъ, посемъ много не ложиться спать.

Способъ наилучшій, чтобъ пшеница родила и зони не било.

Якъ приѣдеше сѣяти на ниву, то зъ мѣха полнаго насипъ въ сѣяльній мѣшокъ сколько можешъ понести и прежде, нѣмъ маешъ сѣяти, дай съ того сѣяльнаго мѣшка одному волю чили коню три рази ротомъ хопнути и зѣсти и скажи 3 рази: тобѣ зона, а мнѣ пшеница.

Данило з Ромашокъ шинкаръ.

Чтобъ зона не была, надобно сѣяти въ день ясній и тихій; еще и при мѣсяцѣ, покамѣсть не зайде и на небѣ есть.

Способъ, чтобъ въ пшеницѣ зони не було.

Надобно подѣчасъ рождества Христова три днѣ, перьвого, другого и третого дня рано и увечерѣ самому хозяйновѣ въ печѣ запалити, а запаливъши кождого разу огня не загрѣбай, но нехай лежить до третіяго дне, а третіяго дне въ вечерѣ витопивши и загреби и той попелъ сохрани; а когда пшеницѣ намолю

(Здѣсь въ рукописи не достаетъ трехъ листковъ).

Лѣкарство на кашель конямъ, сіестъ на дихавицю.

Когда кони кашляють, сіестъ дихавичнимъ, надобно давати имъ цсти морьковъ натошахъ що ранку, а потомъ въ полѣ или цѣлу годину проводить ихъ по вольнимъ по-

вѣтру; посемя и паки морькви цмъ дати, а отпочивъши немного и паки онихъ проводить; тое чинити чрезъ сколько день, то конечно кашлю, чили духавицѣ, побудутъ.

Лѣкарство на ломленіе костей въ рукахъ, въ ногахъ и въ другихъ членахъ.

Надобно взять самого спиритусу доброго кварту въ фляшу склянную, а в недостатку спиритусу, то и водки крѣпкой и въ тую водку употребитъ камфори лотъ (или два) и тую фляшу съ (с)пиритусомъ затѣкнути пробкою добре и въ горьщокъ великій поставитъ и житомъ моченимъ тою фляшку осипати зисподу, округи и съверьху, чтобъ не лопнула; посемя въ горящую нещъ вѣставить, чтобъ добре упряглася на цѣліи сутки; посемя вийняти съ печи той горьщикъ съ фляшею и поставитъ на холодѣ, чтобъ прохолодилось; посемя, когда прохолодится, то въ тое время фляшу съ (с)пиритусомъ съ горьщика прійми и поставъ еи где въ тепломъ мѣстѣ. — Самому больному надобно прежде на печи положится и распаритися горяздо, чтобъ употѣти крѣпко; тогда тееи водьки небольшую чарьку выпить; и мазать тоею водькою болящую кость; посемя паки положитъ на печи, вѣкритися и поспать часть дольгій. Сіе твори вѣранцѣ и наноцѣ сколько разъ, а пріймаючи сіе вѣрачество надобно хранитися и не употребляти свѣдей кислихъ и солониыхъ и всякихъ трунковъ и холодной води дондеже не оздравѣтъ совершенно.

Другій способъ на ламаніе костей въ рукахъ и ногахъ

Надобно зробити лугу крѣпкого зъ маковиня, въ которомъ, очень горячомъ, платъ мачати и прикладати или вложить въ лугъ съ платомъ въ якой сосудъ.

Аще корѣчь корчить руку или ногу или палецѣ, то надобно почаще мазати водкою моравинною и аще болятъ кость въ клубѣ или крижѣ, то мазать водкою моравинною, — но прежде роспарити.

Способъ дѣлать водку моравинну.

Взявъ моравѣ самой чистой мая мѣсяца въ галембикѣ одну часть, а двѣ части водки доброи и оную по обычаю пережени якъ надобно.

Другіи способъ на крижѣ.

Коренія переступни наскребти на плать и на спину прикладай ско(лько) раза.

Аще жили корѣчить, надобно цсти сколько разъ мясо пугачево или совинне, по лучше совинное. Аще которіи жили корѣчь начне корѣчити, то въдругъ тіи жили слиною послинити и пальцами ручными придавити.

Лѣкарство на зламаниѣ костей.

Аще кость сокрушитъ человекъ или скотина, то надобно мѣдъ червоную дробно стругати или въ мисцѣ черепахой крѣпко съ водою терти и давати рано и на ноцѣ пити и частѣе, а кулѣвшъ ячнихъ крупъ сіестъ клецкъ или ленъ настѣня добре упарити и съломленую кость парити и обкладати на день и на ноцѣ, то зростется.

Лѣкарство на курдюкъ скотинѣ 1.

Надобно кость собачу голову съпалити на попѣлъ и тимъ попомѣ курдюкъ засипати, то загоутся.

Лѣкарство на курдюкъ 2.

Надобно взятъ прохода человѣческаго свѣжого и въ тонькій платокъ завязати, и въ ротъ положить на курдюкъ и на головѣ завязати, чтобъ не выкинулъ зъ рота и нехай держитъ съ полъ дня. Сіе твори три рази чрезъ три днѣ, то засмокъче и загоутся.

Лѣкарство на курдюкъ 3.

Соломянику росътерти махъко и съ водькою зъмѣшати густо и тимъ заляляти курдюкъ ложкою или квачемъ.

Лѣкарство на курдюкъ 4.

Взятъ солѣ гусковой (*) или ледовой брусокъ долъгій и тую сѣль крѣпко во огнь росъпекти, а скотину зъвязати, языкъ витягти и тую сѣль въ щипцѣ или въ лещата крѣпко увязать и курдюкъ випекти и саломъ старимъ свинячимъ заляляти, то курдюкъ загоутся и больше не буде.

Лѣкарство на курдюкъ 5.

Надобно сивяго каменя натерти и натовѣкти часнику и взятъ курячихъ лаенъ свѣжихъ и тіи матеріи всѣ три до купи зъмѣшати и курдюкъ съколко разъ замазувати.

Курдюкъ медомъ прѣснимъ патокою замазати и порохомъ стрелючимъ засипати.

Кури даби неслися.

Надобно на Крещеніе Господне взятъ за пазуху гороху и пшеницѣ и пойти на всенощное; тамъ не входя и бути на службѣ Божой, а по службѣ ити вдомъ и посипъ тое курамъ, а самъ иди скоро на иорданъ, то будутъ кури много яецъ нести.

(*) Это слово неясно написано.

Способъ, чтобъ гусельниц(я) капусты не ила.

Якъ обачишъ, что уже лѣтають мотелки надъ капустою, то надобно раковъ изъварити горьщикъ и тою раковою юшкою покропитъ капусту перъвую грядьку прежде, а потомъ и всю покрони и закопай живого рака на перъвой грядьцѣ на серединѣ, которую грядку прежде копалъ и сажалъ, то усѣлѣня не поѣстъ.

Еще живихъ раковъ на тѣхъ грядкахъ на палички остріи понаси(р)омлюй зъвисока такъ отъ землѣ, якъ на локоть.

Надобно молодыхъ утинятъ пускати въ капусту, то усѣлѣнь виѣдятъ и множитися не будетъ гусѣльнѣ.

(Здѣсь въ рукописи не достаеъ девятнадцати листовъ).

Способъ, чтобъ свѣчи не текли.

Свѣчи зъ лою давного и зъ гнилого чтобъ не текли, надобно галуны испалити и въ лой растопленній той галуны въсыпати и добре зъмѣшати и тогда свѣчи робити, то не будутъ стѣкати.

Способъ серебро цвѣлое чистити.

Серебро когда зацвѣте, то есть когда заплѣснѣе, то надочно собачихъ костей на пожелъ испалити и тимъ пожеломъ мокрымъ или сухимъ въ платъку витирати, то серебро вычистится.

Наилучшее лѣкарство на трасавицу.

Скоро постережешъ, что она, то вѣдругъ надобно немедля постисти три днѣ, одинъ по одному, якихъ небудь, нѣ ясти, нѣ пити, а нѣ спати и малѣйше поки звѣзди не зійдутъ, то покине.

Лѣкарство отъ трасавицѣ.

1. Якъ начне пропасница розъбирати, то заразъ надобно стати и серъдцемъ сокрушеннымъ до Пресвятой Дѣвы Богородицы зъговорити седьмдесять разъ молитву Богородице дѣво; а за каждою молитвою ударити по три поклоны; по семъ по жодной молитвѣ накаръбуй ножемъ карбъ на палицѣ или напиши крискку крейдою и тиу карби, чили криски съ паличкою закинути на воду, а самъ иди въ домъ не озирайся. Посемъ заразъ надобно постити понеделокъ, съреду и пятницу первую, якъ найде болѣзнь, не ести и не пити дондеже зори не зйдуть, а въ той болѣзни не много принимай пищи и питія, не присищай зѣло утробы, не принимай ничтоже набѣловъ всякихъ и рибъ всякихъ и мяса свинныхъ и сала, кислостей всякихъ и солонихъ и питія воды холодноу. Но будетъ очень полезная снѣдь ячвнихъ крупъ каша мяхкая безъ солѣ, затерка пшенична безъ солѣ, вареницѣ пшенични, лемѣшка пшенична зъ маковымъ молокомъ, кутя ячмѣйна, кутя пшенична, горохъ безъ солѣ, каша овсяна, мяса куряче и яловиче. Питіе теплая вода и то немного. Еще въ той болѣзни хранися тѣлеснаго смѣшенія, бо сіе есть великимъ препятствѣемъ,—то спасешися.

Чтоби не била нѣкогда же лихорадка, надобно накурится конскимъ каменемъ, которій зароджуется въ пупдрѣ коневѣ, котораго каменя достаютъ коновали.

Лѣкарство отъ трасавици.

2. Аще кому случится болѣзнь трасавичная, то надобно ему прійняти диету на недель шесть или дванадцать, сіесть, хравитися всякихъ снѣдей кислихъ и солонихъ и питія

кислого и холодного, не кушати всякихъ рыбъ, всякихъ на-
бѣловъ и яецъ, всякихъ рыбъ, мясъ свиннихъ и сала; только
будеть полезна снѣдь каша мяхъкая ячнихъ крупъ, кутя
ячна зъ мясомъ курячимъ, зъ мясомъ яловичимъ, затеръка
пшенична, вареницъ пшеничнѣ, лемѣшка ячна и пшенична
зъ маковымъ молокомъ. Вся сія снѣдь подобаеъ бити безъ
солѣ. Хлѣбъ цсти — булѣки пшеничнѣ, корѣжъ пшеничнѣ безъ
солѣ. Пити надобно воду теплую, а холодноу не принимай,
вино полниное часто пить, но нехолодное. Кореніе всякихъ
древесъ садовыхъ, луговихъ и лѣсовихъ накопати и варити
съ водою и пити съколко захощеши; а тое кореніе найлутѣше
копати и всякое зеліе и лѣкарства собирати мая мѣсяця.

Лѣкарство на фрибру осѣнну.

Взявъ яйце, якъ начне розбирати, пробій и бѣлокъ ви-
пусти въ ротъ, а жовтокъ въ помійницю; бѣлокъ въ ротъ
подержавъ и випусти зъ рота паки въ скаралупцу и завяжи
въ платокъ и повѣсь въ димъ надъ кагалою и нехай висить,
поки само не отънаде, то покине.

Лѣкарство одъ трасавицѣ.

3. Якъ лачне болѣзнь трасавична находити трусити или
позѣхати или потягати или сномъ морити или мерзнути,
то въ тое время не входить на пѣчъ спати и нѣгде же не
сѣдай, нѣ лягай, но якъ сколько возможно много ходи, то
спасешися.

Лѣкарство отъ трасавицѣ.

4. Взявъ дѣгтю доброго березового, саджи съ комена или
съ челюстей, часнику и сала старого свиного и тое все

стовчи въкупѣ и приложи до рукъ обоихъ на пульси въ тоѣ время, якъ начне трасавица розъбирати, то нарѣве пузирѣ и покинетъ.

Лѣкарство от трасавицѣ.

5. Взять коровицю (снестъ кузку), которая есть чоръная и долъгая на цаль одинъ, которая есть безъ крилъ, а по нѣй *(было написано сперва: ий)* съверху рубежѣ, а възавши оную въ руки то съ нею молоко жолътое течетъ; то ти тею коровкою съ молокомъ ея по шиц потри больному на фрябру, то отъ того молока пузирѣ набѣжить.

Лѣкарство отъ трасавицѣ

6. Якъ только начне трасавица находить, или уже трусити, или потай вънутрѣ мучити, то въ той часѣ.

(Не достаетъ одного листка).

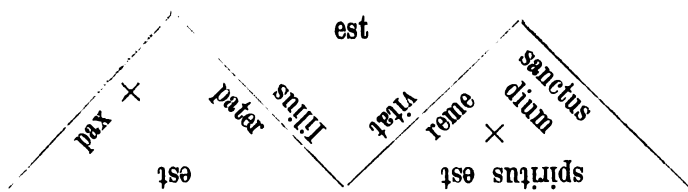
починити, только, чтобъ больній о той вѣровцѣ отънѣдъ не вѣдавъ, якая то вѣровъка есть, и нехай больній тую вѣровку на шиц носить дванайцять дней, а потомъ сохрани и другимъ народамъ, на тую болѣзнь страждущимъ, подавай.

Лѣкарство отъ трасавицѣ.

11. Собацѣ здохлomu или убитому (но не стеклomu) пагности на всѣхъ ногахъ отрѣзати и въ мѣшечокъ маленкій сохрани; а когда кто будетъ страждати трасавицею, то ти пагности съ мѣшечкомъ надобно повѣсити больному на шиц въ тоѣ самое время, якъ начне трасавица ваходить или уже мучити; но чтобъ больній о тихъ пагностяхъ отнюдъ не вѣдалъ.

Лѣкарство на трасавицу.

Надобно зъ едноу просфори вѣннати три часточки троуголни, и на тихъ написать словами латинскими сиде:

и тѣ частици имѣти подѣ килѣхомъ презъ всю службу и патоцахъ съ водою выпить или якъ будетъ находить; но надобно постить обоимъ, кто виписуе и кто принимае.

Лѣкарство отъ трасавици.

12. Кота чорного схаластати и тѣ сътрои въ капшучокъ запити и съсушити; а якъ кто будетъ страждати на фрибру то тѣ котячіи строи повѣсити съ капшучкомъ на шѣи больному; только чтобъ больній не вѣдавъ, что въ томъ есть капшуку. И нехай больній тѣ строи носить дванайцять день, а послѣ той капшукъ съ строями сохрани и ивнимъ народамъ хоримъ на фрибру давай носить.

Лѣкарство отъ трасавицѣ.

13. Якъ только начне трасавица находить, то заразъ нехай кто небудъ поидеть на шляхъ и найде тоеѣ смоли, которая съ колесъ викручуется и отпадае и губится; то тоеи смоли озми и больному въ пазуху въ рубашку завяжи или на шѣи въ платку почини и нехай носить при себѣ сколько дней или дванайцять, дондеже совершенно покине.

Лѣкарство на фрибру.

14. Надобно г...а свиного въ платокъ тонкій довольно взяти и зварити, у водѣ, а потомъ якъ устудится, то тое свинное... въ платку рукою добре выдавити и тую воду, чтобъ

не такъ было противно болѣзному пити, то надобно немножко медомъ подѣправить, а когда начне болѣзнь трасавичная паходить или уже трусити, или потай въ нутрѣ болѣзи, то взять тоеи води зъ ..... свинячимъ съ чвертьку или больше и выпити, то зачнутъ рвоти и такъ разѣвъ два или три принимай, то бросить.

Лѣкарство на трасавицу.

15. Свиного г...а съ водою теплою расколоти съ чвертку и примѣситъ дѣгтю доброго березового полъ чарѣки и выпити въ тое время, якъ болѣзнь трасавичная начне обзиватися; а чтобъ было не такъ досадно и хидко, то для лутшаго пріятія можна примѣситъ что небудь меду присного.

Способъ на лихорадку.

Надобно конскимъ вовчимъ зубомъ накурится якъ стане находити, то покине, хоть би била найгорша.

Лѣкарство отъ трасавицѣ.

16. Надобно наварити тютюну у горщати въ водѣ или лутѣше въ сечи мужеска пола или женска, а якъ начне кого болѣзнь трасавичная мучити, то въ тое время нехай озме болѣзній того вареного тютюну полъ чарѣки хорошою, а рѣшта полъ чарѣки досипати дѣгтемъ добримъ березовимъ и выпѣтъ, а можна еще немножко примѣсити синого каменя, то озмутъ рвоти, а чтобъ не сорѣватися рвотами, то надобно прежде подѣвязати себе рушниками или намѣтъкою; а когда съригаеть, то выпій води теплою съ полъ кварта, то паки начнетъ на рвоти, а когда изригаеть, то и паки пій воду теплою и такъ сколько разъ пій, чтобъ имѣлъ чимъ ригати, то и зригаеть тую болѣзнь; а въ третій день, аще от-

разу не бросить, то паки сіе лѣкарство по прежнему прийми, а посему изъриганію не скоро принимай снѣдей кислыхъ и солонихъ, мяса свиного и сала и води холодноу, но немного принимай пици: кашу ячну негусту мяхкую и затеръку пшеничну безъ солѣ и коръжѣ пшеничній, а воду теплую пить и про кушеня лѣкарственное.

(Не достаетъ одного листка).

ностію тѣла, мореніемъ сномъ, позѣваніемъ и потяганіемъ или чихавицею или сухотами или во чрево и во всемъ тѣлѣ скаче и инъними болѣзнями мучить человѣка, — то надобно во увѣреніе взять въ горьщокъ или черепъ дѣгтю доброго или смоляного и въ той дѣготъ чрезъ порогъ хатній или сѣнный дивитися долго, три рази, чтобы горяздо лице свое увидѣти, а можна и наяснѣ на дворѣ дивитися, то отъ сего спротивится и будетъ явѣно трусити, а иногда и покидаетъ.

Лѣкарство отъ трасавицы.

Аще кто хочетъ даби не била трасавица, то аще на веснѣ воперъвихъ узриши муравлю, то озьми за однимъ разомъ двома пальцами три мурашки и тиѣ съижь, то цѣлій годъ не буде (*).

Способъ даби трасавица нѣкогда не била.

Надобно малой дитинѣ до року жодной риби и вѣюна не дати исти, то не будетъ во вѣкъ.

Лѣкарство на пропасницю.

Наниши по греческу: Эты отезамата +
Стакоринъ фито +
Станти міотероно +

и псалма живій во помощи вишняго девять стиховъ, а за

(*) См. № 56 этой книги.

кождимъ стихомъ вмѣсто точки крестъ $+$; но надобно писать натошахъ и зложити словами въ середину и повѣсити на шию на 3 днѣ, а по троухъ дняхъ спалити и выпити съ водою святою.

Лѣкарство на пропасницю.

Надобно павука живого взять въ платокъ и на шию повѣсити на три днѣ, а по троухъ дняхъ откинуть.

Молитва святаго преподобнаго Сисоя великаго на прогнаніе трасавицъ.

Священникъ или мирьскій мужъ или невѣста, юноша или дѣвица вопервыхъ взявъ крестъ кепарисній, оградивъ больного крестомъ, глаголя: во имя отца и сына и святаго духа аминь. По семъ, вложивъ крестъ въ воду святую богоявленскую вечернюю или инънюю, и читать молитву преподобнаго Сисоя великаго, въ тое время, якъ начне трасавица находить, а больной поклони да быеть сколько возможеть, дондеже изънеможеть съ молитвою на каждій поклонъ глаголя: Преподобный отче Сисое великій, помилуй мя грѣшнаго.

Молитва.

Стоить при черъмномъ морѣ каменной столъпъ и на томъ столъпѣ сидить преподобній Сисой великій и вышли изъ Черъмнаго моря жены простоволосія, окаяннія, образомъ видѣніемъ ирачнимъ; и вопроша ихъ святой великій Сисой: окаяння, куда ви идете? Они же рекоша ему: ми дщеры Ирода царя, идемъ родъ христіанскій мучити, которій ко святой церквѣ не ходитъ на утредню, на службу Божу и до вечерня; Богу не молится, лежитъ аки мерътвъ. О окаяння!

а что якіе вашѣ оканія имена? Первая рече: мнѣ имя трелѣя; вторая рече: мнѣ имя негрѣя (*приписка: не грѣй ея*); третья рече: мнѣ имя знобѣя,—я озноблю рода человѣческаго, то не можетъ согрѣтися; четвертая рече: мнѣ имя ломѣя (*приписка: кости ламле*); у человѣка кости ломить, какъ вѣтромъ сухое дерево вонъ виламиваетъ; пятая речеть: мнѣ имя Пухлѣя; шестая рече: мнѣ имя корькота (*приписка: корьчѣя*); седмая рече: мнѣ имя желтунья; какъ жолтой цвѣтъ въ полѣ цвѣтетъ, такъ на человѣка напустить желтость; осмая рече: мнѣ имя Ледѣя (*приписка: тѣло холодне*); девятая рече: мнѣ монѣя; десятая рече: совѣя; одинайцятая рече: мнѣ имя Трасѣя; дванайцятая рече: мнѣ имя невѣя, старѣшая ихъ сестра усѣкнула главу Іоана Предтечи, Котораго я человѣка начну мучити, то не буде живъ. Заклинаю васъ Богомъ вседержителемъ живимъ и страшнимъ, Пресвятою Госпожею Богородицею, Іоаномъ предтечею Крестителемъ Господнимъ и четырьмя евангелисти Іоаномъ Богословомъ, Матѣфтеемъ, Марькомъ и Лукою и святыми Архангелами: Мыхаиломъ, Гавріиломъ, Уріиломъ и Рафаиломъ: окаянная трелѣя, окаянная негрѣя, окаянная знобѣя, окаянная ломѣя, окаянная пухлѣя, окаянная корькота (*приписка: корьчѣя*), окаянная желтунья (*приписка: же(л)тѣя*), окаянная ледѣя, окаянная мокѣя, окаянная совѣя, окаянная трасѣя, окаянная невѣя, старѣшая ихъ сестра усѣкнула главу Іоана Предтечи, прокливаю васъ: отъступѣтесь прочь отъ раба Божія (имя рекъ), а буди не отъступитесь, то начну васъ мучити на дванадцать день; идѣте, проклятіе, во адъ вѣчній!

А изговоривши сію молитву, дать больному испить со креста гость

208. ЧАРЫ ДО ЛЮВОЩИВЪ.

Ко́лы треба розризныты парубка та дивку, закоханыхъ одно въ одного, и прывернуты до себе того, чы другого, треба онъ яки прымхы зробыты. На страшнымъ тыжни, въ четверъ зъ вечора, приставыты въ пичъ, у горшку зъ водою, любыстку и шавліи, що булы свячени на Маковія въ зилли. У п'ятницю, до схидъ сонця, хлыснуты трычи навхрестъ зъ горшка, тейи юшки, выгысь нею и полизты на хату до вывода (дымара). Статы облыччамъ на схидъ сонця, заплющты очи й вытягты дви лозыни зъ выводу, що заплетени булы поручъ у выводі. Не росплющаючы очей, якъ будуть уже дубци въ рукахъ, треба трычи сказаты: «зйиднай и розризнай колы я схочу.» Писля цього вона (чы винъ) росплющае очи й съ тымы двома лозынами злазять зъ хаты й иде въ хату не озыраючысь. Ввійшовшы у хату, дубци си становыть межы кочергами, а сама мыттю кыдаецця ростопляты соломою въ печи. Якъ розгорыцца вже гарно въ печи, бере ци дубци въ руки, трычи прыгортае йихъ до себе и прымовляе тижъ слова: «зйиднай й розризнай колы я схочу.» За цымъ ламае обыдва дубци разомъ до колина й кыдае йихъ куюю въ пичъ на огонь. Ажъ покы погорять си дубци, вона (винъ) повинна говорыты тижъ слова: «зйиднай и розризнай колы я схочу.» Якъ згорять дубци, тоди вона выбирае все зъ йихъ, вугилля й попилъ, гасыть його теюжъ настійкою съ пидъ любыстку та шавліи зъ рота (трычи шпуге), прымовляючы слова: «зйиднай й розризнай, колы я схочу.» Тоди зсыпае вугилля съ попиломъ у хусточку й ховае въ скрыню (де-яки дивчата носять його зав'язанымъ у пазуси). И ото, колы бажаецця прыгорнуты до себе кого небудь,— треба зинтерты цього вугилля, питы на вулицю, обережно статы съ тымъ, кого хочешъ до себе прывабыты (прыворо-

жыты) й обсыпаты навкругы обохъ (себе й його) сымъ попилцемъ—и все буде гараздъ. Коли жъ хочешъ розризныты кого небудь (хлопця зъ дивчыною, чы що), треба, якъ воны обоє стоять укуни розмовляючи, обережно промижъ ныхъ пересыпаты тымъ же попилцемъ, то воны скоро посваряця й розійдуця,—тоди й до себе якого хочешъ зъ ныхъ привертай Тилъкы треба не забуваты, якъ обсыпаешъ попиломъ тымъ, казаты стыха слова: «зйиднай (чы «розризнай»), бо теперъ я цього хочу»!

(Записаль въ 1895 г. В. Ф. Степаненко отъ женщины въ Каневскомъ у.)

204. КНИЖКА СВЯТОГО ЗОСИМЫ (О ПЧЕЛАХЪ).

(Четвертушка грубой сѣрой бумаги, исписанная съ одной стороны черкомъ начала этого столѣтїя,—очевидно, было продолженіе. Доставлена изъ с. Полствина Каневского у. Кіевск. губ. В. Ф. Степаненкомъ.)

Боже мой! апчели моѣ о Тебе данѣ мнѣ зачати имъ густіе меды, жовтїе воски, частїе роѣ на хвалу имени Твоего, за благословенїемъ Твоимъ. Дай имъ, Господи, по твоей милости от роси новѣя и от влаги земнѣя, от всего цвѣту за предстательствомъ Пресвятой Богородици и присно Дѣви Марѣи и приподобнаго оца нашего Зосими и всѣхъ святыхъ. Аминь.

«Ѧ. Водѣ йорданка, омиваешъ луги, бириги, бирвѣня, корѣня,—омий моеѣ пчоли от прозору жиночого, парубочого, дѣвочого—головки, крильця, утробы, нижки.

Наука. Если неподобаютъ (въ) улѣяхъ пчели ежели постережешъ, чтобъ могли пчели спасѣкы изойти, то достанъ кленового листа да липового и всякого зеля, которое биваетъ въ церквѣ на святую неделю, отерся под колѣнами,

то тимъ листомъ и зеллемъ понатирай снози, щобъ не кусали и самі не умѣрали.

(См. Чубинск., I, стр. 69—та-же книга гораздо полнѣе, но съ инымъ текстомъ.)

205. ЩОВЪ РЫБА ЛОВЫЛАСЬ.

Щобъ ловылась рыба, треба удосвита, на Велькедець, пидперезатысь винкомъ цыбули и пияты до утрени. И якъ пипъ дочытаецця до хреста и скаже: «Хрыстось воскресъ!» —рыбалка повиненъ нышкомъ видмовыть: «а въ мене до рыбы цыбуля есть.» Цыбулю зъ винка можна въ страви обийныты, а винкомъ, идучы ловыты рыбу, треба пидперязуватысь—рыбы буде багато ловытыся.

(Записалъ В. Ф. Степаненко въ с. Полствинѣ Каневского у. Кіевск. губ. въ 1895 г.)

Еъ отдѣлу IV-му.

206. ЧОРТЫ, ГРОМОМЪ УВЫВАНИ.

Колы гримъ кого зъ людей убье, то кажуть, що пидъ нимъ чортъ ховався; щасливый той чоловікъ, якого гримъ убье, бо черезъ його Богъ и чорта вбывъ.

(Записалъ В. Ф. Степаненко въ с. Полствинѣ Каневск. у. Кіевск. губ.)

См. № 213. Покарана жинка.

Бъ отдѣлу VI-му.

207. ЯКЪ ВИДЬМУ ПИЗНАТЫ.

Щобъ побачыты, хто въ селя есть зъ видьомъ, треба, якъ загивляють на масныцю, взяты шматочокъ сыру, заложыты за зубы й такъ лягты спаты. Другого дия (першый понедилокъ у писть) уранци выйняты той сыръ и завяззаты його у поясъ. Такъ треба носыты його цилый писть. Та ще кожного понедилку, ажъ до Велыкодня, выкыдаты по позиняци черезъ голову на хату. На першый день Велыкодня, у досвита, йды съ тымъ сыромъ до церкви. Въ цей часъ видьма повинна статы коло тебе з-заду й грызты плече. Прийшовшы зъ церкви, ростопы тымъ дровамы, що наклады на хату за писть, у печи й неодинно та жъ видьма прыбизыть до тебе чого небудь позычаты. Оце й буде справжня видьма и видъ нели вже ничого й ховатысь, бо боятымеця до тебе въ двиръ иты за дйвомъ.

(Записаль В. Ф. Степаненко въ 1895 г. въ с. Полствинѣ Каневского у. Кіевской губ.)

208. ЛЫТВЫНЪ И ДИВЧАТА—ВИДЬМЫ.

Се, кажутъ, у насъ було. Йихавъ Лытвынъ изъ врейдою и выйихавъ изъ села у недилю вранци; дывыця, ажъ дви дивчыны бижать по дорози та й зрывають колоскы. Винъ до йихъ: «не рвить та верниця назадъ!»—не слухають. «Верниця, кажу, бо плохо буде!»—Не слухають. Винъ втретье—ни! Дакъ винъ узявъ и поробывъ йимъ такъ, що прыбиглы въ село на майданъ, де череда становыця, учепылысь у косы та й рвуть одна 'дну.

Посходылысь люде, попрыбигалы й батькы тыхъ дивчатъ—ничого не вдіють, ніякъ не роззедуть. Коны йиде другый Лытвынь, роздывывсь та й пыта: «А чы не було тутъ такого й такого?»—Бувъ!—кажуть. «Ну, дакъ доженить же його та попросить, бо се винъ такъ поробывъ.» Догналы, стали просить,—вернувсь винъ, розвивъ ихъ.

А то булы видьмы и збиралы спиртъ изъ жыта, щобъ не було уроджаю.

(Записаль въ м. Красномъ Колядинъ Конотопскаго уѣзда В. Т. Андриевскій).

209. ВИДЬМА Й ПАРУВОКЪ.

Збиралысь тры дивчыны на Риздво, гуторять соби. А парубокъ, що кохався зъ одною, пидкрався та й слуха. Отъ одна й каже: «оце такъ, сестрыци, мени зеленого гороху хочецця, що прымила—що бъ дала, абы попойисты.» А ця вже, що кохалась изъ парубкомъ: «дакъ ходимъ, каже, у мене есть бувало, посидаемъ та й пойдимъ.»—Яке бувало?—пытають. «Жлукто; хыба-жъ вы не знаете?»

Парубокъ тоди потыхеньку одъ нихъ та хода; прыбигъ у сины до своей дивчыны, улизъ у жлукто й седыть. Ажъ ось идуть и дивчата; посидалы на те жлукто та й гайда—такъ ихъ, наче выхромъ, помчало.

Прийихалы на выву. Повставалы дивчата, пишы гороху рваты. И йому кортыть: горохъ же, стручки таки здорови та зелени! Дакъ страшно: те дума,—якъ покынуть, то мо й зъ годъ доведецця плентатысь додому, бо се жъ не близький свить, що на Риздво горохъ росте! Дакъ винъ уже такъ: що достане изъ жлукта, те й його; трохы иззивъ, а чотыри стручки ще й въ кышеню заховавъ.—И якъ роздывывсь винъ, дакъ тыхъ видьомъ чымало тамъ було...

Якъ вернулысь додому, винъ день выпавъ, а тоди пишовъ на вечорныци. Тамъ и дивчата ти булы. Отъ винъ и каже до вечорнышного батька: «чы дать вамъ, тату, гостыня?»—А якого жъ ты мени дасы гостыня?—«Да такого, що вы зроду у сю пору не йили.»—А ну, ну!—Винъ и подавъ чогыри стручки гороху.—Спеклы рака дивчата, та мовчять уже.

Якъ же його помстытысь!?

Отъ та, що кохалась изъ нимъ, стрила його на другый уже вечеръ та: «тиру!»—винъ одразу и ставъ конемъ. Сила вона на його и давай гонять, ажъ до свита, утанажыла такъ, що ледви додому вернувь та 'дно стогне. А невестка його та бильше знала, нижъ ти дивчата.

— А що, каже, найився гороху? А на сю ничъ ище тирше буде. Хочъ, дакъ навчу, що робыть?

Винъ не знае вже, якъ и просыть ййи.

— На-жъ,—каже,—оцю осыкову палыцю та успишайсь попередъ за нейи сказаты: тпру!

Отъ винъ такъ и ция: скоро зйшлысь, заразъ: «тпру!»—такъ вона лошыцею й стала. Сивъ винъ на нейи та й давай репижыть тыею палыцею.

Вона зразу понесла поверхъ дерева, дали утомылась, лишла у половыни дерева, а тоди й зовсимъ по земли. Якъ пустывъ винъ ййи, дакъ вона прыйшла додому та й зане-дужала. Бачыть, що не вычуняе, и клыче батька: «якъ умру, каже, тату, поставте мою домовыну у свитлыци, и оддайте вы половыну худобы *отакому-то*, та нехай тилько тры noci зо мною переночуе самъ».—Батько такъ и зробывъ. Якъ умерла, еднае того парубка и полыцяеця половыну худобы даты. Невистка й шепнула йому: «иды,—каже,—визьмы кныжку та сядъ за столомъ, на покути, та й не вылазь».

Пишовъ винъ, сивъ та й чыта. Колы двыга домовына, вылазыхъ дивчына. И якъ назлиталось до нейи тыхъ видьомъ —сыла! Давай його шукать; гралы, гралы по хати,—пйакъ не найдуть. Чужи на пробу, що нема його, а домашня: «ни, тутъ, та не найдемъ.» Ажъ ось пивни: «какарику!» —разъ и вдруге,—такъ воны й шугнули съ хаты: та въ бовдуръ, та въ двери, а своя въ домовину, и домовына заривнялась, —наче й не було ничого. Приходыхъ ййи батько, пыта: «а що тутъ?» —Ничого! —каже.

На другый вечиръ знову ладыхъ иты, а невестка вже й тречья, якъ-бы йому шепнуть. «Иды жъ,—каже,—да теперъ сидай у кочережнику и держы попередъ себе деркачъ; —цю ничъ буде бильше.» Не найшлы його зновъ. Батько той тилько потылицю чухае.

Ось йому и втрете иты. Невистци тій и не треба курей склыкать, а вона склыкае та хинъ пивныка. Оддала його парубкови та й каже: «ну, цю ничъ саме страшнише буде! Сидай теперъ на полицы, надъ мысныкомъ и пивня пидъ рукою держы. Та тилько излизъ такъ, щобъ рукамы ни за що не брався.» Пишовъ винъ и ухыстывся такъ злизты на полицю, що й рукамы ни за що не брався.

Ажъ ось двынула домовына, вылизла дивчына; тоды якъ назлиталось—страхъ! Гралы, гралы по хати—не найдуть його. Чужи на пробу, що нема його, а своя: «ни, тутъ, да не найдемъ.» —Що-жъ його робыть!—остання ничъ, и худоба пропаде «Треба по кыивську посылать.» А винъ и дума: «ну, не боюсь: помы справытесь, и пивни заспывають». Колы жъ сусиль у хату кыивська. «Якъ вы,—каже,—учыгесь, що ничого не знаете: —ось же винъ! Та якъ його визьмешъ?—исъ пивныкомъ!—Давайте головешокъ!—Мотнулысь воны по смитныкахъ —йихъ же до биса! Та въ прыполи несе, та соби! Наклалы пидъ нымъ цилу купу та й запалылы.

Давать його вонючий дымъ; терпѣть винъ, да 'дно пивныка того пидъ боки шышкае. Коны жъ воно й надумалось да: «какарику!» — разъ и вдруге. Шугнулы видьмы съ хаты, а та—въ домовину, и домовина заривнялась.

Винъ тоди злизъ и сивъ за столомъ. Увиходыть батько: «а що,—баже,—ничого не було?» — Ничого! — «Ну, не думавъ я, що ты посадишь мою худобу»...

Дакъ винъ перейшовъ туды зовсимъ жыть, а своейн часткы, що упалазла йому одъ його батька, не бравъ,—братови вже чы неivistци оддавъ.

Записаль В. Т. Андриевскій отъ молодого парубка въ с. Рожновкѣ Борзенскаго у. въ 1894 г. См. № 92-й этой книги.

Бъ отдѣлу VIII-му.

210. БРАТЬ У ВРАТА НА ТОМУ СВИТИ.

Давно се діялось, дуже давно, и не де-иінде, а у нашіи тѣкы земли, жылы соби два ридныи браты—Остапъ та Йванъ. Жылы вони на однимъ батькивскимъ грунтовыщи и дуже поважали й любылы одынь одного,—жылы якъ одынь. Алежъ тяжка панська праця, та надокучлыви кателюгы—сипаки (осавулы) не давали йимъ жыты по людському:—якъ день Божый такъ и на працю, якъ день Божый, такъ и типаютъ. Не выдержавъ старшый братъ Остапъ такого тяжкого жыття—вмеръ бидолаха. Поховалы його якъ слидъ, по закону. Зостався на все дворище господаремъ менчый братъ Иванъ. Тяжко йому одному приходяця; сумуе; бывало, та вбываеця за Остапомъ,—та що подіешъ—така вже Божа воля. Жыве ото соби Иванъ одынь та сльозы лле, бидолаха, свить йому не мылый, сумъ сердце шматусе черезъ таке пекельне жыття—немае йому шыройи порадонькы ни видъ кого.

Одного разу сыдыть винъ отакъ за столомъ, схылыгышы голову на руки; сумуе й думаетъ, що робыты й чымъ соби жыття забогарадыты.—А дай, думаетъ, одружусь—хочъ одна душа буде ридна.—Отакъ винъ помиркувавъ соби й заславъ старостивъ до якогось убогойи, але жъ зъ чесного роду, сыриткы. Сыритка ся згодылась питы за його замизъ и подавала рушныкы. Все вже було налагоджено на весилля. У суботу, передъ вечоромъ, покы ще молода бигала зъ дружкамы по ридни та кыкала на весилля, Йванови спало на думку питы до брата Остапа на гробовыще й покыкаты його на весилля. Пишовъ ото винъ на гробовыще та й узавъ съ собою жолудя, щобъ посадыты його коло братового гробка на спомынъ про свое весилля. Дійшовъ винъ до гробовыща, здїйнявъ шанку, перехрестывся й пишовъ прямо до гробка, де похованый бувъ Остапъ; перехрестывся й тутъ и посадывъ жолудя у ногахъ; дали пидійшовъ до возголовья и стыха промовывъ, залываючысь слизьмы: «брате мій едыный, просю тебе на весилля до себе,—обрыдло вже жыты одынокымъ безриднымъ бурлакою.» Тилькы промовывъ винъ си слова, якъ грибъ роскрывся и Йванъ побачывъ тамъ своего брата Остапа.—«Иды сюды, брате!»—промовывъ до його Остапъ,—«та побалакаемо трохы.» Ввійшовъ Иванъ до Остапа въ грибъ и слидкомъ за нимъ земля зступылась. Озырнувъ Иванъ навкругы себе и йому явнисинько стало, що Остапъ не въ труни лежить, а живе соби, мовъ чернець той, у келїи. Засвитывъ Остапъ свичечку воскову, посадалы обыдва коло столу й почалы роспытуваты одынъ одного, якъ кому живеця. Росказавъ Иванъ Остапови, яке то пекельне його й людське жыття на билому свити. Довго слухавъ Остапъ оповидь братову, та все кывавъ головою, а якъ уже Иванъ переставъ балакаты, братъ йому й каже: «никчемне, не правдыве ваше жыття на билому свити, по Божому не такъ

повинно жыты, — ось послухай краше, якъ у насъ тутъ жыуть, та якъ повинни й вы жыты»... Узавъ Остапъ съ полычки якусь товсту-претовсту книгу й почавъ ййи чыгаты. И... Господы! якъ то тамъ гарно вонс илше: «одынъ одного любе, одынъ одному допомагае, ни багатыхъ, ни вбогихъ, ни дужыхъ, ни бессылыхъ тутъ немае — уся ривни, вси братамы называюща».... И ще багацько, багацько де-чого звидтиль винъ вычытувавъ. Чытае винъ сю книгу, а Иванъ — не кажы що прысмоктало його — й видир-ватись нйакъ не може та все слухае. Згорила одна свичечка, Остапъ засвityвъ другу та й зновъ до чытання взявся. Зго-рила й друга свичечка, а Остапъ и пыта Ивана: «чы не часъ тоби йты вже до господы, бо вже давно се діеция.»

— Ни, брате, послухаю ще хочъ трохи твоейи книги, хай хочъ здаецця мени, що й я живу мижъ цымы добрымы людмы й на цьому свити. Догорила й третя свичечка, а Остапъ усе чытае. Пидійнявся Иванъ съ стильчыка, вкло-нывся Остапови та й каже: «слухавъ бы безъ перестану, брате, твого чытання, т'алежъ часъ мени й до господы по-братись, бо тамъ мене чекають.» Попрощався Иванъ зъ Остапомъ, земля росступылась, и Иванъ выйшовъ на землю. Не встыгъ винъ и назадъ озырнуця, а заиистъ тыхъ дверей, що зъ ихъ выходывъ винъ, тилькы гробокъ стоявъ. Подывывся Иванъ навкругы себе й помитывъ, що въ ногахъ братового гробка лежыть здоровенный й товстелезный, уже трюхлявый, дубъ. — Ото диво! подумавъ Иванъ, — ишовъ сюды, дуба не було, а теперъ онъ який лежыть, — хто се прывизъ його сюды?» Роздывывся краще, — ажъ и пень съ цього дуба ще стырчыть у ногахъ Остапового гробка. — Чы не съ того жо-лудя цей дубъ, що я посадывъ оце учора, якъ приходывъ прохаты Остапа на весилля?! — подумавъ зновъ Иванъ. Поду-мавъ отако Иванъ, подумавъ, подывувався та й пишовъ до

господы. Йдучы додому, дывывся винъ навкругы себе й зновъ дывувався,—що за оказія, мовъ не те село стало—ничого й никоого не пизнае.

Дійшовъ Иванъ до свого двору, зырнувъ—и тутъ щось не такъ:—те мисце, де бувъ його двиръ, алежъ не та хата, не ти повиткы й не ти люде тутъ живутъ, якыхъ винъ лышавъ, идучы до брата. Выйшлы зъ хаты якись чужи, незнайоми люде й пытають Йвана: «чого треба?»

— Якъ—чого треба?—аджежъ се мій двиръ, моя батькивщина! Хыба забулы, що я вчора увечери ходывъ до брата на гробкы прохаты до себе на весилля! Хыба вже забулы про мене, про Йвана?!—Дывлюцца люде на Ивана й дывуюцца зъ його ричей. —Та що се ты намъ, чоловіче добрый, голову морочышь?—було се колысь, розказують стари люде, що братъ брата ходывъ на гробкы прохаты до себе на весилля, але жъ цьому вже мабутъ бильшъ трьохъ сотень лить мынуло, якъ се діялось. Схаменыся, чоловіче добрый, бо зъ тебе усе село буде сміятыся, колы будешъ таке плескаты,—кажуть Иванови люде.

Почавъ бувъ Иванъ ще казаты людямъ цимъ, що се його двoryще зъ дида—съ прадиди, и що винъ тилькы учора ходывъ на гробовыще поклыкаты брата на весилля,—але жъ—куды тобі—сміюцца зъ Ивана уси, мовъ зъ божевильного.

Попокрутывся отакъ Иванъ,—нема йому прыстановыща, нихто його не прыймае, и пишовъ винъ зновъ на гробовыще до брата.

— Пусты, брате, зновъ до себе, бо на симъ билимъ свити немае вже мени мисця—нихто вже мене не прыймае!

И зновъ росступылась земля надъ труною Остаповою, ввійшовъ туды Иванъ, земля зступылась и съ того часу вже нихто й николы не бачывъ Ивана на билимъ свити.

Кажуть бы то, що ото скільки свичечокъ згорило, покы читавъ Остапъ у келіи тую книгу, стільки по сто рокивъ минуло съ того часу, якъ Иванъ до брата прыйшовъ. А дубъ, що лежавъ уже трюхлявый коло гробка Остапового,—це съ того самого жолудя, що Йванъ посадывъ тамъ, якъ прыходывъ вкыкаты Остапа до себе на весилля.

(Записалъ В. Ф. Степаненко въ 1895 г. отъ брата и свѣрилъ съ разсказомъ стараго дѣда Шаповала въ с. Полствинѣ Каневск. у. Кіевск. г.)

211. ВЕЗЪ ВОГА НИ ДО ПОРОГА.

Сыдыть соби чоловикъ та й цюкае щось сокырою А Богъ тоди ще по земли ходывъ странныкомъ. Отъ пидходить Винъ до чоловика та й каже:

— Здоровѣ, чоловиче!

— Здоровѣ!

— Боже поможы!

— Спасыби!

— А що се ты, чоловиче, робышь?

— Човенъ,—каже чоловикъ.

— Якъ Богъ дастъ, такъ и буде човенъ,—каже странныкъ.

— Тутъ и безъ Бога выдко, що буде човенъ,—каже чоловикъ, та й цюкае соби дальше. Цюкае та й цюкае, ажъ роздывывся, а воно човенъ не выходить.

— Такъ зроблю жъ я соби корыто,—сказавъ чоловикъ, колы тутъ зновъ иде странныкъ.

— Здоровѣ, чоловиче!

— Здоровѣ!

— Боже поможы!

— Спасыби!

— А що се ты, чоловиче робышь?

— Корыто, каже чоловікъ.

— Якъ Богъ дасть, такъ буде корыто.

Росердывся чоловікъ та й каже:

— Тутъ и безъ Бога выдко, що буде корыто,— та й цюкае дальше.

Цюкъ та й цюкъ, колы роздывывся, ажъ вже й корыто не выходить.

— Зроблю-жъ я соби корячокъ,— надумавъ чоловікъ та й почавъ зновъ цюкаты. Колы тутъ де не взявся страникъ:

— Здоровъ, чоловіче!

— Здоровъ!

— Боже поможы!

— Спасыби!

— А що се ты робышь?

— Корячокъ.

— Якъ Богъ дасть, такъ и буде корячокъ.

Ще дужче росердывся чоловікъ та й каже:

— Тутъ уже й безъ Бога выдко, що буде корячокъ,— та й почавъ дальше цюкаты

Та доробывся, що вже й корячокъ не выходить. Почавъ робыты ложку и ложка не выходить. Та тоди вже, якъ ничего билшъ робыты, такъ застругавъ шпычку.

Такъ ось якъ замисть човна чоловікъ зробывъ шпычку.

(Записаль П. Я. Череватенко въ Острогжскомъ у. Воронежск. губ.)

212. ЖИНОЧА КАРА.

Ишла разъ валка чумакивъ черезъ село. Дывляцця, ажъ бѣецця чоловікъ изъ жинкою, а жинка крычить: «бый мене, рижъ мене, а не буде по твоему!» Отъ одынъ и каже: «ну, я бѣ ййи навчывъ... Вона бѣ у мене такъ не репетувала!» Та молодыця и устрочыла, который це сказавъ.

Пройихалы ти чумаки одъ села верстовъ скилько, колы нагоньтъ йихъ якась молодыця, привиталась изъ однимъ та поручъ зъ нымъ и пишла. Ось уже й вечоріе, а молодыця та одно гомоньтъ съ чумакомъ. Иншымъ же байдуже, а тому тежъ не въ тямкы. А молодыця така моторна та гарно вбрата, та любо такъ балака... Лаштуюцца чумаки на ночлигы, и вона зъ нымы. Назавтра вранци рушылы въ дорогу. Молодыця все не отстае одъ того чумака. Такъ вони й додому прыйихалы.

Сталы чумаки розъйиздытысь по дворахъ. Повернувъ и цей до свого двора. Молодыця за нымъ. Пovýбигалы диты й жинка його. Та тоди молодыця въ голосъ: «бачъ, який!... пидвивъ мене на безголовье,—казавъ: нема ни дитей, ни жинкы, а це жъ—що?!» Винъ уже: «та цуръ тобі, я тебе овсімъ не знаю.»—Дакъ куды!... А тутъ и жинка плаче: «що це ты, чоловіче, наробывъ!» Диты й собі. Бачыть чоловікъ, що не перелывкы;—уже и сякъ, и такъ мостыть, щобъ одкаснулась прычепы—ни! Довелось дило громади, розбираты.

Поклыкалы його й товаришивъ. Ти кажуть, що зъ нымъ була молодыця, а про що вони тамъ гуторылы—не видаемъ. Прыстали уси на те, якъ допевнялась и молодыця, щобъ йій половыну худобы, и тоди вона одкынецца.

Сталы дилытысь худобою. Подилылысь скотомъ; остаецця одна тельця. Чоловикъ и каже: «хочъ ты мени сплаты, хочъ я тобі сплачу.»—Я такъ не хочу.—«А якъ же ты хочешъ?» «Перерубай на двое!» Треба тому рубать. Дали дійшла черга до солы. Чоловикъ и каже: «або ты беры одихъ тры возы, а я ти заберу, або я ци заберу, а ты оти беры.»—Не хочу я такъ.—«А якъ же ты хочешъ?»—Передины мени прыгорщамы.—Мусывъ вянь перемиряты ту силъ прыгорщамы. Якъ ставъ мираты, домиравсь до того, що замисць пучокъ стыр-

чать сами кистки,—ни кожи, ни м'яса нема. Отъ молодця тоди й каже: «не треба мещи, чоловиче, твоейи худобы; поживай надбане добро съ своимы диточкамы, та тилько скажи мени: хто кого навчывъ—чы ты мене, чы я тебе?»

Записаль В. Т. Андриевскій въ с. Рожновкѣ Борзенскаго у. отъ крестьянина Григорія Даниленка, среднихъ лѣтъ.

Манжура, Сказки, стр. 101. Бабська прычепя.

213. ПОКАРАНА ЖИНКА.

— Ну-те, а скажить мени, чы сьому може буты правда? Кажуть: одружывся йидень чоловикъ и живутъ соби удовохъ изъ жинкою. А жинка та вельмы гарна була. Отъ дывыцца разъ чоловикъ на нейи та й каже: «якъ-бы найшовсь якый панъ, щобъ добре заплаатывъ, я бъ пустывъ тебе до нього. Чы пишла бъ?» пытае.—«А чому-жъ? абы гроши!» одбазуе вона.

Побалакалы... Коны—стукъ, стукъ у вибно: просыцца якыйсь панъ на ничъ. Увійшовъ у хату и шапки не скинувъ Слово по слову, пидмовляе винъ молодыцю,—каже: «заплачу добре». Та згожуецця.» «Тилькы, каже панъ, я въ хати не хочу; ходимъ до стодолы.» Молодыця понесла туды подушкы, послалась.

А чоловика такы бере нетерплячка въ хати. Выходыть винъ изъ хаты, ажъ крычыть його жинка не своимъ голосомъ. Винъ—до стодолы, не видчыныть ворить; винъ тоди до сусидъ. Поки се та те,—и пивни запилы,—тоди й ворота одчынылысь. Ускочылы туды, а жинкы вже не чутъ; дывляцця, ажъ вона розирвата на-двое и йидною ногою до 'днійи, а другою до другойи сохы привъязана...

А панъ той бувъ самъ нечистый, тымъ винъ и шапки не скидавъ, щобъ не видно рижкивъ було.

Записаль В. Т. Андріевскій отъ Подолянина изъ Винницького уѣзда
Гаврила Свистуна, челоуѣка среднихъ лѣтъ, въ 1894 году.

214. ЛЫХА ЖИНКА.

То йиздывъ Лытвынъ зъ горшкамы, чы зъ чымъ тамъ. Просыцця на ничъ. Отъ хазяйинъ и каже: «я бѣ», — каже, — «раднѣшый, та у мене жинка така проклята... якъ прыйде зъ шынку, буде й тоби лыхо, й мечи.» А Лытвынъ: «та пусты, братъ, я тихо лежатыму.» Ото й зайихавъ. Повмощувалысь, лежать. Боля, — крычыть, гуркае, — вертаецця хазяйка зъ шынку: «свиты свѣтло, сыпъ вечеряты!» Чоловикъ схопывся, мотаецця, кынувся до печи, горшкы вытягае...

Отъ, удосвита вже, якъ переночувалы, Лытвынъ и каже: «ето, твоя, братъ, ище и зъ Богомъ, — хочъ засне сама, а моя — якъ не сповый та не заколышы, то й не засне.» А хазяйка чуе та: «бачъ, бачъ, якъ у добрыхъ людей поводицця! Щобъ ты й мене сповывавъ!»

Лаштуецця Лытвынъ у дорогу. Выйшовъ и хазяйинъ поратысь. Отъ, Лытвынъ йому й шепнувъ: «ты, каже, прыготовъ лантухъ та вирьовку, та укрудзюй добре та тоди — бычемъ, бычемъ; побачышь, колы не кыне.»

Того жъ такы дия жинка знову напылась, иде и крычыть: «сповый мене!» А чоловикъ: «лягай, лягай!»... У його вже усе прылагоджено! Отъ ставъ винъ ййи укручувать. «Не туго!» крычыть жинка. Винъ трохы слабше, а на ногахъ якъ прытягне. Вона тоди: «о, глѣды-жъ — ты ще й бытынешъ?...» -- Заразъ и догадалась! А винъ завязавъ та смыкъ ййи съ полу додолу та за бычъ... Якъ узавъ же ййи молотыты! Дакъ забожылась, запрысяглась: «якъ ко-

мандують люде жинкамы, такъ и ты команду, а горилкы и въ ротъ не братыму.»

Вертаецця Лытвынъ той додому и навмысне зайиздыть до сього хазяйина. Пораетця уже молодыця коло печи. Познала Лытвына и такъ йому дякуе, такъ дякуе: «я,» — каже, —була зовсимъ пропаща людына, а теперь я чесна го-снодыня»...

(Записаль В. Т. Андріевскій отъ козака Андрея Гавриша, среднихъ лѣтъ, въ с. Рожновкѣ Борзенскаго у. въ 1895 г.)

215. БАТЬКО ТА СЫНЪ.

Бувъ соби батько, а въ його одынъ сынъ. Отъ якъ ставъ батько вже старый, такъ переставъ його сынъ поважаты и жалиты такъ якъ слидъ старого батька.

Одного разу почалы воны молотыты, и сынъ на снидання наризавъ беззубому батькови самыхъ шкурынокъ, а соби бравъ мякушку. Вставъ батько з-за столу голодни-сенькый, одначе пишовъ такы молотыты.

Якъ стало вже сонечко на обидъ, сынъ и клыче батька обидаты.

— Пидожды, сыну, одмовывъ йому батько, бо ще йисты не хочецца.

Пидождавъ сынъ трохи, а йисты дуже хоче; отъ винъ и клыче удруге батька; а батько упъять и каже:

— Та щось йисты байдуже.

Вже й сонце зъ обидъ звертае, а воны все ще не йдутъ обидаты

Дывуецця сынъ, що батько й доси не йде обидаты, та й пытае:

— Чому се вы, тату, й доси не голодни? а въ мене ажъ шкура болыть—йисты хочецца.

— А тому,—одмовывъ йому батько,—що йивъ шкурынкы, а въ шкурынци увесь хлибъ; мнякушка-жъ все одно, що й трава, въ їй сылы немає...

Съ тойи поры ставъ сынъ соби шкурынку зоставляты, а батькови мнякушку.

А тому того й треба.

(Записалъ П. Я. Череватенко въ Острогожскомъ у. Воронежск. губ.)

216. ДОВРЫЙ ВАТЬКО.

Булы у батька тры сыны. И николы винъ на йихъ не гнивался, щобъ тамъ воны погане не зробылы.

Отъ сыны разъ, громадючы сино й змовылысь розгниваты батька. Узялы та якъ згромадылы першого стога й запалылы його.

Та не розгнивался батько. Пидійшовъ до стога и ставъ мовъ-бы гривъ руки, а дали й каже:

— Ахъ, диты, диты, гарно зъ огнемъ и въ лити.

(Записалъ П. Я. Череватенко въ Острогожскомъ у. Воронежск. губ.)

217. ЯКЪ МОСКАЛЬ СТРЫВАВЪ.

Стояла у Кыйиви коло Лаврськоїи дзвиници купа людей и дывувалыся, яка вона висока.

Пидійшовъ до ныхъ одынъ Москаль, подывывся та й каже:

— Хочъ и висока, а я пидстрыбну выше видъ нейи.

— А ну-ну,—сказавъ одынъ панъ.

— Давай карбованця!

— То що—й дамъ; абы тилькы пидстрыбнувъ такъ, якъ кажешъ.

Взявъ москаль тоди й пидстрыбнувъ якъ на ликоть, а люды й пытають:

— Що-жь ты?

— А що, - каже москаль, — нехай вона хочъ такъ пидстрыбне.

Ничого було робыгы панови — вытягъ винъ карбованця й видавъ москалеви, бо бувъ москаль правый.

(Записаль П. Я. Череватенко въ Острогожскомъ у. Воронежск. губ.)

---

218. ЗЛОДІЙИ.

Прийшли Москали у хутиръ красты. Отъ деяки пишлы по городахъ и почалы полотно забираты, а други по улыцяхъ — грають та выпивують:

— Тягны, тягны не дримай, на вси боки розглядай, не тягнеця — выймай нижъ та мерщій його й одрижь.

Повыходылы люде, дывуюця на музыку, а ще билше на спивы. А якъ Москали пишлы — оглядильсь, а полотна нема на городахъ.

(Записаль П. Я. Череватенко въ Острогожскомъ у. Воронежск. губ.)

---

219. ХЫТРЫЙ ЦЫГАНЪ.

Посадывъ разъ чоловикъ Цыгана борщъ йисты й каже йому:

— Йижъ скиллы хочъ, але хочъ хвалы, хочъ коры, а бытому й за те й за те.

Йистъ Цыганъ, а самъ усе думае, якъ бы його выкрутитысь, щобъ не буты бытому.

Отъ найився, а чоловикъ и пытае:

— Ну, якый же борщъ?

— Однаковий, — каже Цыганъ.

Такъ и не впало чоловікови Цыгана быты.

(Записаль П. Я. Череватенко въ Острогожскомъ у. Воронежск. губ.)

220. ВЪ ГОСТЯХЪ И ДОМА.

Бувъ одышъ панъ у гостяхъ и добре тамъ гостювався, йивъ усяки стравы и пывъ усяки вына и такъ нагостювався, що не чувъ, якъ його й додому привезлы. Прокынувся винъ та й кричить:

— Лакей! вына!

— Нема, пане.

— Ну, то пыва!

— Нема й пыва.

— А де хыба я?

— Дома, пане.

— Ну, такъ давай воды!

(Записаль П. Я. Череватенко въ Острогожскомъ у. Воронежской губ.)

221. ДВА ВРАТЫ: СКУПЫЙ ТА ДОВРЫЙ.

Жылы соби сумижно два браты. Уродыйвъ йимъ Богъ хлиба. Сталы воны його молотыты.

Старшый молоте та потранляе, щобъ солома йидомиша була скотыни, и не дуже вымолочуе зерно, хочъ и тришкы останецця, такъ винъ ничего, а другый выбывае все до канцура, щобъ зерна бильше було.

Якъ поскладады солому, такъ того солому такъ и вскрыла галычъ. Пасущця бачъ по ейи, та ище яка галка, то найде колосокъ та й несе геть.

Дывыцца меншый на це й глазуе съ старшого, гука на його: «Дывысь, Мыроне! рознесуть галкы соломѹ!» А Мыронъ дывыцца та мовчыть, тилко думае: пидожды, ще що у тебе буде!

Прийшла люта зима. У Мырона скотына ходе соби, любенька, сытенька, а у Ивана стала худнuty та слабнuty, а дали йдохнuty. И почало тоди вже до Ивана вороння литаты, та тикѹ не до соломы, а на здохлятыну и почалы видѹ Ивана не колоскы, а кышкы тягаты.

Дывыцца тоди Мыронъ та й гукае до Ивана: «дывысь, Иване,—рознесе вороння скотыну»!

Тилько чухаецця тоди Иванъ та жалкуе вже.

— Бузобъ же, каже, и мени пе дуже за зерномъ ганяцця.

(Записаль П. Я. Череватенко въ Острогѹжскомъ у. Воронежск. губ.)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Страницы:
Предисловіе - - - - -	I.

О Т Д Ъ Л Ъ I.

1. Зиркы - - - - -	1
2. Песыголовци - - - - -	1
3. Комари - - - - -	3
4. Комари (ворожка) - - - - -	3
5. Жабы - - - - -	4
6. Гадюкы пидъ Чесного Хреста - - - - -	4
7. Гадюка зъ золотыми рогами - - - - -	5
8. Гадюка - - - - -	5
9. Дви сыныци та орель - - - - -	6
10. Зозуля - - - - -	6
11. Соловейко - - - - -	6
12. Кажанъ - - - - -	7
13. Черезъ що собака съ кишкою грызуща - - - - -	7
14. Корова - - - - -	8
15. Коваль и чортъ - - - - -	9
16. Скло - - - - -	9
17. Про тютюнъ - - - - -	10

О Т Д Ъ Л Ъ II.

18. Витеръ - - - - -	11
19. Дощъ - - - - -	11

	Страницы:
20. Градь - - - - -	13
21. Завируха - - - - -	13
22. Мисяць - - - - -	13
23. Рыбалки - - - - -	13
24. Вовкы - - - - -	14
25. Вышні - - - - -	14
26. Хозяйскія приѣты - - - - -	15
27. Сино - - - - -	15
28. Скотына - - - - -	15
29. Квочка - - - - -	16
30. Зубы у скотыны - - - - -	16
31. Постѣвъ - - - - -	16
32. Орихы та хлибъ - - - - -	17
33. Курчата - - - - -	17
34. Пятныця. Понедилокъ - - - - -	17
35. Золиня - - - - -	17
36. Дійкы у коровы - - - - -	18
37. Молоко и медъ - - - - -	18
38. Тканіе (волки, жито, гроза и градъ) - - - - -	18
39. Швачка - - - - -	18
40. Незаконнорожденный - - - - -	19
41. Злодійство - - - - -	19
42. Пожаръ - - - - -	19
43. Волосся - - - - -	19
44. Подушки (головная боль) - - - - -	20
45. Сонъ - - - - -	21
46. Гистъ - - - - -	21
47. Маты й дочка - - - - -	21
48. Замужество со вдовцомъ - - - - -	21
49. Лежачый - - - - -	21
50. Молебень на «обидныка» - - - - -	22
51. Смерть - - - - -	22
52. Страшный судъ - - - - -	23

О Т Д Ъ Л Ъ III.

53. Хворобы - - - - -	24
-----------------------	----

Страницы:

54. Сглазь -	-	-	-	-	-	-	24
55. Холера -	-	-	-	-	-	-	25
56. Пропасныця	-	-	-	-	-	-	25
57. Дытына	-	-	-	-	-	-	26
58. Отрута	-	-	-	-	-	-	31
59. Мышки зрываты	-	-	-	-	-	-	34
60. Спына -	-	-	-	-	-	-	34
61. Одъ икавки	-	-	-	-	-	-	34
62. Зубы -	-	-	-	-	-	-	34
63. Лышай -	-	-	-	-	-	-	35
64. Чырякъ	-	-	-	-	-	-	35
65. Ожога -	-	-	-	-	-	-	35
66. Очи -	-	-	-	-	-	-	36
67. Переломъ кости	-	-	-	-	-	-	36
68. Отъ подкожныхъ жировыхъ нарывовъ	-	-	-	-	-	-	36
69. Зилля -	-	-	-	-	-	-	36
70. Пошестъ (эпидемія) на скотъ	-	-	-	-	-	-	36
71. Вымя у коровы	-	-	-	-	-	-	37
72. Допросъ	-	-	-	-	-	-	37

О Т Д Ъ Л Ъ IV.

73. Не отдавши чортамъ душу багатый не будешъ -	38
74. Чорты-слуги -	39
75. Обдуренный чортъ -	40
76. Скрыпаль -	40
77. Чортъ, до меду ласый	41
78. Чорта окропомъ облыто	42
79. Грошолюбъ -	43
80. Лисовыкъ -	44
81. Русалки -	45
82. Про вовкулакивъ -	45

О Т Д Ъ Л Ъ V.

83. Про вдову, що вночи прjala -	49
84. Якъ Нычпиръ дилывъ вареныкъ -	49

85. Небоязкий полковникъ	-	-	-	-	49
86. Упырь	-	-	-	-	52

о т д ѣ л ѣ VI.

87. Вѣдмы и вѣдьмаки	-	-	-	-	57
88. Видьма	-	-	-	-	60
89. Кинь	-	-	-	-	60

о т д ѣ л ѣ VII.

90. Скарбъ	-	-	-	-	62
------------	---	---	---	---	----

о т д ѣ л ѣ VIII.

91. Грихы	-	-	-	-	63
92. Про Пантелемона	-	-	-	-	66
93. Про Свырыдона	-	-	-	-	69
94. Янголь	-	-	-	-	71
95. Святый	-	-	-	-	73
96. Чому Цыганови брехаты вильно	-	-	-	-	74
97. Соломоновы лита	-	-	-	-	75

о т д ѣ л ѣ IX.

98. Неохайна господыня	-	-	-	-	77
99. Хазяйновыта жинка	-	-	-	-	78
100. Чоловикъ та жинка	-	-	-	-	79
101. Добра жинка	-	-	-	-	79
102. Якъ жинка чоловика годувала	-	-	-	-	79
103. Робоча жинка (дивка) I—II.	-	-	-	-	79
104. Хытра видмова	-	-	-	-	80
105. Вдова	-	-	-	-	81
106. Ладъ у синьи	-	-	-	-	81
107. Почему дѣти не можуть ходитъ тотчасъ послѣ рожденія	-	-	-	-	83
108. Яко на неби и на земли	-	-	-	-	83
109. Маты й сынъ	-	-	-	-	84

	Страницы:
110. Дитей не нагодуешъ - - - - -	85
111. Дитя и царь - - - - -	85
112. Прядиння - - - - -	85
113. Ленивый роботникъ - - - - -	87
114. Бидный просе богатства - - - - -	88
115. Якъ чай пыли - - - - -	89
116. Людська правда - - - - -	90
117. Двое очей - - - - -	90
118. Горе - - - - -	91
119. Розбійникъ старцемъ - - - - -	91
120. Вирный Иванъ - - - - -	92
121. Тры браты - - - - -	97
122. Пропала кобыла - - - - -	97
123. Де-дали—поганише - - - - -	98
124. Жинчыне оповидання про те, що було - - - - -	98
125. Прыкащукъ та гадюка - - - - -	99
126. Неправедне дило - - - - -	104
127. Розумни чумаки - - - - -	108
128. Охочый до шинку - - - - -	108
129. Коваль - - - - -	108
130. Доля - - - - -	109
131. Коза - - - - -	115
132. Велыки вивци - - - - -	116
133. Цыганъ-косарь - - - - -	118
134. Видкиля Лытвыны взялыся - - - - -	122
135. Лытвыны поздоровляють - - - - -	123
136. Лытвынъ-нюхарь - - - - -	133
137. Лытвыны та жаба - - - - -	124
138. Лытвынъ та нашъ чоловікъ - - - - -	124
139. Наука - - - - -	124
140. Роспыталыся - - - - -	125
141. Чоловикъ ись Тербиловки - - - - -	125
142. Пидслипа дочка - - - - -	125
143. Баба та салдаты - - - - -	126
144. Бабынъ салдаты - - - - -	127
145. Непам'ятный сынъ - - - - -	127

О Т Д Ъ Л Ъ Х.

Страницы:

146. Дарій та Македонъ - - - - -	128
----------------------------------	-----

О Т Д Ъ Л Ъ ХІ.

147. Мазепщина - - - - -	130
148. Мазепинъ замокъ - - - - -	131
149. Мазепинъ домъ - - - - -	133
150. Чорна могила - - - - -	135
151. Преданіе о дубѣ, насаженномъ преп. Антоніємъ Печерскимъ близъ церкви св. Ілїи въ Черниговѣ	136
152. Монастырь св. Троицы въ Черниговѣ - -	137
153. Преданіе о болотѣ Замглай - - - -	139

О Т Д Ъ Л Ъ ХІІІ.

154. Ведмидь, дидь та лысыця - - - -	144
155. Яглыкь-кумъ и лысыця-кума - - - -	145
156. Дидь та баба - - - - -	147
157. Зла маты та сынъ, що побывъ змїивъ - -	149
158. Зла маты та сынъ - - - - -	155
159. Чурьло, Иванъ царевычъ та Елена прекрасна -	159
160. Зміева дочка - - - - -	165
161. Батько й три сыны - - - - -	170
162. Якъ чоловікъ у царивны перстинъ узявъ -	175
163. Про двоохъ братель: убогого та багатого -	177
164. Два браты - - - - -	179
165. Ивашко-ведмеже вушко - - - - -	181
166. Хлиборобъ - - - - -	183
167. Чоловикъ болтанський, багатырь бусурманський -	188
168. Три денежки - - - - -	195
169. Якъ Богъ дасть, то и въ викно подасть. -	198
170. Дивчына у розбійныкивъ - - - - -	199
171. Дурни люде - - - - -	203
172. Дурный Йося - - - - -	205
173. Два браты, розумный та дурный - - - -	208
174. Дурьсвиты - - - - -	212

175. Воръ Антонъ -	-	-	-	-	-	214
176. Небылицы 1. -	-	-	-	-	-	218
177. Небылицы 2. -	-	-	-	-	-	221
178. Дидъ та я -	-	-	-	-	-	224
179. Кто чуднишый? -	-	-	-	-	-	225
180. Якъ одынь чоловикъ та хотивъ забагатити	-	-	-	-	-	225
181. Боязькый чоловикъ -	-	-	-	-	-	226
182. Розумный батько -	-	-	-	-	-	227
183. Глухый та губатый -	-	-	-	-	-	228
184. Мазуръ та ксьондзъ -	-	-	-	-	-	228
185. Личилныкъ -	-	-	-	-	-	229
186. Охочый до соли -	-	-	-	-	-	230
187. Гоминка -	-	-	-	-	-	230
188. Смерть -	-	-	-	-	-	230
189. Не кинь, а кобыла -	-	-	-	-	-	231
190. Приказкы -	-	-	-	-	-	231
191. Загадки -	-	-	-	-	-	247

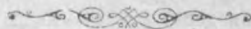
Д О Б А В Л Е Н І Я.

192. Дрикъ та вилъ -	-	-	-	-	-	251
193. Комаръ та оводень -	-	-	-	-	-	252
194. Гусы -	-	-	-	-	-	252
195. Кулыкъ -	-	-	-	-	-	252
196. Сорока -	-	-	-	-	-	253
197. Зинське щеня -	-	-	-	-	-	253
198. Пыпотъ -	-	-	-	-	-	253
199. Нове йисты -	-	-	-	-	-	253
200. Прикметы одъ старыхъ людей -	-	-	-	-	-	253
201. Якъ выпысувати пропасныцю -	-	-	-	-	-	255
202. Сельскій лѣчебникъ -	-	-	-	-	-	256
203. Чары до любощивъ -	-	-	-	-	-	280
204. Книжка св. Зосимы (о пчелахъ) -	-	-	-	-	-	281
205. Щобъ рыба ловилась -	-	-	-	-	-	282
206. Чорты громомъ убываю -	-	-	-	-	-	282
207. Якъ видьму пизнати -	-	-	-	-	-	283

23-00

— 308 —

208. Лытвынь и дивчата-видьмы	-	-	-	283
209. Видьма й парубокъ	-	-	-	284
210. Братъ у брата на тому свити	-	-	-	287
211. Безъ Бога ни до порога	-	-	-	291
212. Жиноча кара	-	-	-	292
213. Покарана жинка	-	-	-	294
214. Лыха жинка	-	-	-	295
215. Батько та сынъ	-	-	-	296
216. Добрый батько	-	-	-	297
217. Якъ Москаль стрывавъ	-	-	-	297
218. Злодійи	-	-	-	298
219. Хытрый Цыганъ	-	-	-	298
220. Въ гостяхъ и дома	-	-	-	299
221. Два браты: скупый та добрый	-	-	-	299

GR
203
.U5.H73
v.1

**Stanford University Libraries
Stanford, California**

Return this book on or before date due.
